

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей
Бабернов

ЗВЕРЬ???

Его бросила женщина. У него проблемы с алкоголем. И в довершение к прочему ему назначили напарника. И какого! Аккуратненькие костюмчики, сюсюканье со свидетелями, обязательные горячие обеды и экспандер на тщательно закреплённом крючочке. Его он ненавидел больше всех душегубов, маньяков и киллеров, увиденных за время службы.

А дело, которое им предстоит раскрыть, пожалуй, самое сложное, необычное за всю его работу в розыске. Фантастическое. И самое страшное...

С кем же или с чем им придётся схватиться?

Все события и герои в романе вымышлены. Любое совпадение прошу считать случайностью.

Сергей Бабернов

Зверь???

Капитан ненавидел утро. Когда ещё, открыв глаза, чувствуешь себя так погано? Наверное, кто-то там, наверху, придумал проклятое время суток, что бы досадить вот таким не выспавшимся капитанам. Рука нырнула под подушку... Привычные формы, безупречная в своей гладкости поверхность, и готовность помочь в любой момент! Стоп!

Капитан в очередной раз рванул за хвостик мыслишку, что думает о бутылке пива, как... Нет! Даже никак о Ней! Кто Собственно Она! Фантом?! Идеализированная стерва! Хватит!

Горьковатая, ещё сохранившая вчерашнюю крепость, янтарная жидкость деранула по иссохшему горлу и упала в измученный фастфудами желудок.

«А кому какое дело?» — подумал капитан, досасывая колючую пену, и выполз из кровати.

Влажная наволочка цепанулась за щетину. Постель не отпускала капитана, как он когда-то не отпускал Её. Не отпускал?! Себе врать не надо! Если бы ты только захотел... Поддрагивающая рука зарылась в кармане куртки, с минуту капитан разглядывал алую книжицу.

«Зачем?» — пальцы снова в кармане, нащупывают что-то мягкое продолговатое. Одной рукой капитан подносит к губам сигарету, другой открывает удостоверение.

«Не каждый йогурт одинаково полезен», — думает капитан, давясь сигаретным дымом и глядя на физиономию, ещё пару лет назад бывшую привлекательной.

Красильников Игорь Владимирович.

«Кто это?»

Глубокая затяжка, рука под подушкой, мягкая кожа, щелчок...

Как приятно ощущать тяжесть и прохладу безжалостной стали! Как завораживает бездонный свинцово-безжалостный зрачок, как хочется дёрнуть за курок и решить всё!

— Сначала ты! — движение пальца и оружие на предохранителе, изжёванная сигарета летит в форточку, рука сминает что-то цветное, отпечатанное в «Kodace».

Капитан бросается к двери.

* * *

— Игорёк, ты меня пойми! Вопрос ребром поставили. Ты зачем с Парановым сцепился?

— Товарищ майор, я работал без напарников. Последнее время.

— Да... Но это...

— Так какого хрена мне в пару ставят уroda, белоручку.

— Товарищ капитан!

— Нет, товарищ майор, я доведу это дело! Доведу! Мне бы ещё парочку криминалистов и...

— Наглеешь! Может тебе ещё оперативную группу под начало? Не в столицах живём, мой дорогой.

— И экспертизу без очереди. Служу России, товарищ майор, и готов к присвоению

очередного воинского звания!

— Не хочешь сойти? Отдохнуть?

— Я когда-нибудь сходил, товарищ майор? А на отдых вы меня уже посылали — по просьбе бывшей моей. Припоминаете?

— Тебе всё равно на пользу не пошло... Паранова тиранишь?

— No comment.

Красильников измерил шагами коридор, покурил (сперва в туалете, после в специально отведённом месте), изобразил кривую усмешку, пропустив мимо ушей туповатый анекдот Мигурского из соседнего отдела и встал перед дилеммой — где бы ещё убить рабочее время. Выезда на место происшествия не предвиделось, свидетели опрошены, подозреваемые отпущены... Работа с документами? Не помешало бы, но документы в кабинете — именно туда капитану и не хотелось.

По воле майора, недавно явился человек, коего Игорь ненавидел больше всех душегубов, маньяков и киллеров, увиденных за время службы, а если учесть, что капитан искренне считал своих подопечных неисправимыми подонками, мечтал о хорошей дозе свинца для каждого (заодно и для болтливых, лощёных адвокатов), то нетрудно догадаться, какие чувства испытывал Красильников к нежданному напарнику. Аккуратненькие костюмчики, сюсюканье со свидетелями, обязательные горячие обеды и экспандер на тщательно закреплённом крючочке, доводили Игоря до тошноты. Такой горе-опер, наверняка, через пару лет заработает безупречную характеристику и свалит в адвокатскую контору, а ещё годков через пять затрётся юридическим советником к какому-нибудь толстосуму. Мразь!

Под старым свитером, в нагрудном кармане рубашке, ждала своего часа заветная фляжка. Искушение велико, но капитан решил — ничего крепче пива до пяти вечера. Кстати, о пиве! Игорь вспомнил мучительный выбор пред палаткой, по дороге на работу — купить шоколадку для Мариночки из химлаборатории или потратить катастрофически тающие купюры на бутылку пива. В конце концов, Красильников рассудил — девчонке, за её работу, платит государство, а о его трещащей голове и подступающему к горлу желудке позаботиться некому. Вывод налицо: шоколадка — баловство и даже мелкая взятка, а, скажем, «Арсенальное Крепкое» или что-то в этом роде — предмет первой необходимости и экстренной помощи измученному организму.

Довольный капитан направился в химлабораторию. Самое время забрать результаты анализов у лишённой презента лаборантки.

* * *

Лаборантка (не успевшая подыскать более хлебное место или мужа ворюгу, выпускница ВУЗа) побаивалась Красильникова, впрочем, как и большинство работающих здесь женщин. Вечно хмурый, небритый, он вваливался в лабораторию, и запахи химикатов уступали место термоядерной смеси дешёвых сигарет и перегара. Запах не вызывал раздражения, в нём было даже что-то особенное, но он никак не сочетался с представлениями Мариночки о настоящем мужчине: красивом, умном, богатом и естественно влюблённом в неё без памяти. Трудно представить, как обозлённый субъект в растянутом свитере и потёртых джинсах объясняется в любви, в ожидании встречи обливается «Боссом» или «Олд Спайсом». Такой, если не занят по работе или не напился до смерти, скорее всего пялится в телевизор,

предпочитая футбол или боевик про такого же как он сам ненормального.

— Вчерашние результаты, — бросил капитан.

Девушка поёжилась. В комнатке залитой ласковым весенним солнцем потемнело. Случайность или нет, но туча выползла именно в тот момент, когда капитан переступил порог. Лаборантка поспешно спрятала пилочку для ногтей и непослушными пальцами принялась перебирать папки с документами. На Красильникова девушка отваживалась взглянуть только из-под полуопущенных ресниц. Сама не понимая зачем она полезла в отчёты за прошлый месяц.

— Вот же они, — Игорь скривил губы. — Ну и бардак развели!

Капитан взял папку, раскрыл, просмотрел бумаги:

— Анализ слюны?

— Идентичный прошлым, — девушка не могла отделаться от впечатления, что Красильников разглядывает хорошо знакомое помещение, как потенциальное место преступления. Вон там труп со следами насильственной смерти, рядом тёмное пятно бурого цвета, поодаль предполагаемое орудие преступления. Жуть. Не человек, а робокоп какой-то! Пошути с таким насчёт пустых рук.

С утра Мариночка уже получила десяток комплиментов насчёт новой причёски и цветущего вида. В ящичке стола покоилось две шоколадки, в вазочке алели гвоздики. Пустяк, конечно, но приятно, когда на тебя обращают внимание. Красильников же если и подарит что-нибудь (случай более редкий, чем квартальная премия), то с видом человека, предлагающим ключи от сейфа бухгалтерии в день зарплаты.

— Сперма? Кровь? Пот? Волокна? — Игорь переворачивал листы один за другим.

— Там всё записано, — Мариночке хотелось поскорее избавиться от капитана. — Я делала только половину анализов. Потому...

— Ясно, — Красильников захлопнул папку. — Разберёмся. Кто умер?

— Что? — глаза девушки округлились.

— Четыре гвоздики, — Игорь кивнул на вазочку. — Обычно, чётное число для покойников.

— Это для меня, — пролепетала лаборантка.

Капитан ухмыльнулся и вышел из лаборатории. Мариночка, придя в себя, схватила гвоздики и швырнула в мусорную корзину. Идите вы к чёрту со своими подарками!

У криминалистов Игорь задержался. Петрович — старейший работник отдела — помнил Красильникова — щеголеватого, жизнерадостного лейтенанта, любимца всех сотрудниц, свидетельниц и даже проституток-стукачек. То ли в силу слабости зрения, то ли из ностальгии, а может по каким-то своим соображениям, старик как бы не замечал ни припухшего лица капитана, ни тёмных кругов под покрасневшими глазами, ни седоватой щетины, ни опустившихся плеч. О скверном характере Игоря и говорить не приходилось; когда была нужно, Петрович виртуозно прикидывался глухим, и ехидно-грубоватые замечания Красильникова висли в воздухе.

— Чайковского, Игорёк? — очки заползли на лоб, узкая рука прошлась по жизнерадостно-розовой лысине. — Я как раз собирался.

Капитан смотрел, как солнечные лучи отражаются на макушке старика, и его тошнило. Виной тому не похмелье. К нему Игорь привык, как привыкают друг к другу супруги лет за двадцать семейной жизни. В крайнем случае можно дотащиться к ближайшей палатке и залить внутренний огонь. Но вот куда спрятаться от жизнерадостных физиономий, пустых

вопросов, вынужденных разговоров? Как они все достали. Порой Красильников чувствовал себя незванным гостем на всеобщем празднике. Как ему надоели все: от улыбающегося дежурного на входе, до майора, с умилением болтающего о первом шаге внука-сопляка!

— Мне лучше пивчанского, — буркнул Игорь, не надеясь отделаться.

— Ась? — улыбке старого хрыча позавидовал бы и рецидивист. Сама невинность!

— Я на минуту, за результатами, — капитан никогда не сдавался с первого раза. —

Очень много дел.

— Вот ведь черти, врубят радио, аж стены трясутся! Работать-то не мешает, а вот говорить невозможно. Так тебе сколько сахара?

Красильников прислушался к едва различимому бормотанию за стеной, глянул на чайные пакетики в кружках, мысленно проклял булькающий электрочайник и капитулировал. Старый хрыч может лепить горбатого до вечера, а отчёты криминалистов нужны позарез. Господи, только бы хватило терпения выпить кружку вонючей коричневой гадости и выслушать десяток житейских советов. Капитан вспомнил Паранова и ухмыльнулся — уж лучше кампания криминалиста-симулянта, чем напарника-гомика.

* * *

Халявный чай неприятно булькал в желудке, от дурацких сушек болело горло, а рассуждения старика о жизни — человеческой вообще и его Красильникова в частности — вернули головную боль. Сейчас Игорь жаждал увидеть «напарника». Вот на ком капитан сорвёт скопившееся за утро раздражение, прежде чем прогуляться к заветному ларьку. Не пояись проклятый хлыщ, сидел бы Игорь сейчас в кабинете, а все эти лаборантки-криминалисты сами бы несли свои бумажки. Нет, Паранову просто необходим разнос старшего товарища. Главное повод найти повесомее.

— Балдеешь, голубь ясный?! — капитан швырнул папки на стол, глянул на стул и отказался от идеи всей тяжестью обрушиться на рабочее место — замены мебели в ближайшее время не предвиделось, а балансировать на колченогом инвалиде во время допросов не хотелось. — Я с утра и на ковре побывал, и побегал, пособирал бумажки, а мы тут чем занимаемся? Ноготочки полируем? Творожок «Активиа» кушаем, чтобы животик не болел?

— Товарищ капитан...

— Кто старший группы, я спрашиваю?! — Красильников представил, как отправляет розовощёкого пижона в камеру к уркам не особо щепетильным в сексуальных пристрастиях. Головная боль утихла.

— Вы. Разрешите...

— Я?! Спасибо, что напомнил! Так какого хрена, товарищ недавний студент, старший группы в одиночку подставляет задницу начальству, а потом бежит по отделу и собирает результаты анализов? Я вас спрашиваю? Чем вы занимались?! Может со свидетелями работали? Ещё раз просматривали документы по месту происшествия? Искали в базе данных факты по схожим случаям? Проверяли алиби подозреваемых? Докладывайте! Или вы два часа околачивали груши той частью тела, которую вам следовало оторвать при рождении? Я жду, лейтенант.

Сразу полегчало, словно приложился к заветной фляжке. Игорь едва сдерживал

усмешку, глядя на покрасневшее лицо и горящие глаза подчинённого. Капитану даже чудился скрип белоснежных (естественно, без малейшего признака кариеса зубов), он чувствовал, как запах, особый запах униженного и жаждущего отмщения мужчины, заглушает аромат дорогого дезодоранта. Пускай сорвётся: повысит голос, сожмёт кулаки. У него наверняка «отлично» и по физической подготовке, и по рукопашному бою, наверняка считает себя сильным и крутым. Посмотрим, голубок, что ты знаешь об обычной уличной драке, о грызне на выживание. Ну, давай же!

— Товарищ капитан, — Паранов в очередной раз справился с эмоциями, — с утра поступила сводка происшествий. В районе Петровки обнаружен труп молодой женщины. Судя по всему, случай аналогичный нашим. Мы уже как полчаса назад должны выехать. Я слышал там будут из области.

— Из области?! Какого чёрта ты меня сразу не нашёл?!

— Вы иногда опаздываете... Или, вообще не выходите... Зная о ваших проблемах, я предпочёл дожидаться указаний начальника отдела.

— Знаешь и помалкивай, — Игорь машинально приложился к фляжке, заметил то ли сочувствующий, то ли сожалеющий взгляд лейтенанта, нахмурился. — Сперва со своими проблемами разберись, теоретик. Есть что-нибудь зажевать?

Паранов порылся в сумке, на стол явились завёрнутая в фольгу куриная нога и баночка с салатом.

— У жены вчера день рождения был, — ляпнул он ни к селу, ни к городу.

— Плевал я и на твою жену, и на твои харчи, идиот! Мне не закусить, а зажевать нужно! Понимаешь?! Жвачка там, или конфета вонючая!

— Оставьте мою жену в покое! — лейтенант наконец не выдержал и повысил голос, но Красильников не обратил на него внимания, он уже видел истерзанное тело, гримасу ужаса на застывшем лице, а так же последующий разнос в кабинете майора. — И я вам тоже не мальчик, я, между прочим, я на курсе был одним из лучших по серийным убийцам. Я попрошу вас, товарищ капитан...

— Заткнись ты. И так башка трещит. Ещё одной потрошёной шлюшки не хватало для счастья. Мухой в дежурку и забей машину на нашу группу. Не хватало ещё в эту глухомань на своих двоих тащиться.

Машину Паранов, естественно, прошляпил. Игорь особо не напрягал воображение, чтобы представить следующую картину — дежурный, пряча ухмылку, рассказывает салаге о лимитах на бензин, о необходимости иметь под рукой транспорт на случай экстренного вызова и в завершение клянётся выслать бригаду криминалистов, как только сможет. Бардак! Раскрываемость-то нужна всем, а вот помощи от дармоедов не дождёшься.

Впрочем, капитан особо и не рассчитывал на допотопный УАЗик. Отправляться на нём в Петровку себе дороже — если не развалится на первой кочке, то уж точно засядет в очередной луже. К тому же по дороге Игорь рассчитывал купить сигарет, придать ясность мыслям парой бутылок пива и приобрести что-либо запаха этого самого пива приглушающий.

Как только лейтенант выскочил в коридор, Красильников вынул из сейфа шесть чёрно-белых фотографий. Пробежался по строчкам полученных с утра документов. Внимательно рассмотрел каждый из снимков. Зброшенная котельная, общественный туалет у Дома Культуры, городской парк, лесополоса у железной дороги, комната в коммуналке и последняя — квартира с дорогим ремонтом. Какие разные места, вроде бы ничего общего, если не обращать внимания на одну мелочь — труп. Центральное место в каждой

экспозиции занимало обнажённое женское тело.

— Молодая женщина, — автоматически повторял капитан, — 20–40 лет, нормального телосложения, волосы длинные, особые приметы отсутствуют. Смерть, предположительно, наступила в результате перелома шейных позвонков (тип оружия не установлен), брюшная полость вскрыта (тип оружия не установлен), внутренности извлечены и разбросаны, в каждом случае, кроме последнего, отсутствует какой-либо из внутренних органов. Последней девушке убийца почему-то срезал веки и губы.

Ещё одна странность — маньяк не имеет собственного почерка. Капитан перелопатил гору дел, Паранов (хоть какая-то польза от сопляка) облазил вдоль и поперёк Интернет. Пусто. Начиная с легендарного Джека Потрошителя и, заканчивая ублюдком Чикатило — душегубы оставляли на месте преступления «фирменный знак»: кто-то откусывал соски, кто-то поджаривал почки, кто-то насиловал трупы. В деле Красильникова малейшие намёки на оригинальность отсутствовали. Преступник не имел почерка. Он словно выполнял привычную, поднадоевшую работу или чьё-то задание...

Капитан невольно приложился к фляжке. Стоп! Так чёрт до чего можно додуматься! Убийца прежде всего человек — это главное, а у человека, даже очень нездорового на голову должны быть мотивы. Докопайся до них и готовь наручники.

Итак, если бы он, Красильников, слетел с катушек, кому бы он начал мстить? Игорь вспомнил напарника и плотоядно улыбнулся. К чёрту личное! Мы имеем: длинные волосы, сексуально притягательный образ (при отсутствии попыток вступить с жертвой в близость) и нездоровый интерес к внутренним органам. Круг поиска — больше диаметра земного шара. Проверь кого угодно — рогатых мужей, дембельнувшихся психопатов, нищих хирургов, спившихся мясников и т. д. и т. п.

Но всё же зацепка есть. Она прячется в бесстрастных отчётах криминалистов, в замысловатых формулах лаборантов, на чёртовых фотографиях. Игорю слышался слабый писк, зовущий на тропу истины, но он никак не мог уловить его источник.

* * *

Паранов топтался в дверях.

— Товарищ капитан...

— Машины йок?

— Простите?

— Своим ходом добираемся?

— Так уж вышло... Криминалисты перехватили. У них бомж замёрзший на Проспекте, а потом сразу к нам.

— Слушай, лейтенант, ты никогда не хотел прикончить жену?

— Не понял?

— Ну, скажем футбол по телевизору, а она на бразильских педиков и кошёлочек пялится?

— Я не люблю футбол.

— Ну, не футбол, что-нибудь другое?

— У нас есть второй телевизор, на кухне, маленький.

— Чёрт возьми, ну не из-за телевизора, ещё из-за чего-нибудь — готовит плохо, пить не разрешает, тебе не даёт, на других мужиков заглядывается! Ты же юрист, студент, отличник

— найди повод!

— Товарищ капитан, подобные разговоры я считаю...

— Считают в бухгалтерии, сынок. Ты этого убийцу до китайской Пасхи искать будешь, потому, что не можешь себя на его место поставить. Понял? Нет? Ну и дурак! Я бы свок бывшую прикончил бы только за утреннее похмелье, и за сомнительное удовольствие общаться с тобой! Понял?

— А при чём здесь...

— Да ни при чём! Просто виноватых ищу. Врубаешься? Нет? Ну так подумай, пока добираться будем.

— Я, кажется, понял вашу мысль, товарищ капитан, — озарение посетило напарника у края грязной лужи минут пять форсируемой Красильниковым.

— Понастроят ларьков чёрт знает где! — капитан плюнул на дырявые зимние сапоги и направился вброд. — Надо бы было лицензию проверить, — ноги естественно промокли, Игорь с тоской вспомнил о развешенных дома на батарее сухих носках. — И чего же ты надумал? — он достал табельный ТТ, открыл бутылку пива и убрал оружие. — Выкладывай.

— У любого убийства, даже самого бессмысленного — должен быть мотив! — Паранов с неодобрением косился, как начальник, застывший в позе горниста, поглощает янтарную жидкость. — Верно?

Красильников булькнул в ответ.

— Мы не видим мотива в этих шести убийствах. Верно? Вряд ли сейчас найдём что-либо новенькое. Верно? Потому и топчемся на месте. А мотив должен быть! Должен! Верно?

Капитан разглядывал остатки пены — отчего порой поллитровые бутылки такие маленькие, рабочий день такой длинный, а головная боль такая мерзкая? Отчего ему, чьи ровесники давно работают в районе и области, просиживают кресла в тёплых кабинетах, трясут бабки с проштрафившихся толстосумов и трахают длинноногих секретарш, приходится тащиться к чёрту на кулички в компании сопляка-напарника, чтобы посмотреть на очередную распотрошённую потаскушку? Плюнуть на всё и пойти охранником, хотя бы в этот захудалый ларёк!

— Не плюнешь, Красильников, — пискнул кто-то мерзкий, являвшийся обычно в лёгкой степени опьянения, — ни за что не плюнешь — ты служебный пёс, потрёпанный доберман, готовый вцепиться в глотку по приказу хозяина. Что лепечешь? Нет у тебя хозяина? Есть, дорогой, есть. Ты сам себе его придумал и верно служишь. Не выдумай ты его, давно бы сдох от тоски где-нибудь на помойке.

Игорь откинул дурацкие мысли вместе с бутылкой.

— Ну ты и Пинкертон! Шерлок Холмс без скрипки!

— Не смейтесь, товарищ капитан, я понял вопрос насчёт жены. То, что другим покажется диким и жестоким, я приму, как само собой разумеющееся, но вряд ли смогу объяснить окружающим. Получится — я ненормальный, лишивший жизни молодую красивую женщину из-за, скажем, футбольного матча...

— А она у тебя красивая? — раздражение схлынуло вместе с головной болью и тошнотой, меньше всего Игорь хотел ругаться с сопливым напарником, смотреть на пригородную мясорубку и скрывать перед областным начальством наступающий хмель. Сейчас бы приобрести ещё литра два, засесть перед телевизором, пялиться на экран и пить, пока сознанием не завладеет тяжёлый пьяный сон. Красильников придумал неуместные в

середине рабочего дня желания. Ещё одного залёта не простят — в выговорах, как в шелках, звёздочку сняли два года назад — теперь кроме увольнения ждать нечего. А куда возьмут опера-алкоголика? Охранником в захудалый ларёк? Вряд ли. Так что, терпи, капитан, терпи.

— Не понял?

— Жена, спрашиваю, красивая?

— Наверное, — смутился Паранов, но тут же снова оседлал криминального конька. —

Послушайте, товарищ капитан...

Игорь перестал обходить лужи, ноги всё равно промокли, а сапоги, чем быстрее развалятся, тем скорее придётся урезать алкогольный бюджет и купить новую обувь. Организм требует передышки. Проклятое зелье уже не радует и не расслабляет, а лишь возвращает телу и мозгу подобие работоспособности. Ещё год — полтора такого марафона и шесть досок, венки от управления обеспечены. А может оно и к лучшему? Вот только бы потрошителя напоследок прижать.

— ... мы просто не задумывались над причинами, — продолжал блистать дедуктивными способностями лейтенант, — не нашли взаимосвязь, не вставали на место преступника... Неплохо бы задействовать психиатра...

— Ага. Лично Кашпиоровского.

— Товарищ капитан, я...

— Что я? Думаешь о чём болтаешь! Если ты пристукнешь жену из-за немытой посуды, ты на следующей неделе перережешь глотку, незнакомой бабе по той же причине? Нет! Следовательно, твоё преступление квалифицируется, как бытовое убийство в состоянии аффекта. Если я возьму табельное оружие и перестреляю всех виновных в собственном уродском существовании от акушерки до министра внутренних дел, меня скорее всего признают невменяемым, но аргументы мои налицо. Теперь же найди схожие признаки в художествах нашего приятеля. Ты изучал материалы?

— Конечно. Может причёска?

— Холодно. Большинство баб носят длинные волосы, если ты про это. По-моему, засранец не обращает внимания ни на цвет, ни на структуру, ни укладку. Стиль одежды отпадает. Род занятий — мимо. Телосложение — вряд ли. Возраст — не думаю что остаётся?

— Хм...

— Вот тебе и хм! Остаётся укромное место и пол жертвы.

— Но это признаки большинства серийных преступлений.

— Да? Эх, отличник, наш убийца не пытается вступить в половой контакт с жертвой, на трупах не обнаружено следов спермы и ему безразличны половые органы... Сечёшь?

— Не совсем, — лейтенант скорбно глянул на испорченные дорожной грязью ботинки.

— Он уничтожает самок способных к воспроизведению. Я читал — у одного из племён Амазонии это обычный метод ведения войны, а сейчас помолчи. Нам с тобой ещё с полкилометра грязь месить.

* * *

То что Паранова распирает от вопросов понял бы и слепой, вопросы, догадки и сомнения проступали на физиономии лейтенанта первомайскими транспарантами, однако

беглого взгляда на бороздившего лужи начальника хватило, чтобы отложить расспросы на более удобное время, скажем, когда Красильников примется за очередное пиво или достанет фляжку.

Игорь действительно разозлился бы ни на шутку, осмелся напарник в данную минуту открыть рот. Дело не в раздражении и даже не в личной неприязни — Красильникова захватила собственная версия. Тень, зародыш версии. Мысль об уничтожении потенциальных рожениц вспыхнула внезапно, спалив мрачные размышления о будущем, новых сапогах и высоком начальстве. Капитан не успел толком её переварить, как выложил напарнику. Теперь этот розовощёкий теоретик наверняка считает, что Игорь допился до чёртиков.

«И пусть думает, — отрезал Красильников, — мне с ним детей не крестить! Я-то, по моему, на нужную тропку шажочек сделал. Теперь бы не оступиться».

Чутьё никогда не подводило опытного сыскаря, за то, собственно, до сих пор и терпели в органах. Вот и сейчас словно кто-то невидимый похлопывал по плечу, приговаривая:

— Верно, капитан, верно. За коготок ты ухватился, теперь только птичку не упусти.

Хорош коготок! Меньше муравьиного носа. Почерк у маньяка больно неразборчивый, расплывчатый какой-то почерк. Ненависть к женщинам, готовым по возрастным и физическим параметрам к деторождению. Хм... Слава Богу можно отместить педофилов и любителей старух. Сумасшедший педик? Ненависть к конкуренткам? Месть за собственную неспособность продолжить род суженого? А может ревность? Симпатично. Надо бы пошерстить соответствующий контингент — особенно склонных к насилию и больных на голову.

— Паранов.

— Да.

— Завтра с утра, мухой в районный психушник. Найдёшь главврача, скажешь, что от меня. Соберёшь данные на всех гомосексуалистов — его пациентов, лечащихся, лечившихся и даже вылечившихся. Понял?

— Думаете...

— Я не думаю, а отдаю распоряжение, товарищ лейтенант. Вам ясно?

— Ясно, но подобная информация... Вы понимаете... По закону, он может...

— По закону, напомнишь, что дело его племянника — гражданина Мерковича — до сих пор хранится у меня в сейфе. Достать его — одна минута, и гражданин Меркович вместо столичного ВУЗа отправится годика на два в республику Мордовию шить тапочки или сколачивать ящики Ясно?

— Так точно. Товарищ...

— Молчи, Паранов, не сбивай с мысли.

Первая версия, как правило, почти всегда заводит в тупик. Нет, педиков стоит отработать и капитально отработать, хотя бы для профилактики. Что ещё, товарищ капитан? Импотент? Сомнительно. У импотентов фетиш — половые органы, потом всё прочее. Оставим в запасе.

Людоедство? Хм... Экзотика. Хотя стоит покопаться в архиве. Не было ли подобных случаев лет десять пятнадцать назад в районе или области?

Ещё, что может быть ещё? Возраст! Преступник ненавидит мать, не может отомстить за что-то, потому дублирует её образ. Интересно. Можно и в эту сторону глянуть.

— Товарищ капитан.

— Что ещё?

— Мы пришли почти. Видите наша машина?

— Пришли, так пришли. Смотри, перед начальством завтраком не похвастайся, отличник.

Красильников ухмыльнулся, он заметил потрёпанный «уазик» и допотопный «Урал» с коляской ещё минут десять назад. Заметил и позабыл на время — не хотел отвлекаться. Версия оперялась и росла. К чёрту областных полковников (тем более приехавших на место преступления на машине отдела), перетопчутся.

Может братва?

— Паранов, после обеда к архивариусам, поднимешь всё на убитых. Найдёшь пару схожих моментов, запомни, схожих, жди звёздочки.

— В каком плане схожих, товарищ капитан?

— Ты тупой или где? Связи, бизнес, знакомства... Чёрт возьми, постель!

— Извините, товарищ капитан, но я не совсем...

— Отличник, мать твою! Имели, скажем, общего учителя физкультуры, покупали презервативы в одном ларьке, в разное время встречались с одним хахалем, первая, скажем, в детском саду с ним на горшке рядом сидела, а последняя после недавней дискотеки перепихнулась. Сечёшь?

— Ясно, но это же гора работы!

— А для чего тебе, голубь ясный, в отделе компьютер поставили? Дерзай! Кстати, где твоё начальство? Я кроме наших жлобов никого не наблюдаю.

Лейтенант уже видел, как на поле суетятся двое знакомых криминалистов, а чуть поодаль застыл пузатый участковый с позеленевшим лицом. Он бормотнул что-то в своё оправдание, но Красильников отмахнулся:

— Запомни, салага, начальство на дерьмо глядеть не любит. Им подавай образцово-показательный случай, когда преступник до приезда оперов явку с повинной написал и рыдает над убиенным. Привет, стервятники! — крикнул он криминалистам и уже без всякого стеснения приложился к фляжке.

— Хороши опера, — исследователь трупов и мест преступления по фамилии Фролов протянул капитану руку, — последними заявили.

— Так нас же служебные машины не возят, — беззлобно огрызнулся Красильников. — Личных приобрести не удалось — взятки не берём. А уж общественный транспорт, извини дорогой, под свой график не подгонишь. Что у нас с клиентом?

— С клиенткой, точнее говоря. Как обычно: перелом шейных позвонков, рваные раны на шее, вскрытие брюшной полости. Сам посмотри, труповозку теперь до вечера не дождёшься.

— Ну что, отличник, познакомимся со спящей красавицей, — Игорь подошёл к накрытому брезентом телу, откинул край.

Участковый подковылявший было к операм, поспешно отвернулся, да и самому Паранову стоило немалых усилий остаться на месте и сохранить (как он надеялся) маску хладнокровия. Он постарался выбрать меньшее из зол и сосредоточил взгляд на привлекательном некогда лице, отмеченным теперь, той особой печатью, отличающей живых от мёртвых. Бледная, похожая на резину кожа, посиневшие губы, фарфоровые шарики глаз упёрлись в прозрачно-голубые весенние небеса. Лейтенант допустил главную ошибку — глянул на труп ни как на основную улику, а как на человека, ещё вчера о чём-то думавшем и

мечтавшем, с кем-то дружившим, кого-то любившим. Ещё вчера она ломала голову, подбирая кофточку в тон недавно купленной юбке, закусывала губу перед зеркалом, накладывая макияж, ждала звонка от приятеля, и вот — встретила утро растерзанным куском мяса на грязном поле. Чудовищно! Одно дело рассматривать бесстрастные фотографии, копаться в жизни абстрактной жертвы, читать отчёты из лабораторий, и совсем по другому чувствуешь себя, глядя в жуткие застывшие глаза, чувствуя запах ещё тёплой крови. К горлу лейтенанта подступил комок. Он с ненавистью посмотрел на деловито рассматривающего тело Красильникова. Алкаш проклятый! Ни капли жалости, вид такой, словно газету читает.

Игорь поймал взгляд напарника, ухмыльнулся:

— Тебе никак соринка в глаз попала?

Паранов часто-часто заморгал, гоня проступившие слёзы. Этого только не хватало! Теперь со свету сживёт и по всему отделу прославит! Однако капитан, то ли разомлевший на весеннем солнышке, то ли укушенный какой-то особенной мухой, предпочёл закрыть тему влажных глаз и побледневшей физиономии напарника. Мало того, он протянул лейтенанту заветную фляжку.

— Глотай без разговоров, — предупредил Игорь возможный отказ, — не хватало, чтобы ты ещё заблевал место преступления. По убийствам на стажировке не выезжал?

Лейтенант с трудом проглотил омерзительное пойло, если и стошнит, то скорее не от вида мёртвого тела, а от содержимого фляжки.

— Я в основном на бытовухи попадал... , — с трудом выдавил он, — как-то так выходило. А что я пил?

— Хм, мой фирменный коктейль — две трети «Арсенального крепкого», треть водки. Убойная вещь, главное не переборщить. Отошёл?

— Вроде бы.

— Тогда работаем. Фролов, подгребай сюда! Не у тёщи на блинах!

Криминалист нехотя откинул сигарету, зашлёпал по раскисшему полю, стараясь обходить особо грязные участки, что впрочем не давало результатов: распаханное по осени поле представляло из себя сплошное глиняное месиво.

— Чего тебе?

— Как чего! Результаты осмотра выкладывай.

— Мне выездной лаборатории пока не выделяли.

— Рассказывай, что обнаружил.

Паранов во все глаза смотрел на Игоря, оказывается склочность начальника вовсе не улетучилась и не растаяла на весеннем солнышке. Чудеса! Как это только удалось избежать разноса?!

— Ты глухой, Красильников? — Фролов поначалу воспринявший происходящее за шутку, теперь зыркал исподлобья, — Или допился до чёртиков?

— Товарищ капитан, — Игорь поигрывал фляжкой, ловя солнечные лучики, — вы находитесь на месте происшествия, аналогичное преступлениям, порученным группе под руководством капитана Красильникова, то есть меня. Будьте добры соблюдать субординацию, не вынуждайте докладывать о вашем поведении и промахах вышестоящему начальству.

— Каких же это промахах?!

— Не организована прочёска места происшествия на предмет сбора предполагаемых

улик. Не привлечён к оперативной работе представитель местных ОВД. Труп сдвинут с места до начала осмотра. Мне продолжить?

— Сволочь ты Красильников!

— Редкая сволочь, — улыбнулся Игорь, — давай, Фролов, не тяни.

Криминалист брезгливо глянул сперва на испорченные грязью туфли, затем на Красильникова. Капитан продолжал улыбаться. Криминалист покраснел, сжал кулаки, но всё-таки удержался от избиения нахального опера.

— Как ещё твою пьяную рожу в управлении терпят? — попытался он кольнуть напоследок.

— По личному распоряжению министра внутренних дел. Ясно? Начинай доклад.

— По предварительной оценке смерть жертвы — девушки 18–20 лет — наступила между 23.00 и 1.00. Смерть наступила в результате перелома шейных позвонков предметом похожим на большие щипцы или челюсти крупного животного. Следов изнасилования не обнаружено. Брюшная полость трупа вскрыта тем же самым оружием. По предварительной оценке отсутствует печень. Документов не обнаружено. Участковый так же не смог опознать потерпевшую.

— Ага, он к ней хоть близко подходил? Ладно. Как насчёт личных вещей — колечки, браслетики, косметичка, носовой платок?

— Ничего нет.

— Некоторые на белье инициалы вышивают.

— Опомнись, Красильников — она же не из детского сада.

— Глухо, значит. Ярлычки из химчистки?

— Разбежался!

— Что со следами?

— Какие следы в таком месиве! Побойся Бога!

— Поверю на слово. Добро, Фролов, как её только к вам доставят — обслужишь вне очереди. Результаты завтра к обеду в мой кабинет. Лады?

— Слушай, чего ты раскомандовался? У меня ещё четыре жмурика в морозилке!

— А вот об этом поговори с господином майором. Пока кликни-ка мне участкового.

Участковый — полный мужчина лет пятидесяти пяти в мятой форме советского образца — обошёл по дуге накрытый брезентом труп. Застыл перед строгим городским начальством. Свекольного цвета щёки и нос в звёздочках лопнувших сосудов выдавали ценителя любимого народом сахарно-дрожжевого напитка. Игорь заскучал. Дело, едва начавшись, неумолимо и твёрдо оборачивалось «глухарём». Фролов — пижон — наверняка стуканёт кому надо о нерабочем состоянии капитана Красильникова. У местного «шерифа» легче выведать секрет изготовления маринованных кабачков или расположение самогонных точек, чем что-то относящееся к убийству. Болото. Сплошное болото. Впрочем, как и вся жизнь провинциального опера.

— Капитан Сердюк, — участковый лихо приложил мясистую лапу к давно потерявшей форму фуражке.

Красильников показал развёрнутое удостоверение. Сердюк кивнул.

— Ну что, докладывай.

— Особо нечего и докладывать, товарищ капитан оперуполномоченный. Дивчину ту, местные алкаши нашли.

— Какого чёрта они в поле делали.

— Гм, так это самое... картошку собирали... ну это самое, что с осени осталась.

— У вас голод?

— Не понял...

— Какого рожна люди ни свет, ни заря идут собирать мёрзлую картошку?

— Так алкаши же! На сахар грошей нема, так они прошлогоднюю картоху в дело пускают.

— Самогонщики, значит. Где они, кстати? Их допросили?

— Какое допросили, товарищ капитан оперуполномоченный, — Сердюк угодливо хихикнул. — Припёрлись в контору ни свет ни заря. Оба лыка не вяжут. Бормочут несусветное. Я им сперва и не поверил. Даже оштрафовать грозился. Они своё — мертвяк на поле. Ну я Кольку — паренёк у меня заместо дружинника — проверить послал. Он прибежал белее смерти, глаза по полтиннику, слова не говорит, только кивает, ну я тогда уж в город позвонил...

— Алкаши где, капитан?!

— Так я ж и говорю — они уже поддатые пришли. Пока Колька, значит, на поле бегал, ещё где-то поллитру раздобыли... Поди сейчас отсыплются.

Игорь глядел на облака. Какой вариант лучше? Переломать кости этому тупому мопсу или глотнуть из фляги и успокоиться? Как ни странно, желание покалечить участкового казалось куда более заманчивым. Капитан взвесил за и против — фляга тянула на утреннюю выволочку у майора, избиевание офицера милиции (хм офицера!) грозило серьёзными неприятностями. Выгнать может и не выгонят, а от дела отстранят без сомнения. Чёрт с ним — пусть живёт. Игорь потянулся к карману.

Сердюк не отрывал жадных глаз от блестящего сосуда и от запрокинувшего голову опера. По-видимому, чрезвычайное происшествие не позволило участковому принять лекарство от известной утренней болезни. Игорь шумно выдохнул, ухмыльнулся, глядя на капитана, тот робко улыбнулся в ответ.

— Отсыплются, говоришь?

— Так точно — отсыплются.

— Тебе до пенсии долго, капитан?

— Три года.

— Наверное, когда выйдешь, в огороде копать будешь, внуков нянчить, а вечерком и двести пятьдесят пропустить не грех.

Улыбка Сердюка расплзалась всё шире и шире.

— Не без этого, товарищ капитан оперуполномоченный.

Глаза Игоря обратились горящими ненавистью щёлками, голос снизился до шёпота:

— На зону ты у меня пойдёшь, засранец! По полной катушке получишь!

— За... за... за... что?

— За преступную халатность — в лучшем случае, за соучастие — в худшем. Не догоняешь?! Ты чего наворотил? Ты для чего здесь штаны протираешь?! Ты свой долг помнишь?! Нет?! Напомню! Защита граждан, соблюдение порядка и законности! А ты что вытворяешь?! Почему отпущены и не допрошены главные свидетели?! Возможно подозреваемые! Почему на место преступления первым приходит не представитель власти, а какой-то паренёк?! Ты знаешь какое это по счёту убийство?! Не хлопай глазёнками — сводка по всем участкам рассылалась! Может твои мнимые алкаши дамочек и потрошат, а ты их покрываешь?! Отвечать, бывший капитан Сердюк!

Багровые щёки приобрели цвет формы участкового, на распухшем носу повисла капля, бедолага хватал губами воздух, подобно вытащенному на берег сому.

— Разрешите, товарищ капитан, — совершенно не вовремя напомнил о себе Паранов, — согласно исследованиям Калифорнийского университета, серийные убийцы, как правило, люди трепетно относящиеся к собственному здоровью. Следовательно, если граждане обнаружившие труп действительно злоупотребляют алкоголем, то их можно автоматически исключить из числа подозреваемых.

— Злоупотребляют, ещё как злоупотребляют! — неожиданная поддержка вернула Сердюку дар речи, а щекам румянец. — У них руки ходуном ходят! И курёнку голову не срубят, а здесь такое... Злоупотребляют!

— Ладно, капитан, — Красильников чувствовал себя позабытым беспечными хозяевами кипящим чайником, — если завтра с утра, я увижу у себя на столе протоколы допросов двух этих твоих приятелей, отделаешься строгим выговором, если в протоколах отыщется что-то дельное — ограничимся порицанием. Если же... По полной катушке схлопочешь! Понял?!

— Понял, товарищ капитан оперуполномоченный! Конечно понял! Душу из паршивцев вытрясу!

— Ты им лучше похмеляться не давай.

— Ни-ни, товарищ капитан! Ни глоточка! Спасибо, товарищ капитан! Никогда у меня такого... А тут... Из кожи вон, товарищ капитан!

— Ладно, действуй.

— Есть!

Эмаль на чайнике потрескалась, стенки раскалились до красна, из носика валил пар, а крышка подпрыгивала с мерзким дребезжанием. Игорь подошёл вплотную к напарнику.

* * *

Сон оборвался внезапно. Игорь сел на постели. Тельняшка пропиталась потом и липла к телу. В голове грохотал кузнечный молот, во рту стоял отвратительный металлический привкус. Красильников глянул на часы — 2.15. Чёрт, а уснул во сколько? Хм, проблема. Капитан потёр виски. На столе белел столбик пепла не потушенной сигареты, на экране телевизора ругались участники какого-то ночного шоу. Когда-нибудь он спалит квартиру — либо тлеющей сигаретой, либо коротким замыканием. Игорь живо представил обгоревшие скелеты мебели, закопчёные стены, обугленный труп... Видение не вызвало никаких эмоций. Капитан столько раз видел чужую смерть, что своя собственная его уже не страшила. Да и образ жизни Красильникова представлял собой ни что иное, как медленное самоубийство. Какая разница — годом раньше, годом больше. Цирроз печени или отравление продуктами сгорания. Хм...

Игорь прошёл в ванную. Сунул голову под струю холодной воды, пожевал зубную пасту. Не сказать, чтобы похмелье отступило, но небольшое облегчение всё же пришло. Капитан вернулся в комнату. У кровати его ожидал приятный сюрприз — едва початая двухлитровая бутылка пива. Красильников напрочь не помнил, когда приобрёл этот стратегический запас, по-видимому, прежде чем вырубиться, уже на автопилоте, он сходил в ближайший ночной магазин. Игорь сунул руку под подушку — оружие и документы на месте — ещё один приятный пусячок. Однако с убойным коктейлем пора завязывать — слишком уж он

непредсказуем.

Красильников глотнул пива и уставился на экран. Его мало интересовали мелькающие картинки, капитан мысленно прокручивал ушедший день. Чёртов напарник! Не суй он повсюду нос, может и не пришлось бы вечером «лечить» нервную систему. Капитан ухмыльнулся — уж повод-то для лечения всегда найдётся. Да и мальчишка своё получил — надолго запомнит, как влезать в разговоры старших. Игорь вспомнил обиженно-испуганную физиономию лейтенанта. Как ещё не расплакался сопляк! Вечером, наверное, запивая куриную ногу каким-нибудь брусничным киселём плакался своей благоверной на алкаша-самодура, волей судеб назначенного старшим.

Ладно, это всё лирика, а вот очередная жертва, это уже жестокие реалии жизни. Игорь сделал ещё глоток, усмиряя похмелье и отставил бутылку подальше. Спать не хотелось. Капитан выключил звук телевизора и, наблюдая за жестикулирующими фигурками принялся раскладывать по полочкам все известные по преступлениям факты. Полочки заполнялись с трудом.

Скандалное шоу сменил сто раз виденный боевик. Молодой Рутгер Хауер разъезжал на сверкающем «Харлее» и громил арабских террористов во главе с Джином Симмонсом. Игорь усмехнулся, глядя на подвиги копа-беспредельщика. Если бы действительно всё получалось так просто. Рука нащупала бутылку. Экстремисты, между тем, заминировали яхту, где непобедимый блондин назначил встречу бывшему напарнику. Экранная вспышка на мгновение осветила комнату, и Красильников едва не поперхнулся. В коридоре, у входной двери стояла женщина! Не просто женщина, а бывшая жена капитана.

— Лена? — Игорь прижал пластмассовый сосуд, пиво выплеснулось на грудь. Красильников ничего не заметил.

— Лена, что ты здесь делаешь? Как ты вошла?

Капитан прекрасно помнил, как три года назад, уходя к родителям, уставшая от пьянства супруга запустила в него ключами. Неужели забыл дверь закрыть? Бред! Даже если и забыл, то какого чёрта она делает здесь в три часа ночи, одетая в домашний халат и тапочки, давно пылящиеся на антресоли. И что у неё с лицом? Даже не моргнёт — фарфоровая маска — не больше, не меньше. По спине Игоря пробежал холодок, волосы на руках зашевелились.

— Лена, — Красильников смог выдавить нечто среднее между мышинным писком и поскуливанием испуганной дворняжки, — что случилось?

Ночная гостя, ни говоря ни слова, развернулась и направилась в комнату, превращённую капитаном в склад стеклотары и прочего барахла.

«Сейчас скандал будет, — мелькнуло у Игоря. — Она бардак не переваривает!»

Красильников попытался взять себя в руки. Какой к чёрту скандал! Он давно разведён. Да и не должна бывшая жена находиться здесь в такое время и в такой одежде. Неужели белая горячка?! Чья-то дурацкая шутка?!

Лена или кто-то на неё сильно похожий застыла у дверей комнаты, словно дожидаясь бывшего мужа. Капитан скорее бы умер, чем последовал за странной визитёршей, но лёгкий поворот головы, и Игорь уже не сопротивлялся притяжению тёмных глаз. Напрягая остатки воли Красильников достал из-под подушки оружие. Помирать, так с музыкой. Тонкие губы посетительницы тронула улыбка, она шагнула в комнату. Капитан тащился следом. Он уже не пытался понять, что происходит, он, вообще не пытался что-либо понять — в голове булькал такой кисель, какого не бывало даже после самой жуткой пьянки.

Игорь вошёл следом за бывшей женой — бутылки исчезли, исчез прочий хлам. В комнату вернулся порядок трёхлетней давности. Красильников не удивился. Он просто не мог этого сделать, неведомая сила приглушила все чувства и эмоции. Капитан не испытывал ничего кроме ужаса ребёнка, оставленного в тёмном помещении наедине с пляшущими по стенам тенями и притаившимися под кроватью и в шкафах буками.

Лена подошла к любимому креслу у окна и скинула халат. Некогда желанное тело заставило Игоря вздрогнуть. В лунном свете и без того бледная кожа отдавала синевой. Посетительница опустилась в кресло. Неожиданно Красильников почувствовал, что снова владеет ситуацией. Страх пропал, на смену пришло раздражение. Капитан ещё не знал, кто примостился у окна в костюме Евы, но в том, что шутница получит по заслугам, он не сомневался.

Игорь поднял оружие и сделал шаг. Звякнули неожиданно вернувшиеся бутылки. Силуэт в кресле не шелохнулся. Ну и нервы! Знакомая обстановка предала Красильникову ещё больше уверенности.

— Кончай маскарад! Встать, руки за голову! Имя, фамилия, кто послал!

В ответ ни звука.

— Так значит?! Театр продолжается! Не хочешь говорить здесь — потолкуем в отделении. Минута на раздумье.

Ночная гостья молчала и через минуту, и через две, и через пять. Капитан потерял терпение.

— По хорошему, значит, не хотим? Ладно.

Он направился к креслу, безжалостно пиная стеклянных обитателей комнаты. Игорь походил на экзорциста, что под колокольный звон шествует к одержимому демонами прихожанину. Правда, вместо флакончика со святой водой рука капитана сжимала рукоять ТТ.

Шум не произвёл на Лену (или кого-то на неё похожего) никакого впечатления. Она продолжала сидеть, наклонив голову.

— Шутки кончились!

Красильников щёлкнул предохранителем, другой рукой откинул волосы с лица жены. Через секунду Игорь с диким воплем отлетел в дальний угол. Он не слышал звона бьющейся посуды, не слышал долбящих в стенку соседей, он даже не слышал собственного крика. Капитан напрочь забыл и об оружии, и о бывшей жене. У окна сидела найденная в поле девушка!

Волна, нет шквал, цунами ужаса накрыл капитана. Игорь смотрел в мёртвые глаза и чувствовал, как задыхается. Сердце колотилось где-то то ли в горле, то ли в животе. Ноги и руки окаменели. Девушка открыла рот, силясь что-то сказать, оттуда хлынуло нечто тёмное и вязкое. Красильников, наконец глотнул воздуха, вместе с выдохом из его груди вырвался новый вопль.

* * *

Всё та же мокрая тельняшка, всё тот же Хауер на экране — ошалевший капитан сжимал не первой свежести простынь и едва сдерживал истерику. Сон во сне или съехавшая крыша? Рациональный мозг опера исключал возможность появления призраков и прочей лабуды.

Простейший вариант — включить свет и обследовать квартиру. 99 из 100, что входная дверь закрыта, соседняя комната забита бутылками и там ни малейшего следа присутствия посторонних. Один ничтожный процент... Именно эта малость и пугала Игоря. Что если... Нет! Невозможно!

Красильников проверил документы и оружие. На месте. Нашупал бутылку — тоже не приснилась. Сейчас, по сценарию, должна явиться ночная гостья. Бред! Абсурд! Однако Игорь не мог унять дрожь в руках и оторвать взгляд от тёмного проёма. Согласно законам материализма, ничего, естественно, не произошло. Капитан немного успокоился, плотнул для храбрости пива и решился на вылазку в соседнюю комнату.

Небольшой коридор Игорь пересёк согласно всем правилам работы в местах повышенной опасности. Рациональная часть сознания хохотала над нелепостью и глупостью положения. Четвёртый час ночи, захмелевший капитан милиции крадётся по собственной квартире, приготовив оружие и, надеясь задержать не то призрака, не то собственный похмельный глюк. Комедия! Красильников с удовольствием бы посмеялся за кампанию, если бы не был так напуган. Он мог поклясться в реальности происходившего несколько мгновений назад. Если не сон и если (глупость какая!) не призрак, значит крыша съехала. Значит прощай работа в органах, и здравствуй, доктор — дядюшка мелкого воришки.

Вот и комната. Долгие мучительные секунды, пока рука шарит по стене в поисках выключателя. Находящийся в помещении (бред!) либо не заметил капитана, либо не обратил на него внимания. Пальцы упираются в пластмассу. Игорь представляет пожелтевший от времени квадрат с чёрным седельцем в центре. Не одного лишнего движения! Стремительность и напор! Окно едва проглядывается сквозь плотные шторы. Силуэт кресла расплывчат и неясен.

Красильников мысленно рисует план комнаты. Ещё раз прокручивает порядок действий и, наконец, решается. Щелчок, вспышка не особо мощной лампочки слепит почище солнечного света. Капитан прыгает, рассчитывая оказаться за спинкой кресла.

Комната встречает Игоря возмущённым звоном бутылок и (что естественно) пустым креслом. Ещё с мгновение Красильников пялится на пыльные углы и с полувздохом, с полувсхлипом опускается на пол. Это конец! Взгляд капитана останавливается на зажатом в руке оружие. Действительно, чего проще, поднести ствол к подбородку, лёгкое, едва уловимое движение пальца и всё! Покой! Ни трупов, ни призраков, ни похмелья, ни осточертевших сослуживцев. Покой!

А есть ли Там покой? Кто прав советские агитаторы или постперестроечные проповедники разных мастей. Хорошо если тлен и забвение, а если нет?!

Пока Игорь ведёт сам с собой теологические споры, рука подносит оружие всё ближе и ближе к лицу. Щёлкает предохранитель, палец ложится на спусковой крючок. Красильников заморожено смотрит в чёрный глазок ТТ. Что Там? Земля, черви, небытие? Вечные муки, новые перерождения, кипящие котлы? И почему он, Красильников, ещё не Там? Почему он должен ежедневно видеть останки тех, кто по наивности считал нелепую череду событий, прозванную жизнью, бесценным даром? Почему не наоборот. Игорь чувствовал себя преступником осуждённым на пожизненное заключение в этом страдающем от алкоголизма теле, в этом забытом богом райцентре, в этом периодически сходящем с ума государстве, в этом пожирающем себя человеческом сообществе. Надежды на амнистию никакой... Хотя стоп! Вот она, в руке!

Воронёная сталь почти касается кожи. Указательный палец покоится на спусковом

крючке. Ещё мгновение...

Взгляд Игоря скользит по полу, и капитан едва успевает отдернуть руку. Выстрел оглушает, пуля обжигает кожу и царапает по скуле. С потолка сыплется побелка. Амнистия отменяется, отменяется одним коротким словом, что вывел на пыльном полу чей-то тонкий палец.

Красильников не отрывает глаз от четырёх, знакомых с детства букв. Он никак не может постичь смысл простенького вроде бы слова. Кто или что обращается к нему с посланием? Капитан неподвижно сидит до утра, зачарованный выведенным в пыли словом «УТРО».

* * *

Полина Васильевна с шести часов утра заняла пост у лифта. Сегодня она решила в пух и прах разнести алкаша соседа. Всю ночь за стенкой били посуду, а под утро ещё чего-то и взорвали. Сегодня непутёвый забулдыга получает последнее замечание, а уж следующий разговор Полина Васильевна собиралась проводить в присутствии начальства ночного дебошира. Пусть только слово поперёк скажет, только рот откроет! По такому случаю у пенсионерки была заготовлена соответствующая бумага.

Готовясь к атаке на опустившегося соседа, Полина Васильевна подмела площадку перед лифтом, попыталась очистить стены от нанесённых тинэйджерами иероглифов, проследила с общественного балкона за расходящимися и разъезжающимися по рабочим местам жителями многоэтажки и, исчерпав лимит общественнополезных дел, снова взялась за веник.

— Мети, не мети, — ворчала пенсионерка, — всё равно насвинячат. Что за народ пошёл?! Дома-то, небось, каждую пылинку с мебели сдувают, а в подъезде разве что на голову не гадят. Сволочи! Ни стыда, ни совести! Никакой управы не найдёшь. Ничего не боятся. Да и как тут бояться! Послал бог соседа — милиционера — пьёт, как сапожник! И все они такие! Раньше-то по другому было... Ой, здравствуй, Оксаночка, — Полина Васильевна одарила соседку медовой улыбкой, — работать?

Раздражённая ранним пробуждением, серединой рабочей недели и крошечным прыщиком над правой бровью, девушка едва кивнула.

Лифт, подчиняясь каким-то неведомым законам, останавливался на всех этажах, кроме того, на котором стояли пенсионерка-общественница и опаздывающая на работу Оксана.

— А я всю ночь глаз не сомкнула, — заскучавшая было на посту Полина Васильевна пользовалась каждым мгновением ожидания блудного спускового механизма. — Ни-ни. И знаешь отчего? Сосед, ну, милиционер, всю ночь пил! Представляешь?! Ладно, пил — дело его — я ему ни мать, ни тёща. Так он, варнак, посуду бить начал. Кричать чего-то. А под утро как что-то грохнет! Не слыхала?

Оксана, которой и мент-алкаш и грохот в его квартире, были абсолютно безразличны, буркнула нечто отрицательное.

— А у нас аж стёкла задрожали! Во как! И что он там делает? Может он этот, прс которых в новостях говорят, оборотень в погонах?! Или ещё хуже — моджахед! Как думаешь?! Может нам заявление написать, собрать подписи да отнести куда следует? А?

Лифт лязгнул дверями где-то над головой и бессовестно рванул на первый этаж. Оксана вздохнула.

— Да бросьте вы, тётъ Поль, обычный алкаш. Какие в нашей дыре моджахеды. Да и бери он взятки — Ленка бы не сбежала. Она, помню, жаловалась, что муж всё, до последней копейки пропивает. Тушь приличную купить не на что.

— Ой, Матерь Божья! И как его не погонют со службы до сих пор?!

— А какой дурак к ним пойдёт за такую зарплату?

— Верно, ой верно. Вот...

Лифт, наконец соизволил остановиться. Оксана юркнула в кабину и нажала кнопку.

— За такую зарплату, — передразнила пенсионерка. — Ишь, фифа! Знаем мы каким местом ты зарплату получаешь! Уж тридцать скоро стукнет, всё малюется, да задницей из-под юбочки сверкает! Мужики-то скоро тропку протопчут. Один за другим, один за другим. Тьфу!

Такая же или примерно такая же сцена повторялась при появлении очередного соседа. Надо сказать, что Полина Васильевна вовсе не была сплетницей или злобной старухой. Дома, она терпеливо ухаживала за мужем инвалидом, воспитывала двух внуков, подброшенных ушедшей в челночный бизнес дочкой, а по ночам подрабатывала санитаркой в городской больнице. Ворчание по поводу соседей и активное изучение их личной жизни являлись для уставшей женщины своеобразной психотерапией.

Желанная дверь распахнулась ровно полдевятого. Утомлённая дежурством пенсионерка приготовилась к гневной тираде и... прикусила язык. Такого Красильникова она не видела лет пять, а то и все шесть. Розовые, гладко выбритые щёки никак не могли принадлежать любителю ночной пьянки! А вычищенные сапоги, а хотя и не новые, но добросовестно выстиранные джинсы?! Чудеса!

Полина Васильевна протёрла глаза. Уж не ошиблась ли дверью? Нет, мужчина вышел именно из беспокойной квартиры. Припухшие глаза и осунувшееся лицо намекали на бессонную ночь, однако в общем-то приличный мужчина средних лет никак не походил на любителя ночной стрельбы.

— Как дела, коллега? — губы знакомого незнакомца тронула приветливая улыбка. — Без происшествий?

Мозг пенсионерки напряжённо подбирал нужный ответ, когда двери отходящего лифта скрыли неожиданно преобразившегося соседа. Полина Васильевна несколько минут переваривала загадочное происшествие, придя к выводу о непорядках творящихся за стеной и о необходимости информирования об оных соответствующих инстанций, поспешила готовить завтрак просыпающемуся семейству.

* * *

Игорь не чувствовал себя подобным образом с тех пор, когда под напором начальства и законной тогда ещё жены не прошёл курс лечения от пагубной привычки. Вопреки всему внутренности не пожирал мучительный жар, а мысли не долбили в виски свинцовыми гирями. События прошедшей ночи отошли на задний план и казались дурным сном, Красильников с удовольствием отправил бы их в мусорную корзину, если бы не стреляная гильза.

Игорь подошёл к палатке скорее по привычке, чем по требованию организма. Выудил из кармана два замасленных червонца и поймал себя на мысли достойной извращенца. Он

подумывал отказаться от привычной утренней дозы пива и посматривал на пластмассовые бутылки с минералкой! Перемена пугала. Начиная с кошмарного пробуждения, капитан всё явственнее и явственнее ощущал присутствие чужой, очень сильной воли.

— Хрен тебе в зубы, — пробормотал Игорь и потянул червонцы к окошку, когда ему на плечо легла чья-то рука.

— Вы же не испытываете острой потребности в алкоголе, Игорь Владимирович, — прогудел приятный, но слишком уж рафинадный баритон. — По крайней мере, в данный момент.

Красильников попытался произвести болевой захват. Капитан уже представлял мученический вскрик и гримасу обладателя дикторского голоса, когда его пальцы ухватили пустоту. Игорь с трудом удержал равновесие и бросил злобный взгляд в сторону, где должен быть ловкач. Он увидел высокого широкоплечего субъекта в неброском на вид, но по-видимому очень дорогом плаще. Либо бизнесмен, либо бандит, скорее всего и то, и другое в одном флаконе. А может шакал из отдела внутренней безопасности? Вряд ли, у тех другой стиль работы — наручники, понятые, каверзные вопросы. Значит, бандит. Ему-то зачем нужен опер из провинции?

— Возраст, отсутствие практики, плюс пристрастие к алкоголю, — выбритые до синевы щёки дёрнулись в мерзкой улыбке. — Однако не скрою — вашей реакции можно позавидовать.

— Чего нужно?

— Короткий разговор.

— Парень, ты чего-то путаешь. Я не из УБОПА, я из убойного. Я в последнее время вашими делами не занимаюсь. А если есть вопросы, решим на рабочем месте. Хватит трепаться, я и так на работу опаздываю.

— Ошибаетесь. Вы с сегодняшнего дня в командировке.

— Чего?

— Вы в командировке, как положено, с суточными и премиальными за вредность.

— Слушай, голубь ясный, ты парень пряткий, — Игорь нащупал оружие, — но пуля — она дура — и половчее сшибала. Усекаешь? Минута на размышление, далее стреляю на поражение.

— Ни минуты не сомневаюсь, однако советую воздержаться от подобных действий. Ради вашего же блага.

Игорь мрачно глянул на незнакомца и понял, что тот не шутит, однако Красильников никогда не сдавался без боя.

— Ты, шпана залётная, иди пугай азеров на рынке. Понял?

— Жаль, Игорь Владимирович, очень жаль.

Капитан едва заметил движение широкоплечего, в то же мгновение, что-то кольнуло в шею и Красильников погрузился во тьму.

Знакомый металлический привкус, головная боль, ноющие суставы — пробуждение превращалось в пытку.

«Не много ли кошмаров за одну ночь, — Игорь мысленно поморщился. — Нет, больше водку с пивом не мешаю. Так и белку недолго схватить».

Свинцовые веки никак не желали подниматься, впрочем, и сам капитан не горел желанием лицезреть окружающую реальность.

«Звякнуть бы на работу, взять больничный... Или хотя бы отгул. Жаль телефон

отключили. Надо бы зайти на АТС, ксивой помахать, припугнуть хорошенько».

В нос ударил резкий и неприятный запах. Красильников дёрнулся, глаза открылись сами собой и он едва сдержал крик. Кошмар продолжался. Вместо прокуренной комнаты Игорь видел салон дорогого автомобиля, вместо продавленной тахты — кожаное кресло, вместо полупустой пластиковой бутылки — минибар забитый импортным пойлом.

— Очухались, господин капитан? — голос принадлежал пожилому, щеголеватому мужчине. — Мы наслышаны о вашей строптивости. Однако... Короче, прошу извинения, но наш сотрудник действовал в рамках инструкций.

Красильников попытался сглотнуть. Как бы не так! Во рту ни намёка на слюну. Шея едва двигалась. Кроме того, ублюдки додумались «украсить» ноги и руки «браслетами». Похоже капитаном интересовалась не промышляющая рэкетом и крышеванием шпана, а куда более солидная команда. Чего им только нужно?

— Мы долго вычисляли Вас, капитан. Согласитесь, за пару годков восстановить то, что рушили десятилетием — задача не из простых. Кроме того, многие из ваших, так сказать, коллег не смогли адаптироваться. Собираем по России-Матушке крохи великого проекта. Вот так.

— Пить дай, — прокаркал Игорь.

— Конечно, конечно, дорогой. Зная вашу привычку не могу предложить ничего кроме минералки. Уж не обессудьте. Кроме того, пока мы не придём к, так сказать, консенсусу, я поработаю вашей сиделкой. За это тоже не обижайтесь.

Красильников был готов придушить холёного ублюдка, за медлительность, с которой тот открывает бутылку, наполняет стакан, за каким-то чёртом опускает туда лёд.

— Ваше здоровье, — мужчина поднёс минералку к губам Игоря.

Капитан проглотил воду, разгрыз лёд.

— Ещё, — выдохнул он.

— Сгубил ты свой организм, капитан, ох сгубил. Препаратрик-то слабенький, ребёнок бы скорее отошёл. Ладно, сейчас.

Престарелый щёголь с убивающей педантичностью повторил предыдущие манипуляции. После второго стакана Красильников чувствовал себя более менее сносно и мог здраво рассуждать. Происходящее явно не имело отношение к белой горячке и не являлось плодом одурманенного алкоголем сознания капитана. Так что же хочет седой педик и его дуболом-приятель от рядового опера из забытого богом городишки?

— ... а на ноги мы Вас поставим, будьте уверены. Почечки промоем, печёночку подлечим, нервишки подкорректируем. Я Вам даже сухой закон объявлять не буду. Так-то. Будете получать свою любимую отраву, но, так сказать, в разумных, строго, даже строжайше разумных пределах.

— Курить хочу, — Игорь не понимал ни слова из выше сказанного.

— Ради бога, — мужчина поджёг сигарету вставил между губ капитана. — Володя, включи вентиляцию, — постучал он по переборке, за которой, по-видимому сидел водитель. — Я не собираюсь Вас ни в чём ограничивать, потому, что никогда не работал с тем, кто смотрит на меня зверем. Извините за каламбур.

— Работать? — Игорь выплюнул сигарету. — А ты знаешь, крутышка, что Красильников с криминалом никаких дел не имеет?! Я вас, уродов, душил и душить буду! Ясно?!

— Так вы считаете меня бандитом? — щёголь улыбнулся. — Аль Капоне? Ай-ай-ай,

капитан. Не зря, всё же про ментов анекдоты складываются. Одностороннее у вас мышление, одностороннее. Я вовсе не бандит, а скорее наоборот. Вы слышали о двенадцатом управлении? Впрочем...

Седовласый порывился во внутреннем кармане и сунул под нос Игорю красную книжицу.

— Будем знакомы.

«ФСБ России, полковник Мишин Валентин Георгиевич», — прочёл Красильников.

— Таких ксив на каждом углу по штуке зелёных за десяток, — капитан не сомневался в подлинности удостоверения, но махать хвостиком перед самодовольным комитетчиком не собирался. — Грубо работаешь, дядя. Лучше бы инопланетянином представился.

— Право на сомнения — одно из завоеваний демократического общества, — чёрт разберёт этого полковника — то ли насмехается, то ли в самом деле расстроился. — Кроме того, признак живого ума... Хм... Честно говоря, капитан, я не ожидал от тебя немедленного признания. Память тебе по-видимому хорошо обработали. Да и сам, наверное, барьеры не разучился ставить. Хм... Предлагаю следующее: мы едем в одно местечко и я предоставляю более, так сказать весомые улики. Годится?

— А у меня есть выбор? — Игорь покачал запястьями в наручниках.

— Есть, дорогой мой, к сожалению есть. Либо вы соглашаетесь вернуться в прерванной пятнадцать лет назад работе, либо... Ну сами понимаете — нашей конторе огласка ни к чему.

Из потока галиматьи, выданной полковником, Игорь уяснил одно — комитетчики имеют на него какие-то виды и в случае чего готовы на крайние меры. Смерти Красильников не боялся, но умирать в салоне пижонской тачки, скованным по рукам и ногам, абсолютно трезвым, от рук надушенного словно барышня Мишина или его шкафоподобного помощника капитан решительно не хотел. Уж лучше цирроз печени или суицид.

— Услуга за услугу, — Игорь сделал вид, что принял решение.

— Я вас слушаю.

— Для начала освободите руки и дайте пива.

Мишин на удивление быстро отомкнул наручники. Красильников размял запястья. Сотни иголок вонзились в кожу и побежали выше. Капитан поморщился.

— Насчёт пива... , — полковник напоминал витязя на распутье. — Вы уверены?

— Нет ханки, нет разговора. Я всё сказал. Бандиты вы, чекисты, убьёте, орден дадите — мне всё равно.

— Добро, возьмите в баре всё что нужно.

— Ну буржуйское пойло лакайте сами, — Игорь глянул в окошко. — У меня тут рядом в ларьке кредит неограниченный...

— Дешёвая игра, капитан. Вы же понимаете — я вас никуда не выпущу.

— А я и не прошусь. Пусть твоя горилла стоняет — возьмёт полтора «Жигулёвского» или «Ярпиво», а лучше «Ячменный колос» крепкое.

— Володя, — через секунду дверь за перегородкой хлопнула. — А вы умеете вести дела, капитан.

— Не пальцем деланы.

— Вот только ваше пристрастие... Неужели нельзя обойтись?

— Можно, но не нужно. Или вы хотите, чтобы я на вас зверем глянул, товарищ полковник?

При последних словах, Мишин отчего-то побледнел и быстро отвернулся.

Как и догадывался Красильников, Володя оказался редкостным жлобом. Из ларька он притащил самое что ни на есть дешёвое пойло. Впрочем, это не имело особого значения. Игорю и пить-то особо не хотелось. Несколько хороших глотков для придания остроты мыслям и уничтожения последствий неведомого препарата, который, по словам Мишина, прекрасно переносит и грудной младенец. Капитан давно уже вышел из младенческого возраста, а потому ощущал себя препаганом.

Игорь резко свернул пробку, с удовольствием окропил дорогой ковролин пивной пеной и жадно припал к пластмассовому горлышку. Краем глаза он заметил брезгливую гримасу на физиономии полковника, а потому завершив «ритуал утреннего глотка» не забыл смачно рыгнуть. После Красильников залез во внутренний карман.

— Хм, я понимаю пушке и ксиве ноги приделали, а сигареты зачем увели? У вас в конторе с зарплатой туго?

Мишин пропустил ехидный вопрос мимо ушей, но мятую пачку всё же вернул.

— А зажигалка? Мне что, каждую ерунду теперь выпрашивать? Пионерлагерь какой-то!

Вместо пластмассовой одноразовой штамповки капитан получил жизнерадостно сверкающую «Zippo». По щедрости полковник явно превосходил Володю. Однако, Красильников не собирался продавать душу за пахивающий бензином параллелепипед. Мало того, он даже не испытывал тени благодарности за дорогой подарок. Перетопчутся.

Строгий, вернее строжайший контроль, Мишин по-видимому определил в полбутылки, без особой настойчивости, но всё-таки с предупреждающей сопротивлением твёрдостью, он забрал полупустой сосуд из рук капитана. Дождлся, пока выкуренный почти до самого фильтра бычок отправится в пепельницу и возобновил беседу.

— Скажите, капитан, вы хорошо помните прошлое?

— Какой век?

— Своё прошлое, капитан. И воздержитесь, пожалуйста от иронии. Предупреждаю, у нас есть препараты, располагающие к правдивому разговору. Поверьте на слово.

— Анекдот! Готов удавиться за лишний глоток пива и тут же грозится на иглу посадить! Ладно, дядя, спрашивай, я серьёзен как на исповеди.

— Я бы попросил вас соблюдать субординацию.

— Опа! А разве, товарищ полковник, вы имеете какое-то отношение к нашему ведомству? Вы для меня, извините за откровенность, ничем не лучше какого-нибудь бомжа из привокзальной забегаловки. Или я ошибаюсь?

— Ошибаетесь, капитан, сильно ошибаетесь и скоро убедитесь в этом. А пока, бог с ней, с субординацией. Ведите себя как считаете нужным.

— Премного благодарен.

— Итак ещё раз о прошлом...

— Товарищ полковник, кончайте детский сад. Хватит играть в психиатра. Что конкретно вас интересует?

— Хм... Хорошо, вы помните 1991-й год.

— Ещё бы. Летом одни жулики пытались перегрызть глотку другим. Те что помоложе выиграли. По осени Союз развалился... Всё вроде.

— Я имею в виду конкретно вас.

— А тут и иметь нечего, особенно в виду. Я в непобедимой и легендарной служил. Ещё скажите, что вы об этом не знаете.

— Знаю, капитан, вы даже не подозреваете, сколько я о вас знаю. Данный разговор более полезен для вас, чем для меня и представляемого мной ведомства. Вы помните армейских товарищей?

— Ещё бы...

— Извините, я имею в виду не рядовых и сержантов, не прапорщиков, а офицерский состав.

— Товарищ полковник, вы считаете Володю приятелем?

— Хм, сформулируем вопрос иначе — у вас были равные одинаковые отношения со всеми офицерами полка?

— Естественно нет.

— А майор из особого отдела?

— Лысый такой, с усами? Ммммм... забыл фамилию.

— Вы её никогда и не знали.

— Да? Вполне возможно.

— Что вы про него скажете?

— Нормальный мужик, потрепаться любил. Вёл себя как-то по-граждански...

— Вы с ним часто беседовали?

— Чёрт его знает! Я же говорю — любил мужик потрепаться.

— Он просил вас о каких-либо одолжениях?

— Вы про доски для «фазенды». Так тот сарай за штабом всё равно никому не нужен был. Он намекнул, я врубился. Отчего хорошему человеку не помочь? Ночью разобрал эту развалюху и перетащил к нему на участок. Потом правда такую бучу подняли... Словно танк из парка увели. Так ваша контора раскопала это дело, настигла расхитителя гниющего армейского имущества и теперь восстанавливает цепь событий? Поздравляю! Каюсь! Готов понести заслуженную кару! Мне, кстати, за давностью преступления амнистия не полагается?

— Не юродствуйте, капитан! Что было после?

— Ничего особенного. Дёргали нас по очереди в штаб, сперва дисбатом грозились, потом отпуск обещали.

— Вы не соблазнились отпуском?

— Я разве идиот с особым отделом ссориться? К тому же «дембель» на носу... Не видел никаких досок, ничего не знаю... Вот и всё.

— Ясно. Потом, всё тот же майор сделал для вас командировку. Верно?

— Было что-то такое... Хм... Гнилая какая-то командировочка... Попёрлись зачем-то в окружной госпиталь... Я ему: «Поздновато мне, мол, косить, товарищ майор. Домой скоро». А он только усами шевелит. Улыбается типа. Полдня по кабинетам бегали... Изучали меня не хуже космонавта... Я намылился с сестричкой познакомиться или с докторшей помоложе... Хрен в зубы! Одни древние селёдки, да Малюты Скуратовы, навроде вашего добермана...

— Игорь Владимирович, обойдёмся без лирики. Побольше фактов.

— А это не факт?! Одно дело, когда тебе иголку в вену суёт эдакая куколка с горящими глазёнками и совсем другое, когда неандерталец с квадратной челюстью начинает шприцом размахивать. Или, скажем, заходишь в кабинет, а там вместо Памеллы Андерсон в

полупрозрачном халатике, Баба Яга в зелёной робе... Хм, не факт!

— Товарищ, капитан, по-моему, я поступил опрометчиво...

— Без паники, полковник, шучу я. Шучу, понимаешь?

— Отложим юмор на будущее. Продолжайте по существу.

— А нечего мне продолжать. В последнем кабинете вкололи мне какую-то гадость я и отрубился. Проснулся на следующий день в отдельной палате. К обеду майор явился, ну мы в часть и двинулись...

— Он как-нибудь объяснял причины произошедшего?

— Естественно. Сказал, что создаётся база данных всех «дембелей»... Мол, бумажные папки устарели и теперь будет какая-то там особая шняга... Да не помню я толком!

— Остальные увольняющиеся тоже прошли подобные процедуры?

— Понятия не имею. Я через день с первой партией домой ушёл. А в чём дело, полковник?

— Узнаете, Игорь Владимирович, в своё время всё узнаете.

Мишин откинулся в кресле всем видом показывая, что разговор окончен. Уязвлённый капитан несколько раз пытался вернуться к беседе (честно говоря, Игоря заинтриговало упоминание о давней командировке), однако, в конторе сотрудников тоже не с улицы набирали — комитетчик нахально притворялся спящим. Красильников разозлился, закурил и принялся усердно посыпать пеплом ковровин, стоимость коего, наверное, компенсировала бы полугодовой запой капитана.

Выкурив одну за другой четыре сигареты, Игорь почувствовал тошноту. Полковник — ноль внимания. Красильников мысленно сплюнул и уставился в окно. День выдался пасмурным. Если с утра апрельское солнце предпринимало робкие попытки заглянуть в лужи, то сейчас свинцовые тучи безоговорочно заняли небесный свод. Капитан любил пасмурную погоду, но в данный момент почему-то затосковал. На память пришли слова горбатого бандита из культового фильма:

— Понял теперь чего ты стоишь на земле нашей грешной?

Действительно, цена выходила ниже рыночной, даже ниже оптовой. Дерьмовая выходила цена, если говорить честно. Закрыв сегодня Игорь Владимирович Красильников квартиру, подколот соседку, спустился на лифте, подошёл к ларьку и исчез. Куда исчез? Почему? Неизвестно. Для коллег он в командировке (если верить комитетчику), для других... А кому он ещё нужен? Ну соседи посплетничают, поперебивают кости неделю другую. Может бывшая жена скорчит гримасу и заявит, что она всегда ожидала подобного. Клиенты порадуются исчезновению вредного опера. Стукачи засуетятся, подыскивая новую кормушку. Вот, пожалуй, и всё — через месяц никто и не вспомнит о существовании капитана Красильникова. Не было его! Ни топтал он землю! Ни заражал атмосферу перегаром и табачным дымом! Ни доводил до истерики сопливого напарника! Обидно? Пожалуй, нет. Просто глупо как-то — был человек три с лишним десятка лет, ел, пил (в рекордных количествах), дышал, по мере сил выполнял работу, а не стало его — и ничего не случилось. Земля с орбиты не сошла, лёд в Антарктиде не растаял, даже парализованный сосед не встал с кровати. Глупо! Тот, кто придумал подобный уклад вещей, либо извращённый садист, либо законченный дебил.

— Ох, задремал я, — Мишин неожиданно бросил разыгрывать комедию и решил снова почесать языком. — У меня ещё вопросик, Игорь Владимирович. Игорь Владимирович!

Красильников не шелохнулся — отплачивал полковнику его же монетой. Минут пять

тишину в салоне нарушало лишь едва слышное гудение мотора.

— Ну будет, капитан, будет, — пошёл на мировую комитетчик. — Твоя взяла. Извини, но мне был нужен тайм-аут. Да и тебе тоже. Выпьешь?

— За кружку пива, ты с бомжей показания собирать будешь. Понял?

— Какие бомжи?! Какие показания?! Я, можно сказать, с лучшими намерениями! Как к коллеге, можно сказать!

— Плевал я на ваши намерения. Надоели вы мне, товарищ полковник, хуже горькой редьки. Может хватит в Штирлица играть? Говорите что нужно и — либо отпускайте, либо... Я не знаю, как это в вашей конторе называется.

— Ну полно, Игорь Владимирович, полно. У вас неверное представление о нашей организации. Не скрою, в некоторых случаях мы, так сказать, не всегда укладываемся в рамки закона. Но это редкие, исключительные обстоятельства, когда речь идёт о безопасности страны. Поверьте, большинство слухов не больше чем сплетни. В подавляющем большинстве наши сотрудники честные офицеры. Патриоты. Как впрочем, надеюсь, и вы.

— Надежда умирает последней.

— Не понял.

— К делу, товарищ полковник, переходите к делу.

— Поверьте, я жду этой минуты не меньше чем вы. Но пока рано, поверьте на слово. Вы ещё не готовы. Мои вопросы не праздное любопытство и не уловка. Они необходимы, прежде всего для вас необходимы.

— Ладно, спрашивай.

— Игорь Владимирович,...

— Постой, а что ты говорил насчёт пива?

— Это необходимо?

— Необходимо, товарищ полковник, поверьте на слово. Это не банальное похмелье и не уловка.

По взгляду Мишина Игорь понял — при случае полковник припомнит и кривляние, и испорченный ковролин, и нарушение субординации. Но это потом, а пока гуляй, капитан, отрывайся. Может быть в последний раз.

Полковник с облегчением вздохнул, когда Красильников сделал последний глоток. Тут же спрятал пустую бутылку в пакет и засунул под сидение, словно пластмассовая тара из-под дешёвого пойла одним своим видом оскорбляла взгляд.

— Ну так продолжим?

— А что-нибудь изменится, если я откажусь?

— Не изменится.

— К чему тогда глупые вопросы?

— В вас чувствуется хватка, Игорь Владимирович, хорошая, я бы сказал, хватка. У вас, кстати, есть юридическое образование?

— Ага, десять классов и два коридора.

— Точнее, пожалуйста.

— Сказал же — нет!

— Тем не менее вы служите в органах. Хм, вам не кажется это странным?

— Нет. А вам?

— Если учесть, что вы пришли работать не в лучшие времена... Хм... Вполне

возможно... И всё же, всего за год из сержанта ППС в лейтенанты убойного отдела. Стремительная карьера.

— Ага, только сержантом я был почти в самой столице, а вместе со звёздочками услали к чёрту на кулички.

— Сразу же квартира, ежеквартальные премии...

— Я что, сам себе премии выписывал? Или квартиру дал?

— Более чем терпимое отношение к вашему пристрастию и некорректным порой методам расследования... Многие из ваших коллег давно бы распрощались с органами.

— А с этим вопросом к начальству.

— Верно, начальство знает, что делает, особенно, когда просьбы приходят из таких кресел, таких кресел... Кстати, если бы не ваше болезненное пристрастие к спиртному и более покладистый характер, вы, вполне возможно, служили бы в более, так сказать, престижном регионе.

— Мне и здесь неплохо.

— Хорошо, хорошо. Позвольте ещё поинтересоваться, Игорь Владимирович, у вас случайно нет высокопоставленных родственников или близких друзей?

— Любимая собака президента устраивает?

— Значит нет. Хм... А как вы попали в органы?

— А куда ещё было податься? Заводы закрыты, торгаш из меня никудышный, в бандиты знакомства нужны... Участковый опять же: иди к нам, иди — не прогадаешь. Пару раз с участковым мужик какой-то приходил, видать, из больших шишек. Насулил золотые горы. Ну, я подумал и согласился. Что бы ни делать — лишь бы зарплату платили.

— Отлично — коротко и по существу. Искренне сожалею, Игорь Владимирович, что не пришлось поработать с вами раньше.

Ухмылка капитана недвусмысленно показала, где он видел и Мишина, и совместную работу. Полковник не смутился.

— Ваши слова полностью соответствуют информации из личного дела. А теперь не для протокола. Вы ведь не берёте взяток?

— Не предлагают.

— Лукавите, товарищ капитан, лукавите. У нас существуют...

— Ладно, достал уже. Не беру! Доволен?!

— А почему?

— Зарплаты хватает.

— При вашем образе жизни? Хм... По нашим сведениям, через третьих лиц, вы несколько раз продавали предметы мебели и бытовой техники. Следовательно, зарплата не хватает. Так почему же вы не брали взяток?

— Это преступление?

— Это подозрительное обстоятельство. Согласитесь, пьющий человек редко задерживается на моральном распутье и чаще всего идёт на сделку, так сказать, с совестью. Впрочем непьющий тоже. У каждого есть слабая пружинка. Ваша вроде бы на виду, однако никто не смог ей воспользоваться. Почему?

— Слушай, полковник, когда мне не на что будет похмелиться. Совсем не на что. Я пушу себе пулю в лоб. Но никакая урка, никакой отморозок или торгаш никогда не скажет, что он сунул в зубы Красильникову! Понял?!

— Конечно. Теперь кое-что выясняется. Позвольте ещё один вопросик. У вас самый

высокий процент раскрываемости.

— Наверное. Не считал.

— А мы подсчитали. Вы самое банальное бытовое убийство выжимаете до последней капли. Многие из ваших подследственных рассчитывавших максимум лет на пять колонии, подходили к суду с массой отягчающих обстоятельств, нежелательных улик и свидетелей. В результате получали на полную катушку. С чего такое рвение?

— Докатились! Опер не берущий взятки и работающий на совесть — потенциальная угроза безопасности страны. Столичный полковник на лимузине приезжает посмотреть на злодея! Что же не отказываюсь, виноват, со всех сторон виноват! Вы ещё учтите, что все вышеозначенные правонарушения я чаще всего совершал в состоянии алкогольного опьянения. Обязательно учтите!

— Капитан, прекратите юродствовать и отвечайте на поставленный вопрос!

— Так в чём вопрос, товарищ полковник?

— Что удерживает вас в органах?

— А куда мне ещё податься?

— Это не ответ!

— Какой вопрос...

— Прекратить!

— Товарищ полковник, я в триста тридцать третий раз повторяю — давайте прекратим валять дурака и поговорим по существу.

— А я вам снова повторяю — невозможно! Игорь Владимирович, уверяю вас, я не задал ни одного праздного вопроса. Вы сами поймёте.

Красильников зажмурился и потёр виски.

— Ладно, валяйте, спрашивайте, коли охота.

— Что вас удерживает в органах?

— Не знаю.

— Похоже, действительно не знаете. Хм. Я подскажу вам.

— Валяйте.

— Вы любите власть. Власть над людьми. Вам нравится быть судьёй, вершителем судеб, хозяином положения. Верно?

— Как вам хочется.

— Это не мне хочется, капитан. Это заключение наших психологов. А в нашем заведении, поверьте, дилетантов не держат.

— Пусть так.

— Так, Игорь Владимирович, именно так. Я рад, что вы больше не лезете в споры. Продолжим. Что вам известно о составе крови.

— Это ещё зачем?

— Поймёте, всё поймёте. А сейчас просто ответьте.

— Ну жидкость там, а в ней всякие красные и белые штуки.

— Неплохо для дилетанта. Жидкость, к вашему сведению, называется лимфой. А, как вы изволили выразиться, штуки лучше именовать тельцами. Вам известна функция белых телец?

— Я мент, а не хирург!

— Без нервов, капитан. Вы же сами хотели скорее перейти к делу. Я и подумал... Впрочем, ладно. Основная их задача — борьба с вирусам. Слабость с их стражей здоровья

ведёт к популярной ныне хвори по имени СПИД, но это так к слову. Как я уже и говорил, белые тельца находят клетки вируса и, по мере сил, уничтожают оные. Однако, редко, очень редко, поразительно крайне редко, встречается разновидность вируса, прекрасно уживающаяся с белыми кровяными тельцами. Он неучтожим, мало того, при половом созревании человека клетки вируса, при определённых временных фазах, вступают в контакт белыми кровяными тельцами, на несколько дней образуя единое целое, и тогда человеческое тело преобразуется. Болезнь носит названия ликонтропии или, попросту говоря, оборотничества. Как вам это?

— Заслушаешься.

— Ладно, капитан, прервём лекцию и поболтаем о житейском. Как продвигается ваше расследование?

— Прекрасно.

— А если говорить честно?

— А если говорить честно, у нас в отделе ни одного специалиста по маньякам! Москва и область плевать на нас хотели, а я носом по углам тычусь, словно слепой щенок! Не моя это специализация!

— Вот здесь вы правы ни на сто, а на сто пятьдесят процентов. Минуточку...

Мишин выдвинул из-под бара едва приметный ящичек, порылся в папках и вытащил одну из них. Хмуря брови он осмотрел бумаги и неожиданно сунул под нос Красильникову фотографию.

— Взгляните.

С глянцевого прямоугольника на капитана смотрела миловидная блондинка. Если бы не жёсткий прищур серозелёных глаз и не презрительно поджатые губы, Игорь бы назвал её красивой.

— Что скажете, капитан?

— А надо что-то сказать?

— Вы неисправимы! Вам никого не напоминает эта женщина?

Игорь ещё раз изучил мягкий овал лица, чуть приподнятые скулы, вздёрнутый нос...

— По-моему, в первый раз вижу. Или нет?

— Естественно, в первый. Перед вами фото из личного дела майора гозбесопасности Платоновой Людмилы Алексеевны. Двадцать лет назад она занималась созданием диверсионных групп из генетически преобразованного материала.

— А при чём тут я?

— Терпение, капитан, терпение. Работа велась, естественно, в обстановке строгой секретности, тем более, что вероятный противник тоже усиленно трудился в том же направлении. К сожалению, в 90-е Преобразователь — лагерь с опытными образцами — оказался на территории суверенного, будь он неладно, государства. Кое-что удалось вывезти, но... Сами понимаете.

— Ничего не понимаю.

— Господи, что тут непонятного — суверенные князьки принялись вопить о разграблении нацио-нального достояния. Доморощенные дерьмократы в те времена раздаривали танковые дивизии, что им какой-то секретный лагерь! В общем, Преобразователь лишился хозяина. Теперь понимаете?

— Это я давно понял. Я не понял, какое имею ко всему отношение?

— Вот вы о чём... Хм... Вы курите, курите.

Игорь ухмыльнулся: он и без разрешения полковника уже превратил в дым и пепел полпачки сигарет.

— Вы, товарищ капитан, ещё раз гляньте на фотографию. Я не призываю искать портретного сходства — мелкие чёрточки, родинки, разрез глаз и тому подобное.

Красильников ещё раз посмотрел в лицо сексапильной майорши. Чёрт его знает, вроде бы и есть что-то неуловимо знакомое; с другой стороны, почти все вот такие гляцевые красотки чем-то между собой схожи. Фотография двадцатилетней давности... Хм... Интересно, а как сохранилась госпожа Платонова к настоящему времени? В каких званиях ходит?

— Ну что скажете, Игорь Владимирович?

— Если честно ничего — что-то есть от телевизионной дикторши, что-то от актрисы, которая бизнес-меншу играет, что-то от обычной стервы. Вообще-то, после пяти лет семейной жизни, для меня самая лучшая женщина, та, которая исчезает утром и не напоминает о себе слишком часто.

— Красильников — вы циник!

— Жизнь заставляет.

— Оставим шутки. Вы могли бы представить эту женщину мёртвой?

— Как это?

— Очень просто — вообразите милашку Людочку бездыханным трупом. Сможете?

— Попытаюсь.

Игорь зажмурился, и несколько минут добросовестно старался выполнить просьбу Мишина. Однако, вместо мрачных картин смерти ему виделось совершенно противоположенное. Красильников чётко видел точёную фигурку в ладно подогнанной комитетской форме. Верхняя пуговка на кителе едва сдерживала при вздохе рвущееся наружу женское естество. Узкая юбка словно прилипла к соблазнительным бёдрам, кокетливо обнажая затянутые в тонкий нейлон колени. Капитан мысленно сплюнул — не хватало ещё влюбиться в фотку майорши, которая уже, наверное, воспитывает внуков!

— Я вижу вы в затруднении, капитан. Может, Володя купит вам кое-что? Для остроты мысли?

— Откуда такая щедрость, полковник? Помнится вы говорили о строжайшем контроле.

— Контроль никуда не денется. Я просто вижу ваши проблемы. К сожалению, в ближайшее время придётся мириться с кое-чем. Так мне остановить машину?

— Естественно.

* * *

Володя неожиданно расщедрился и вместо дешёвого пластика притащил четыре банки импортного пойла. Игорь залпом опустошил две жестянки, поморщился, закурил.

— Товарищ полковник, — он дёрнул ключ и вылил в себя содержимое третьей банки, затушил сигарету о ковролин, снова закурил, — пытки — обычное дело в конторе?

— Не понял.

— От этой ерунды, — Красильников распечатал последнюю жестянку, — у меня кроме изжоги ничего не появится. Хотите свежих мыслей отправьте своего Цербера за нормальной отравой.

— Капитан, вам не кажется, что вы переходите все рамки?!

— Ваше дело, господин полковник. Я всё сказал.

— Володя! — лицо Мишина не предвещало Красильникову безоблачного будущего, —

Купите что-нибудь дешёвое...

— Полтора литра!

— Да, полтора литра! Что ещё, капитан! Водки, коньяку, сафари в Африке?!

— Да нет, пускай, ещё одну возьмёт — на опохмелку — мне хватит.

— Ты наглец и алкоголик! С какого чёрта эти идиоты выбрали тебя?!

— Понравился, наверное.

Минут двадцать Игорь наслаждался вкусом пива. Наверное, импортное было не хуже, но Красильников, анализируя собственное финансовое положение и объёмы потребления, не позволял себе привыкать к роскоши. Игорь закурил, глянул на полковника — Мишин не ненавидел опера, он просто хотел придушить строптивного клиента.

— Не повезло вам, товарищ полковник, — капитан предусмотрительно перекинул бутылку в другую руку.

— В каком смысле? — холёная рука вернулась к месту постоянной дислокации на секунду раньше, чем успела коснуться горлышка.

— Ну, кто-то шпионов ловит, кто-то по границам мотается, а вы в каком-то Мухосранске похмеляете опера-алкаша, да ещё ведёте с ним умные разговоры. Жуть.

— Капитан, моё задание имеет огромную важность. Вы готовы вести дальнейший разговор или предпочтёте отдохнуть?

— Товарищ полковник, я в вашем распоряжении, особенно, если после беседы вы дадите мне адресок одной из ваших секс-майорш и путёвочку на юга. Ладно?

— Капитан, вы пьяны!

— Не более чем обычно. Мы говорим или нет?

— По-моему, вы...

— А по-моему, судя по столбам, мы уже тянем шнягу часа полтора! Ближе делу, товарищ полковник.

— Хорошо. В свете нашей беседы...

— Валентин Георгиевич, не устраивайте ЗАГС!

— В смысле?

— Опустим говорильню.

— Хорошо. Но помните, я до последней минуты пытался уберечь вашу психику, или хотя бы то, что от неё осталось. Убийца — ваш сын!

— Духовный? — Игорь даже не удивился — он знал точно, что не оставил после себя на этом свете ничего, кроме нескольких удачно проведённых расследований, трёх-четырёх разочарованных женщин и горы пустых бутылок.

— Я не шучу.

— Бросьте, полковник, я не знаю ни одной дуры, которая хотела бы от меня забеременеть, а если бы с одной из потаскушек, хвативших лишнего, во время randevу со мной такое бы и случилось, она бы сразу же избавилась от плода пьяной оргии.

— И всё же вы вполне можете считаться родителем — кровным родителем — обсуждаемого нами персонажа.

— И сколько же лет мальчонке?

— По человеческим меркам ему около пятнадцати, но он, вполне сформировавшаяся

особь. Я бы сказал — он на пике формы.

— Ого! — Красильников давился смехом. На допросах приходилась выслушивать разную галиматью, но подобной ересью его ещё не кормили. — Я папаша супермена! Всё выхожу в отставку и живу в своё удовольствие! Думаю, сынок меня не бросит, поможет, так сказать, по-родственному.

— Можете мне не верить, — Мишин снова заскучал. — Можете ёрничать сколько влезет. Можете напиться до беспамятства. На сегодня моя работа с вами окончена. Остальное узнаете по прибытии на место, Недолго осталось.

«Недолго» вылилось почти в час времени. Всё это время, настроение капитана менялось подобно душившей за окнами машины апрельской погоде. Сперва он наслаждался злорадством по отношению к севшим в лужу комитетчикам. Современные Штирлицы явно где-то прокололись и перепутали его с кем-то. Потом Игорь разозлился. Чёрт возьми — для чего нужно было устраивать цирк?! Неужто так трудно выяснить всё без дурацких похищений?! Под конец, Красильниковым овладела тревога — а вдруг всё сказанное полковником правда? Что тогда? Как всё это понимать?

Место назначения оптимизма не прибавляло. Заляпанный провинциальной грязью шикарный автомобиль тормознул у ворот брошенного в постсоветские времена заводика. Ещё крепкие, но уже познавшие горький вкус запустения бетонные стены мало способствовали радостному настроению. Не меньшее уныние вызывали глазницы выбитых окон складских помещений и четырёх (по-видимому, некогда предназначенных для жилья) трёхэтажек.

Володя просигналил — ворота, как ни странно без малейшего скрипа, распахнулись. Медленно, хороня последнюю надежду к отступлению, автомобиль въехал на территорию завода. Краем глаза (не хотелось доставлять удовольствия полковнику излишним беспокойством) Красильников исследовал местность и едва успел утопить изумлённый возглас в хорошем глотке пива. Сразу за забором начинался двойной ряд колючей проволоки. Его патрулировали ни привычные овчарки, ни новомодные ротвейлеры и доберманы и ни свирепые «кавказцы» — промежуток между проволочными заборами всецело принадлежал двум мастифам и четырём ирландским волкодавам. Игорь успел заметить две вышки с часовыми и дымящую трубу котельной, когда Мишин изволил скинуть оцепенение.

— Впечатляет, господин капитан?

— Да как вам сказать, товарищ полковник, приходилось допрашивать свидетелей на зонах покруче.

— Игорь Владимирович, Игорь Владимирович, вас в детстве ёжиком не дразнили? Что ни слово, то иголка. Володя, к корпусу и до завтра свободен.

— А я? — капитан изо всех сил пытался скрыть растерянность и испуг.

— Хм, всё шутите. С вами ещё кое-кто хочет побеседовать, и предупреждаю — от меня ни на шаг. Очень бы не хотелось оплакивать вашу преждевременную кончину.

* * *

Если внешне заводские корпуса не потерпели существенных изменений, то над внутренностями потрудились основательно. Переступив порог исследовательского корпуса,

капитан оказался в некоем подобие отстойника. Лёгкая паника охватила Игоря, когда за спиной сомкнулись стальные двери. Автоматически зажглись флюоресцентные лампы. Мишин подошёл к противоположенным дверям пробежался пальцами по клавиатуре прибора напоминающего банкомат и вставил в едва приметную щель пластиковый прямоугольник.

— Идентификационная карта, — кинул он, не оборачиваясь. — Со временем вы получите такую же. Почти такую же.

Естественно прибор напоминающий банкомат не расщедрился пачкой купюр, а всего-навсего открыл следующую дверь.

Перед полковником и капитаном вытянулся бесконечный коридор с невероятным количеством дверей.

— Нам в лабораторию к профессору Каплику — 713Б, — снизошёл до пояснений Мишин. — Он руководит генетиками и биохимиками. Лифт в конце коридора.

Комитетчик шагнул к притаившейся на стене коробочке, поколдовал с неприятно попискивающими кнопками, и Красильников в очередной раз едва сдержал крик изумления — пол коридора тронулся с места.

— Мы ценим силы и время работников, — полковник нагло упивался моментом. — Скорость движения соответствует среднему шагу человека, пункт назначения указывается на панели управления. Такая же панель вмонтирована у двери каждого кабинета. Удобно, не правда ли?

Игорь мрачно кивнул.

— Двери кабинетов блокируются на время рабочего дня, — не скупился на похвальбы Мишин, — каждая разблокировка — с разрешения дежурного по корпусу. Мы конечно не звери — сотрудники имеют время для приёма пищи, а так же пятиминутные перерывы каждые два часа. Но всё строго по утверждённому расписанию. Нонсенс, казалось бы при нашей российской расхлябанности, но как ни странно действует.

— Нарушителей к стенке ставите или просто розгами сечёте?

— Опять иронизируете? Зря. У нас в штате учёные, натерпевшиеся без работы. За приличную зарплату и последующее обеспечение они готовы и на более жёсткие условия. В перспективе, мы собираемся основать здесь научный городок.

— А я, наверное, возглавлю уголовный розыск?

— Кто знает, Игорь Владимирович, кто знает. Если наше сотрудничество будет эффективным, и если вы немножко измените свой образ жизни... Хм, возможно всё.

— Изменю — это как? Перейду с водки и пива на джин с тоником?

— Капитан — у меня от вас уже болит голова!

— Не я вас похищал.

Движущийся пол мягко приостановился у массивных дверей. Полковник повторил фокус с коробочкой и кнопками. Двери раздвинулись. Глянув на внутренности лифта, Игорь почувствовал разочарование — никаких технических изысков, обычная коробка с кнопками. Даже неловко как-то за привыкшего к похвальбам полковника.

Мишин, однако, не смутился. Он быстро шагнул в кабину.

— Поторопитесь, товарищ капитан, двери снабжены фотоэлементами и автоматически закрываются через три минуты. Пока вы не получили идентификационной карты, не советую искать одиночества.

Красильников, смилив дух противоречия, не заставил просить себя дважды.

Поднадоевшая процедура с кнопками и пластиковым прямоугольником, едва заметное гудение подъёмного механизма, лёгкая вибрация кабины и двери разошлись, впуская поток яркого, но какого-то холодного и безжизненного света. Полковник естественно вышел первым. Памятуя о фотоэлементах, Красильников предпочёл не отставать.

Вообще-то, при слове «лаборатория», Игорь представлял кучу пробирок, колб, стеклянных спиралей, и всё это заполнено разноцветной, булькающей, дымящейся и кипящей жидкостью, а посреди алхимического беспредела Красильникову виделся старичок-пофессор с безумным взглядом, включенными седыми волосами и козлиной бородкой.

Реальность смотрелась прозаичнее. Дальнюю стену просторного помещения занимали ряды мерцающих мониторов. Неподалёку стояло несколько странных приборов. В центре комнаты возвышалось массивное устройство непонятного назначения. Место опереточного профессора заняли трое молодых людей, рассеявшихся в дальнем углу вокруг электрического чайника.

«Хвалёная дисциплинка, — усмехнулся капитан, — хлещут чай в рабочее время. Или профессорам здесь закон не писан?»

Мишин кашлянул. Все трое обернулись как по команде.

— Валентин Георгиевич, — бледные губы худого субъекта с жидкими, с соломенного цвета волосами растянулись в улыбку, — дорогой! Мы уже и не чаяли дожидаться. Как наши дела?

— Позвольте представить, — Мишин отступил, выставляя Игоря на всеобщее обозрение, — Кра-сильников Игорь Владимирович — капитан милиции.

— Так, так, так, — Учёный обошёл вокруг Игоря, ещё раз и ещё, хоть он и был наголову выше Красильникова, но капитану казалось, что у его ног суетится попискивающий крысёныш, с трудом удавалось сдерживать желание прихлопнуть надоедливое зверька. — Так, так, так, — бледное лицо почти упёрлось в лицо Игоря, бесцветные глазёнки походили на стекляшки. — Он, что, пьян?

Мишин опустил голову. Сейчас он походил ни на крутого полковника из всеильных органов, а на провинившегося школьника.

— Валентин Георгиевич, — голос рыбаглазого оставался тихим и ровным, однако, это похоже пугало Мишина ещё больше, — вы с ума сошли? Вы что себе позволяете?

— Казимир Петрович, — полковник разве что не всхлипывал и не утирал нос, — поймите меня правильно. Объект крайне неуравновешен, алкоголизм четвёртой стадии на фоне маниакально-депрессивного психоза. Он мог выкинуть любую глупость. Легче было уступить его требованиям, чем упускать ситуацию из-под контроля. Поймите.

— Ах, вам так было легче? А о чём мне, позвольте спросить, теперь говорить с объектом? Меня от перегара уже тошнит! Какие, скажите на милость, я смогу провести тесты? Нет, я вынужден, я просто обязан, сообщить о ваших художествах вышестоящему руководству!

— Слушай, доцент, — Игорю надоело слушать о себе в третьем лице, да и Мишина, по правде говоря, стало жаль, — оставь «полкана» в покое. Если бы он мне выпивки не купил, я бы такое устроил... Такое... И, между прочим, я не пьянее тебя. Собирался поговорить, так не корчь из себя кисейную барышню. Тошнит его видите ли! Сбегай на очко, вставь два пальца в рот — мигом полегчает.

Нервный Казимир Петрович и его коллеги по распитию чая, уставились на капитана,

словно на говорящую макаку. Во взгляде Мишина Красильников заметил благодарность и почувствовал себя ещё увереннее.

— А если тебе сказать нечего, — продолжил он, пусть меня домой отправляют. Я, между прочим, в гости не напрашивался.

Учёный отступил на шаг и подпёр кулаком подбородок. Сейчас он походил на скульптора, оценивающего творение рук своих.

— Поразительный темперамент и способность адаптироваться к незнакомой обстановке. Прирождённый вожак!

— А я вам, что говорил, — вставил приободрившийся полковник, — да не договорись я с ним, он бы точно что-нибудь выкинул.

— Ладно, Мишин, ладно. Займитесь жильём для нашего нового коллеги и идентификационной картой. Естественно, с ограниченным доступом. Будем считать ваш поступок чем-то вроде боевой необходимости.

— Спасибо вам, Казимир Петрович, — сияющий от счастья полковник направился к лифту.

Учёный лишь отмахнулся, сейчас его вниманием завладел Красильников. Коллеги рыбьеглазого, забыв о чае, так же обступили Игоря. Капитан чувствовал себя неудобно. Он невольно посочувствовал девушкам стриптизёршам — им такое приходится терпеть каждый вечер. Хотя нет — если похотливые взгляды всего лишь срывают с танцовщиц у шеста остатки одежды, то глаза учёных червей буквально препарировали Красильникова, рассекая плоть и перебирая внутренности. Игорь собрался уже выдать какую-нибудь гадость, когда подал голос Казимир Петрович:

— Значит, друг мой, вы чувствуете себя вполне трезвым и способным воспринять нашу беседу адекватно?

Капитан ухмыльнулся.

— Тогда будем знакомы, коллега. Я — профессор Каплик — руководитель генетических исследований. Это, — учёный кивнул на чернявого коротышку, — Шкаев Борис Исаакович — глава биохимиков. И, наконец, доктор биологии, знаменитый путешественник, ведущий специалист по псовым — Кочуев Вячеслав Андреевич, — бритоголовый крепыш протянул Игорю ладонь размером с сапёрную лопатку.

— А теперь к делу, коллеги, к делу. Капитан, не желаете чаю?

«Наглеть, так наглеть!» — решил Красильников и, развалившись на стуле Шкаева улыбнулся:

— Вообще-то, гостей чаем не встречают.

Любезная улыбка мигом исчезла, губы Каплика превратились в едва заметную, бледно-розовую полоску:

— Вы не в гостях, капитан. Вы, в некотором смысле, приняты на работу! Поэтому, извольте соблюдать рабочую дисциплину.

— Во как!

— Да так! Для работников базы существует вечернее кафе. Ваш лимит спиртного будет обозначен в идентификационной карте — сверху ни капли. Забудьте, дорогой мой о всеобщих пьянках и утреннем похмелье!

— Я в концлагере?

— Вы на государственной службе!

— Успокойся, Казимир, — знаменитый путешественник примиряюще улыбнулся,

однако, его улыбка скорее напоминал оскал животных, по коим он являлся ведущим специалистом, — и вы, капитан, не лезьте в бутылку. Давайте поговорим спокойно. Я надеюсь, капитан, вы поймёте всю важность нашей работы и вашу роль в ней.

— Ладно, поговорим, — выбора у Красильникова не оставалось.

— Видите ли, коллега, — Каплик походил на народного трибуна приглашённого в сенат, — мы ведём работу, замороженную пятнадцать лет назад, при развале Советского Союза. Она напрямую связана с обороноспособностью страны и решением других, менее глобальных, военных задач. К сожалению, во времена разграбления страны, подобные проблемы мало кого интересовали, а потому мы значительно отстали в этой области от потенциальных противников. Мало того, дерьмократы распродали, а то и попросту растеряли массу уникальной информации. Но, довольно о грустном — времена сменились и наш проект — к счастью ещё сохранившийся — достали из архивов. Кстати, благодаря всё тем же архивам, мы узнали о вас.

В чём заключается проект и какова ваша роль в нём? Что же вполне законный вопрос. Отвечу коротко цель проекта — создание суперсолдата, ваше участие — самое прямое. В 1991-ом году вы стали одним из последних доноров.

— Стоп! Я никогда не был донором!

— А вспомните вашу командировку с майором из особого отдела.

— Лысый козёл! Пока я спал, у меня скачивали кровь!

— Успокойтесь, капитан, ваша кровь никого не интересует. Вы пожертвовали всего лишь несколько стволовых клеток. Поверьте, потеря для вас совершенно незаметная. Попробую объяснить доступно. Опыты по созданию суперсолдат начались ещё в двадцатых годах прошлого столетия. Именно с этой целью основали Абхазский питомник обезьян. Профессор Иванов — автор идеи — делал ставку на приматов. Работа зашла в тупик и профессора по традиции того времени расстреляли в 1932-ом году. Опыты, однако, не прекратились. Мало того, часть молодых, радикально настроенных учёных, отказалась от работы с приматами и сделала ставку на иные формы жизни.

По началу, их идея может показаться полным абсурдом. Приматы — наиболее близки к человеку по физическому и психологическому развитию. Однако, однако, однако. Если вдуматься, генный код человека не особенно отличается от кода большинства млекопитающих. Мало того, человеко-ский зародыш проходит все стадии так называемой эволюции — от головастика, до современной формы *homo sapiens*. И весь путь, позвольте заметить, хранится в генетической памяти. Прошу вас запомнить, что человек за всю жизнь использует всего лишь 1 % вышеназванной памяти. Остальное находится, так сказать, в глубоком сне. Что же произойдёт, если пробудится кое-что из оставшихся 99 %?

— Что же будет?

— Чаще всего, это атавизмы, вроде хвоста, волос по всему телу, недоразвитых жабр и тому подобные уродства. Но мы с вами ни владельцы бродячих цирков и подобные забавные отклонения нас не интересуют. Мы обратимся к наиболее редким случаям пробуждения генной памяти, а именно к заболеваниям крови, известным как ликантропия и вампиризм. Как вам должно быть известно, кровь состоит...

— Профессор, про кровь мне полковник все уши прожужжал. Я всё равно ни черта не понял.

— Поймёте, коллега, со временем всё поймёте. Что же, пропустим раздел с кровью и перейдём непосредственно к результатам работы. Как нам известно, западные учёные

делают ставку на вампиризм и добились в работе значительных результатов. Однако, их подопечные имеют ряд слабых сторон, о которых вы со временем узнаете. Наши специалисты всегда работали в области ликантропии и до определённого времени, шли, так сказать, ноздря в ноздю с потенциальным противником. Сейчас, к сожалению, приходится возвращаться к истокам. Печально, но агентам не удалось обнаружить майора Платонову — тогдашнего руководителя проекта — но остались её записи, дневник и видеосъёмки, а это, коллега, бесценный материал.

Не буду загружать вас научными терминами, постараюсь коротко и доступно ввести в курс дела. В природе — ликантропия — редчайшее заболевание. Человек подверженный ей, имеет способность, при определённых ситуациях, в рекордно короткие сроки изменять как физические, так и психологические параметры собственной личности. Мы предполагаем, что на заре человечества, в эпоху ранних цивилизаций, ликантропия не являлась редкостью. Однако, всё большее отдаление от природы, развитие общественно-политических связей, сделали сию способность уделом немногих счастливых, или несчастных — называйте их как хотите. Объект склонный к ликантропии в нормальном состоянии не отличается от обычной человеческой особи. Однако, при обострении болезни, всё изменяется. Не скажу вам, что объект полностью обращается в зверя, но мы можем наблюдать увеличение волосяного покрова, рост зубов и когтей, а так же, почти полную неуязвимость, удивительную способность к регенерации и совершенное отсутствие морально-этических норм, установленных обществом. Ещё один факт, возвращаясь в человеческое обличье, объект, как правило ничего не помнит о своей второй личности. Идеальный воин, не правда ли?

В силу уникальности и постоянного преследования, так называемые оборотни, явление редкое. А вследствие этого, получение природного штамма, вышеназванного существа в конце 60-х, можно считать невероятной удачей. На основе материала, биохимики разработали искусственный вирус и приступили к экспериментам. Человеческий фактор, конечно, оставлял желать лучшего. Преступники, лица без определённого места жительства и ничтожный процент добровольцев. У половины подопытных штамм не прижился. Ещё часть пациентов умерло. Лишь пять процентов из наблюдаемых объектов заразились ликантропией. Однако, против исследователей восстали сами обстоятельства. Во-первых, заражённые в прошлой жизни отличались излишней агрессией и жестокостью, и обретя способность обращения, они стали неуправляемыми. От большей части инфицированных пришлось избавиться. Во-вторых, специфика местности. Дело в том, что штамм наши учёные получили от китайских коллег В Поднебесной, в силу неведомых обстоятельств, вирус почему-то чаще встречается у женщин. Обращённые, почти всегда ассоциируют себя с лисами. Как подтвердит вам уважаемый Вячеслав Андреевич, среди псовых, лисы наиболее подвержены бешенству почти половина поголовья инфицированы уже при рождении. Во избежании мутаций болезни и последующей эпидемии, уничтожили последних подопытных, и исследования вышли на новую фазу. После долгих дискуссий, решили делать ставку на волков... Ваше слово, господин Кочуев.

Бритоголовый откашлялся:

— Вообще-то, рассматривали два вида — волки и гиеновые собаки. И те, и другие — животные стайные, а следовательно, им присуща дисциплинированность и строгая субординация. Большую роль в выборе сыграл климатический фактор — предпочтение отдали не чужакам из Африки, а серым землякам. К тому же Европа, как никак, родина

волков-оборотней. Даже если отместить явно сфабрикованные отцами-инквизиторами дела об оборотничестве, всё равно остаётся небольшой процент заслуживающих внимания фактов. Кроме того, волки хитры, выносливы и целеустремлённы. Волчья стая — идеальный диверсионный отряд, если, конечно, перед ним поставлена определённая цель.

— Спасибо, Вячеслав Андреевич, — перехватил нить разговора Каплик. — Как вы догадываетесь, капитан, основная проблема всё тот же штамм. Более двадцати лет наши агенты отслеживали по всей Европе случаи похожие на ликантропию. Тщетно, либо всплывала грубая фальсификация, либо конкурирующие конторы — вы понимаете о ком я говорю — опережали нас и получали материал в собственное распоряжение. К счастью, не стояла на месте геновая инженерия. Место вакцины и прививок заняли передовые технологии. К середине 80-х удалось искусственным путём совместить человеческие и волчьи ДНК. Через некоторое время мы смогли себе позволить искусственное оплодотворение группы самок как одного, так и другого вида.

— Волчиц и женщин, — впервые за время разговора открыл рот Шкаев.

— Спасибо, — Игорю происходящее казалось либо грандиозным надувательством, либо жутким похмельным сном, — я понял.

— Борис Исаакович, — Каплику явно не понравилось вмешательство биохимика, — будьте добры, принесите из архива видеоматериалы под грифом 12/34. Нашему новому коллеге не обязательно вникать в ваши формулы, а вот наглядные примеры окажутся в самый раз.

Если Шкаев и остался недоволен ролью мальчика на побегушках, то умело скрыл раздражение. Выразив кивком согласие, биохимик направился к лифту.

— В ожидании материалов, уважаемый Игорь Владимирович, — пустые водянистые глаза генетика никак не вязались с любезной улыбкой, — я позволю себе закончить изложение фактов. Волчицы нас откровенно разочаровали. Щенки родились здоровыми, они отличались от натуральных сверстников более высокой скоростью развития, крепким здоровьем, а главное фантастическим интеллектом. К сожалению никакой способности к обращению. Подобные существа хороши в служебном собаководстве, но совершенно бесполезны для наших целей. Пошли разговоры о выведении новой породы. Однако, как вы понимаете, в задачи лаборатории не...

— Что произошло с женщинами? — рассказа Каплика, не смотря на абсурдность и неправдоподобие захватил Игоря. Профессор это отметил.

— Похвально, капитан, похвально. Другой бы на вашем месте...

— Так что же случилось с женщинами?

— У большинства произошёл выкидыш. Родившиеся младенцы погибли через неделю. Выжило всего лишь шестеро. Пятеро из них оказались дебилами. И лишь один экземпляр можно было считать более менее удачным. Конечно, он вряд ли покорила бы сердца женщин — внешность неандертальца. Он вряд ли стал бы великим учёным, уровень его развития соответствовал уровню развития не особо талантливого выпускника средней школы. Однако, предмет исследования обладал почти всеми качествами необходимыми нам. Он фантастически быстро рос, к четырём годам жизни, физические параметры мальчика соответствовали параметрам здорового молодого человека 18–25 лет. Необычайная сила, ловкость, целеустремлённость, звериная интуиция, хитрость. И самое главное способность к обращению. К частичному, но всё же обращению. Отцов проекта ожидал триумф... Если бы не одно обстоятельство. Объект не воспринимал никого, кроме майора Платоновой. Ей он

был предан на двести процентов.

— Типичная модель поведения псовых, — вмешался Кочуев, — животное, как правило выбирает одного хозяина, точнее сказать вожака, остальных же считает членами стаи и ревностно охраняет своё место рядом с вожаком.

— Благодарю за сноску, Вячеслав Андреевич. Позвольте продолжить?

Голова-бильярдный шар ответила кивком.

— В человеческом облики подопытный вполне контролировал поведение. Но обращаясь зверем... Первый подобный опыт стоил нам жизни четырёх сотрудников. Представьте себе, капитан, спецподразделение, где бойцы выбирают командира по собственному усмотрению. А если он гибнет? Что тогда? Тогда подобный отряд станет опасным не только для врага... Вы меня понимаете?

— Неуправляемая стая бешеных псов.

— Волков, капитана, волков-людей, что ещё страшнее. Потому-то мы недолго почивали на лаврах и продолжили работу ударными темпами. Мы получили стволовые клетки Маугли — так прозвали малчишку-оборотня — и принялись за поиски подходящих доноров среди людей. В их число попали и вы.

— Стоп, профессор, а как насчёт иска по поводу насильного вовлечения в эксперимент?

— Дорогой, Игорь Владимирович, чтобы подать иск, вам нужно выйти отсюда. Чтобы выйти отсюда, вам надо стать членом команды. Становясь членом команды, вы подписываете документ о неразглашении государственной тайны. Подавая иск, вы превращаетесь в государственного преступника. И это только в том случае, если ваш адвокат через минуту разговора не вызовет санитаров.

— А как насчёт средств массовой информации или, скажем конкурирующих контор?

— Капитан, не будьте ребёнком.

— Хм, действительно.

— К тому же, приняв нашу сторону, вы получите такое содержание, в том числе и денежное, какое не снилось ни судам, ни вражеским разведкам и уж тем более жёлтым газетёнкам. Так мы продолжим разговор, или увязнем в бессмысленных препирательствах?

— А у меня есть выбор?

— Разумно, капитан, вполне разумно. Я остановился на продолжении эксперимента. Говоря кратко, мы надеялись человеческим генами уравновесить рвущегося на волю зверя. Обычный метод селекции, только не путём многолетнего искусственного отбора, а с помощью едва различимых в электронный микроскоп хромосом и клеток ДНК. Вот тут-то начал разваливаться Союз. Первое время нам урезали финансирование. Потом молящиеся на Европу и Америку защитнички прав человека, попытались сунуть нос в наши разработки. Наконец, один из тамошних аксакалов слез с дерева и объявил суверенитет. Другие аксакалы не захотели уступать самую высокую пальму. Естественно, началась грызня. Нас срочно эвакуировали. То, что не удалось вывезти, пришлось уничтожить. Короче говоря — плоды почти семидесятилетней работы рубанули под корень. Впрочем, как и всё в этой стране. Представьте наше удивление и даже восторг, когда при разморозке проекта, мы обнаруживаем дневник майора Платоновой и оттуда узнаём, что она тайно приняла участие в эксперименте. Мало того, покидая базу, майор выявила у себя первые признаки беременности. К сожалению, поиски Платоновой пока не дают результата. Мы попытались выйти на донора... Поэтому-то вы и здесь.

К горлу Красильникова подступил комок, голова кружилась, в ушах звенело, перед

глазами замелькали чёрные мухи. Мерзкие насекомые всё пребывали и пребывали. Игорь уже едва различал испуганное лицо Каплика с беззвучно открывающимся и закрывающимся ртом, он почти не почувствовал крепких рук Кочуева на плечах. Мухи облепили лицо, под их тяжестью веки Красильникова опустились. Капитан впал в небытие.

* * *

Игорь уже давно проснулся, но никак не решался открыть глаза. Подобные кошмары мучили капитана в период так называемой «завязки» и во время выхода из особо длительных и жестоких запоев. Вчера ничего подобного не произошло, так откуда же нагрянули леденящие душу сновидения? Красильников снова и снова возвращал ночных фантомов: призрак бывшей жены, обратившийся в недавнюю жертву, попытка самоубийства, лощёный комитетчик, заброшенная фабрика переделанная в секретную базу, рыбаглазый Каплик с бредовыми историями, а потом... Потом начиналась каша из событий и образов — капитан то кого-то преследовал, то сам спасался бегством, его убивали, он убивал в ответ, лица знакомых: майора, Паранова, соседки пенсионерки, лаборантки Мариночки, Мигурского, внезапно обращались клыкастыми мордами с горящими от голода и ненависти глазами. Потом Игорь вдруг ощущал зверем себя — загнанным, голодным и уставшим. А в центре неразберихи — миловидная блондинка со странно знакомым лицом и строгим взглядом.

Определённо пора взять отпуск и лечиться. Не так страшно умереть, как сойти с ума, попасть в какую-нибудь лжелечебницу, где начнут пичкать всякой гадостью и дожидаться, когда же нищий, допившийся до чёртиков мент, наконец-то откинет копыта и освободит койкоместо для более выгодных пациентов.

— Не дождётесь, — промычал Красильников и сделал то, о чём пожалел через секунду. Лучше бы не просыпаться!

Игорь зажмурился, в слабой надежде прогнать видение уютной комнатки. Мало того, он положил на закрытые веки ладони и несколько минут убеждал себя в нереальности происходящего. Сон, всего лишь сон. Вчера, по-видимому, переусердствовал, смешивая «ерша» и вот результат налицо. Нужно просыпаться, просыпаться во что бы то ни стало.

Процесс возвращения капитана к утерянной реальности нарушило приглушённое гудение и чьи-то лёгкие шаги. Щелчок, и Красильников почувствовал ласковый ветерок, пропитанный чем-то ароматным. Скорее всего, процесс утраты рассудка подошёл к необратимым пределам, и терять, в принципе, больше нечего. Игорь раздвинул пальцы и одним глазом глянул на новую реальность. Девушка в ладно подогнанной спецодежде вытирала пыль с пластикового столика.

«Интересно, кто это? — подумал Игорь. — Жена? Соседка? А может кто-то из распотрошённых?»

Подобная мысль капитана не испугала, а почему-то рассмешила. Он невольно хихикнул. Девушка обернулась и, слава богу, оказалась незнакомкой. Она приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, вернее уже день. Вы больше суток проспали.

Красильников потёр щетину и скорчил гримасу, по его мнению, выразившую любезность.

— У вас, наверное, мышцы совершенно затекли, — рассмеялась девушка. — Вам необходимо под душ, а потом в тренажёрный зал или бассейн. Моментально оживёте.

— А оно нужно? — каркнул Игорь — глотка суше колодца в Каракумах — купленное полковником пиво, по-видимому вышло вместе с потом.

— Кстати, обед вы проспали, но профессор распорядился немедленно вас накормить, как только проснётесь.

— А похмелить меня он не распорядился?

— Простите?

— Грамм двести пятьдесят водки или пива на крайний случай. Литра полтора...

— Вы и в правду шутник. Меня предупредили. Вы же знаете спиртное только вечером, в баре.

— Ещё не вечер? Слушай, красавица, открой-ка занавески, я в окошко гляну. Совсем во времени потерялся.

В ответ новый взрыв смеха.

— Я лучше за едой схожу, — наконец успокоилась горничная с обострённым чувством юмора. — А уберусь потом.

— Работай, работай. Я не голоден. Лучше действительно голову под холодную воду суну, — Игорь, привыкший спать в одежде, выполз из-под одеяла и сразу же нырнул обратно. Какой-то шутник додумался уложить капитана абсолютно голым.

— Какого чёрта?!

Девушка покраснела и быстро отвернулась, по вздрагивающим плечам и дурак бы догадался, что её душит новый приступ смеха. Более идиотски Красильников себя не чувствовал уже давно. Вообще-то алкоголь притупляет чувство стыда и обостряет способность к самооправданию. В подпитии, капитан попадал в ситуации и куда более пикантные, но всегда умел вывернуться без особого ущерба для самолюбия. Однако, сейчас Игорь буквально сгорал от стыда.

— Извините, ради бога, — горничная ещё время от времени всхлипывала, — я сейчас достану вам одежду.

Она порылась в пластиковом шкафчике и положила на тумбочку у кровати полутрусы-полуплавки, защитного цвета футболку и махровое полотенце.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Верхняя одежда во втором отделении, мыло, зубная паста, бритва и всё необходимое — в душе. Идентификационная карточка на ваше имя и прочие бытовые принадлежности найдёте в тумбочке. Я, наверное, всё-таки позже зайду. Извините.

— Брось ты, — капитан завернулся в одеяло наподобие римского сенатора и направился к двери, где по его расчётам находился душ. — Ничего более глупого уже случиться не должно. Заканчивай работу и тащи обед. Рассольчику какого-нибудь, если он у вас конечно водится.

— Я поищу, — кивнула девушка и снова не удержалась от смешка.

Игорь стоял под холодной струёй, пока не покрылся гусиной кожей и не начал лязгать зубами. Красильников приоткрыл горячий кран и растирался жёсткой мочалкой до лёгкого покалывания во всём теле. Конечно, он не чувствовал себя способным перевернуть землю, но какие-то ростки бодрости в измученном алкоголем и событиями последних дней организме начинали проклёвываться. Капитан долго рассматривал в зеркало седоватую щетину и решил бритвём себя не обременять. Изучил этикетку на флакончике с лосьоном — импортное дерьмо! Нет бы поставить пузырёк «Тройного» или, на крайний случай «Огуречного»!

Красильников вряд ли употребил бы в дело шедевры советской парфюмерии, окажись те под рукой — второй день он просыпался без похмелья — ворчал капитан скорее по привычке и ещё, чтобы заглушить совсем не радужные мысли о будущем. Кстати, благодарности к невольным избавителям от раскалывающейся головы, ватных конечностей и рвущегося наружу желудка, Игорь так же не испытывал. Лучше уж привычная, ставшая в чём-то родной проблема, чем новый геморрой связанный со спецслужбами, секретными лабораториями и изуверскими экспериментами.

Мысленно Красильников в очередной раз повторил фразу насчёт выбора. В ближайшее время этот упаднический, на первый взгляд лозунг, придётся воспринимать как аксиому. Капитан открыл горячий кран на полную силу, создавая иллюзию прилежного мытья. Заполнивший душевую пар ослепил скрытые камеры (если, они конечно существовали) и присел на край унитаза.

Ещё никогда ему так не хотелось попасть на разнос в кабинет начальства, или даже на одно рабочее место с Парановым, вдыхать ароматы проклятого «Олд Спайса» и грызть приготовленную женой лейтенанта куриную ногу.

— Что имеем не храним... , — чертовски хотелось курить, но капитан запретил себе покидать душевую, пока не обдумает хотя бы смутные наброски плана действий.

В детстве, Игорёк Красильников отличался повышенной восприимчивостью и буйной фантазией. Он рано научился читать, а потому обществу сверстников предпочитал книги. Будущий капитан поглощал их без разбора. Прочитанное — будь то сборник сказок или малопонятный роман для взрослых — он воспринимал по-своему и всерьёз. Мало кто заметил, как мальчик удалился в мир, созданный им из выуженного с пролистанных страниц материала.

Игорёк учился (неплохо, кстати), по мере необходимости общался со сверстниками (даже пару раз влюблялся и много дрался), смотрел телевизор. Но воспринимал всё это как некий фантом, мишуру, неуклюжие декорации, скрывающие (пока ещё скрывающие) настоящую, интересную жизнь. Его единственной страстью, болезненной страстью (может даже истоком возникшего позднее пристрастия к алкоголю) оставались книги. Он мог читать сутки напролёт, не замечая времени, и он по прежнему верил каждому печатному слову. В то время, как одни из ровесников изучали противоположенный пол, другие (более расчетливые) готовились к поступлению в перспективные ВУЗы, а третьи умудрялись совмещать обе необходимых для успешного будущего премудрости, Игорь вполне серьёзно строил планы по освобождению Айвенго из лап Бриана де Буагильбера или приходил в отчаяние, наблюдая, как проклятый отель всё больше и больше подчиняет себе волю Джека Торранса.

Армия, подружка, отказавшаяся от роли Изольды через пару месяцев после ухода своего Триста-на на службу, а так же перевёрнутая с ног на голову (или наоборот) страна, значительно понизили шкалу романтизма нашего героя, но... Какая-то часть сознания капитана верила, хотела верить, что мальчик в очках под Джона Леннона способен творить чудеса, что в столице тайно обосновались истребители вампиров и что воды реки Рейн до сих пор укрывают несметные сокровища и проклятое кольцо.

Убедившись, что произошедшее с ним не имеет ничего общего с белой горячкой и сновидениями, Красильников уже почти не сомневался в правдивости слов полковника и Каплика. К подобному повороту судьбы он готовился с тех пор, как закрыл первый прочитанный им самостоятельно сборник сказок. «Здравомыслящую», консервативную,

привыкшую к повседневному укладу часть капитана охватывал мандраж, ей очень хотелось возвращения прежних времён. Однако, мальчишка с горящими глазами, когда-то глотавший строчку за строчкой, выходил из тени и с каждой минутой обретал новые силы. Впервые за последнее десятилетие Игорю не хотелось напиться до скотского состояния.

— С вами всё в порядке? — оказывается горничная не только очаровательно смеялась, волнение придало её голосу что-то возбуждающее и одновременно успокаивающее.

— Да, — чёртов пар уже мешал нормально дышать. Красильников завернул горячий кран и тут же пустил холодную воду. — Подожди секунду, сейчас выйду.

— Я за обедом схожу. А вы пока, хи-хи, оденьтесь.

Игорь вспомнил недавний конфуз, но особого смущения не почувствовал. Чёрт возьми, в алко-гольной диете есть свои плюсы! Пока его сверстники поглощали всякие борщи, рассольники, пирожки и всё больше принимали форму груши, Красильников ещё сохранял более менее человеческий вид. Да и лицо, после долгого, трезвого (почти трезвого сна) избавилось от привычной опухлости и синюшного оттенка. Капитан поймал себя на мысли, что ему хотелось бы не столько насмешить девчонку, сколько ей понравится. Впервые после разрыва с Леной, Игорь думал о женщине ни как о существе необходимом (не путать с незаменимым) для получения определённого рода удовольствия (особенно после пары литров пива), а как о личности, чьё мнение могло заинтересовать.

С помощью откristализованного за долгие годы цинизма и обрётённого за время работы презрения к роду человеческому Игорь притушил не в меру разыгравшуюся подростковую восторженность. К счастью, а может и к сожалению, он попал не на страницы романа и не в модную компьютерную игру. Возможности перезагрузиться и начать всё сначала не предоставляются. Вряд ли предвидится возможность приобретения магических перстней, суперсовременного оружия, а так же помощь всеильного, но абсолютно бескорыстного борца со злом. У жизни другие, куда более прозаичные законы. Девчонка, наверняка не столько следит за порядком сколько шпионит. Каплик и его банда, скорее всего попытаются выжать из него всё необходимое, а потом вольны в своих поступках. Что им, занятым решением государственных проблем гениям, жизнь какого-то Красильникова?! Нет, на ситуацию нужно взглянуть трезво (смешное слово) и держать ухо остро.

Казённое бельё подошло как нельзя лучше. Капитан протёр запотевшее зеркало, скорчил отражению гримасу. Для эксперимента капнул лосьоном на язык. Нет, таким дерьмом точно не похмелишься. И, наконец, посчитал себя готовым к выходу.

Пока девушка ходила за едой, Игорь ещё раз осмотрел новое жилище. Ничего особенного — одноместный номер в дешёвенькой провинциальной гостинице. Не имея особого навыка поискал скрытые камеры и жучки. Естественно, безуспешно. Однако, Красильников не сомневался — новые «работодатели» слышат каждое слово, видят каждый шаг. Контора — как бы её не назвали — заведение серьёзное.

Некоторое время капитан потратил на изучение идентификационной карты. Ничего сложного — главное сунуть нужным концом в прорезь электронного ключа. Исследуя ящики в прикроватной тумбочке, Игорь обнаружил полупустую пачку сигарет и зажигалку. Чёрт, а ведь он сегодня ещё не курил! Красильников поискал пепельницу. И в помине нет! Скорее всего, жилые помещения — территория свободная от табака. Плевать!

Капитан закурил и, наподобие, индейского вождя выпустил дым на четыре стороны света. Нет, он не ублажал духов, он надеялся, что одна из скрытых камер засечёт вопиющее нарушение дисциплины.

Если кто-то и заметил извергающего дым Игоря, то просто-напросто проигнорировал наглуго выходку. Красильников докурил почти до фильтра, выбросил бычок в унитаз и собрался изучить коробочку с кнопками у входной двери, когда вернулась горничная. Девушка держала ящик, похожий на те в котором носит инструмент столяр или получает хлеб армейский караул.

— Уже помылись, — она застыла в дверях и принялась. — Вы курили?! Здесь?!

— Курил... Да ты заходи не стесняйся.

— Вы с ума сошли! За это сразу же увольняют!

Капитан рассмеялся:

— А вот этого я боюсь меньше всего. Тебя, кстати, как зовут, красавица?

— Вера... Почему это вы не боитесь?

— Очень приятно, Вера. Я — Игорь Красильников — и уволить меня нельзя, потому что я здесь не работаю. Понятно? Я вроде как в гостях.

— Не работаете? А все говорят, что вы вместо старого начальника охраны. Вы же из милиции...

— Все — это кто?

— Ну, наши с нижних этажей.

— А ещё и верхние есть?

Девушка, доставая из ящика тарелки, кастрюльки, термос, пакеты с соком, покосилась на капитана.

— Вы притворяетесь или действительно не в курсе?

— Бог с тобой, Верочка! Я же весь день проспал!

— Значит вы не новый начальник охраны?

— Понятия не имею.

— Вы же из милиции.

Игорь начинал терять самообладание. Усилием воли он взял себя в руки.

— Ну и что? Каждый где-то работает.

— Вы не поняли, я к тому, что Ивана Маратовича уволили, и вы сразу появились. А теперь оказывается — вы ничего не знаете.

— Вот именно, красавица, а если ты мне что-нибудь расскажешь, глядишь, я не только начальником охраны стану, но и всей вашей... вашего... , — Красильников вопросительно глянул на девушку. — Кстати, а что у вас здесь?

Девушка смутилась.

— Ну, производство, какое-то, или склады... или... Не знаю я. И никто из местных не знает. Нас, как обслуживающий персонал нанимали. Наверху только приезжие работают. Они и живут отдельно.

— Да, ты, Верочка, не волнуйся так. Меньше знаешь — крепче спишь. Главное, чтобы платили хорошо. Верно, красавица?

Игорь смотрел, на дымящийся борщ, на золотистые ломтики картошки, на хорошо прожаренный кусок мяса и впервые за многие годы чувствовал приступ аппетита. Не потребность успокоить ноющий и отравленный алкоголем желудок, а огромное желание попробовать всё, ощутить вкус и аромат каждого блюда. Когда, в последний раз он вот так вот сидел за столом и поглощал полноценную человеческую пищу?

«Не расклеиваться, Красильников! — капитан отбросил мысли, достойные разве что слюнтяя Паранова. — Не хватало ещё из-за тарелки борща соплю распустить! Отставить!»

Кому-то в этой жизни комплексные обеды жрать, а кому-то разгрести чужое дерьмо. Так что расслабься и получай удовольствие. А дурацкие идеи засунь куда подальше».

Девушка между тем закончила уборку, по ходу дела объясняя капитану где что лежит и чем как пользоваться. После она уселась напротив Игоря и самым бесцеремонным образом усталилась на капитана. Красильников давно уже привык уничтожать скудный продпаёк в полном одиночестве. Шикарный, почти семейный обед и пристальный взгляд горничной не на шутку смутили капитана. Он чуть не подавился.

— У меня третий глаз на лбу прорезался? — буркнул Игорь.

Вера улыбнулась:

— Извините. Просто вы едите, словно только что из тюрьмы.

— Откуда?!

— Из тюрьмы.

— Доводилось бывать?

— Что вы! У подруги брат недавно освобожден. Он первое время так же ел. Вы его знаете — Виталик Чугунов.

— Чугунов? Не припоминаю.

— Вы его посадили. Десять лет назад.

— Дорогая моя, я никого не сажаю! Я ловлю преступников, чтобы они предстали перед судом. Вот суд-то у нас сроки заключения и определяет. Ясно?

— Ясно, но я думала, вы его помните.

— Верочка, солнышко, я смутно помню, что было в прошлом году, а ты мне десять лет назад... Ты знаешь сколько таких вот Виталиков с тех пор при моём содействии на зону отчалило? Я, что каждого помнить обязан. Твой приятель, наверняка по какой-нибудь ерунде проходил. Чугунов... Чугунов... Не помню. Ты к нему неровно дышишь?

Девушка смутилась, затем рассердилась:

— Никак я к нему не дышу! Просто не думала, что вы отправляете человека в тюрьму, ломаете ему жизнь и сразу же об этом забываете.

— Ого, по твоему я должен каждому урке передачи носить?! Письма писать?! Жалеть его невинно осужденного?! Меня, между прочим, никто...

Игорь осёкся — ситуация дурацкая — сидит взрослый мужик и спорит с девчонкой неизвестно о чём, вроде и на жизнь пожаловаться собрался. Смех!!! Ох, как бы сейчас не помешало пропустить стаканчик-другой чего-либо согревающего кровь и успокаивающего нервы. Совсем не помешало бы. Но... Хорошо, хоть сигареты есть.

— Ладно, наплюй и забудь, — ухмылку Красильникова вряд ли кто назвал бы примиряющей, но улыбаться по-другому капитан давно уже разучился. — Нервы у меня иногда пошаливают. Возраст, наверное... Ты уж извини больного старого человека, а?

— Все вы больные и старые, когда рыльце в пушку, — девчонка, неумело разыгрывала роль опытной женщины. — А только вас простишь, сразу выздоравливаете и молодеете. Ну, ладно, на первый раз.

Из груди горничной вырвался вздох под завязку наполненный грузом вековой печали и всепрощения. Игорь заметил, что не отрывает взгляд, от соблазнительно двигающейся выпуклости и от в меру скромного, но всё же навевающего кое-какие мысли декольте. Чёрт возьми, при отсутствии алкоголя мозг Красильникова метался в поисках нового раздражителя! После ухода жены капитану вполне хватало случайных, быстро забывающихся связей, в промежутках между победой над утренним похмельем и новым приступом

тошноты и ненависти к окружающему миру. Игорь ни помнил ни имён, ни лиц ночных подруг. Впрочем, лица некоторых лучше и не вспоминать, особенно, когда желудок и без того упорно рвётся наружу. Проклятие, неужто вынужденное отлучение от дурманящего источника начинает обращать его в какого-то Казанову?! Это называется из огня, да в полымя!

«Не о том думаешь, капитан, — Игорь слышал голосок, часто приходивший на помощь в самых патовых ситуациях, правда, тот же самый голосок, с мерзкой бестактностью и садистской настырностью, частенько принимался рассуждать о превращающейся в хлев квартире, о далеко не юношеском возрасте Красильникова и о его погружающейся в алкогольную трясину жизни, — лучше прикинь, как можно девчонку перетащить на свою сторону... Так, чтобы она этого не заметила, и даже получила удовольствие. Хе!»

Пошловатый намёк в предложении невидимого советчика не лишил одного определённого смысла. Игорь попытался настроиться на рабочую волну. Дудки!!! Внутренний настройщик, подобно пресловутым водопроводчикам из анекдотов, требовал хотя бы бутылку пива.

Может у девчонки выпросить? Наверняка, в этой конторе, несмотря на строжайшую дисциплину и драконовские правила, есть какие-то лазейки, для обхода последних. Их просто не может не быть!

Нет, идея дурацкая. Подобно большинству женщин, даже сильно пьющих, она моментально разразится речью о необходимости немедленного отказа от пагубной привычки, о наличии в жизни других приоритетов и ценностей, и об обязанности капитана подумать если ни о себе, то хотя бы о родных и близких. Потом, подобно большинству, даже совершенно не пьющих женщин, она возможно и раздобудет что-нибудь для погашения душевного пожара. Но тогда идею вербовки и совместной работы можно похоронить. Девушка начнёт относиться к Игорю, как к гигантскому младенцу, не в меру пристрастившемуся к соске, а следовательно примет на себя роль заботливой мамочки. Конечно и из этого можно извлечь немалую пользу, однако...

Стоп!!!! Тормозишь, капитан! Ой, как тормозишь! Роль!!! Вот оно! Сейчас, горничная примеряет маску матроны, рассуждающей на тему «Все мужики — козлы, но с этим ничего не подела-ешь».

Самый верный способ добиться от женщины желаемого — принять участие в пьесе, где она, естественно, отвела себе ведущую роль. Можно даже первый акт отыграть по её правилам. Дальше, по обстоятельствам — желаешь конца представления — замахнись на место главного героя. Хочешь продолжения — оставайся статистом и незаметно, время от времени, присаживайся в режиссёрское кресло. Главное не забывай повторять, что она единственная и неповторимая в своей роли и вовремя замечай желание примадонны сменить амплу. У тебя всегда должен быть наготове сценарий, если особа на сцене из роковой Клеопатры решает превратиться в Джульетту, иначе, она придумает своё продолжение спектакля и всё придётся начинать заново.

Сии философские рассуждения мелькали в голове капитана, пока Вера зондировала его короткими очередями из-под длинных ресниц. Игорь мысленно пожелал себе удачи и «вышел на сцену».

Для начала Красильников виновато ухмыльнулся и опустил голову, как бы принимая на себя груз вины и вероломства тысяч поколений мужчин. Что-то вроде — «... простите, тётенька, я больше не буду».

— Так уж... , — он даже попытался хихикнуть — вышло нечто среднее между блянием голодного козлёнка и чириканьем простудившегося попугая. Капитан мысленно отвесил себе затрещину.

«Натуральнее, мать твою, натуральнее!!!»

— Ну всё — мир, — торжествующая улыбка сообщила Игорю о его, если не блестящем, то вполне сносном дебюте. — А вы почему не едите? Не нравится?

Красильников, собиравшийся сперва проглотить обед целиком, встретил вполне естественное сопротивление измученного алкоголем желудка. Ему едва удалось осилить тарелку борща, сжевать половину бифштекса и несколько кубиков картофеля. Обманутый соком организм, то и дело грозился избавиться и от этого минимума.

— Нет, всё очень вкусно. Я по утрам много не ем, — Игорь почти не врал. Он просто не стал говорить, что обеды тоже не особо жалует, да и про ужин частенько забывает. Не такие у них близкие отношения, чтобы вдаваться в подобные тонкости. Сейчас нужно беседу повернуть в нужное русло и на первый раз выведать у девчонки как можно больше о здешних порядках и обычаях.

— Утро? — девушка рассмеялась. — Скоро рабочий день заканчивается!

— Я имею в виду, когда просыпаюсь. Я как-то больше по вечерам.

— А вот это очень вредно. Куда только ваша жена смотрит?

— Понятия не имею. На нового мужа, наверное?

— Развелись? Почему?

О таком понятии, как тактичность, горничная имела весьма смутное представление. Да и сам капитан вряд ли смог изложить желаемые подробности. На работе он проставлялся в честь отпуска ещё женатым человеком, а из двухнедельного запоя вышел холостяком. События предыдущих четырнадцати дней он помнил весьма смутно, и с трудом отделял реальность от алкогольных фантазий.

Впрочем ответ девушке и не потребовался.

— Из-за работы, наверное? — по построению версий и догадок, она могла соревноваться с самим Парановым. — Ночные дежурства... Вызовы...

Игорь охотно согласился.

— Значит всухомятку питаетесь.

Красильников мысленно расхохотался. В чём, в чём, а вот в сухости его диету не обвинишь!

— На ходу, без горячего, — чёрт, эту гастрономическую болтовню нужно срочно прекращать!

— У нас буфет отличный, — капитан и понятия существует ли в его конторе подобное заведение — когда не пил, вроде бы не было, а сейчас — чёрт его знает! — Почти, как здесь. У вас, наверное, дипломированные повара готовят?

— Скажете тоже! Это может для верхних повара готовят, а для нас женщины из местных. Да они не хуже стряпают. Опять же — работа. Знаете сколько наших устроилось! Это не на трассе всякую ерунду продавать. А то и похуже... Настоящая работа.

— Чего-то не пойму: верхние, нижние... Это касты что ли?

— Не знаю, я ни про какие касты, — Вера смотрела на Игоря, как на туповатого школьника, который не может запомнить простенькое четверостишие. — Говорю же — на верхних этажах живут приезжие, а мы, кто по хозяйству, по ремонту всякому — над самым складом...

— Теперь понятно — обычное общежитие. Двухэтажка с подвалом.

Горничная нахмурилась:

— Вы знаете, одна и та же шутка два раза — не смешно. Вы меня за дурочку принимаете?

— Не понял...

— А чего понимать! Двухэтажка!!! Будто вас на работу приняли и ничего не показали, не рассказали.

— Верочка, ты будешь смеяться, но мне действительно ничего не показывали и ни о чём не рассказывали. Да и не работаю я здесь... Я так думаю...

Девушка недоверчиво поглядывала на Игоря. Капитан отметил, что она нравится ему всё больше и больше. Ни мёртвый свет лампы дневного света, ни грубоватая униформа не могли скрыть, той простоватой, но всё же завораживающей русской красоты, что сохранилась ещё в глубинке, не отравленной пока суррогатными ценностями, МТВишными дебилами и мобильной заразой.

— Не работаете... Виталик, вообще-то, рассказывал, как вы ловко дурить умеете. Но меня-то вам зачем обманывать?

— К чёрту твоего Виталика! Уголовник малолетний! Здоровьем клянусь, — «страшная» клятва, в устах выкуривающего по три пачки в день и периодически уходящего в запой человека, — я не знаю зачем меня сюда привезли! Я вчера вышел из дома, возле ларька меня перехватил Мишин, с каким-то амбалом и привезли сюда, потом полоумный профессор, протирал мне всякую чепуху... Проснулся я в этой комнате — вот и всё.

— Так вы не будете начальником охраны?

— Господи! Девочка, я же говорил, что сам не знаю для чего я здесь нужен! Мне может на крови поклясться?!

— Не надо на крови, — Вера улыбнулась и тут же задумалась. — Значит, тот, другой будет...

— Кем будет?

— Начальником. Лучше бы уж вы... Вас знают...

* * *

— А вам необходимо личное знакомство с начальником охраны, юная повелительница пылесоса и принцесса моющих средств?

Красильников подавился соком, горничная взвизгнула. В дверях стоял высокий мужчина неопределённого возраста:

— А, по-моему, — незнакомец прошёлся по комнате, огляделся, почти по-хозяйски, — знакомство с подобного рода господами приносит только лишние хлопоты. Верно, товарищ капитан?

Первый шок от наглого вторжения проходил. Красильников поднялся из-за стола, тщетно силясь понять, что пыталась сообщить ему девушка при помощи двигающихся бровей и бегающих глаз. Игорь медленно повернулся к незваному гостю, с удовлетворением отметил, что они почти одного роста. Прикинул — послужит ли пластиковый стул надёжным оружием, если чужак проявит агрессивность. Криво улыбнулся:

— Ты дверью ошибся, дядя? Или как?

С минуту они сверлили друг друга взглядами. Капитан не выдержал и отвернулся. Проклятие! Этот парень либо псих, либо уверен в себе на 200 процентов.

— А я, тот самый другой, — мужчина улыбнулся, однако серые глаза по-прежнему оставались жёсткими и холодными, — о коем говорила ваша подруга. Только я отнюдь не претендую на должность главы здешней охраны.

— Какого чёрта ты в моей комнате забыл? — чужак агрессивных намерений не проявлял, и слава богу, в случае рукопашной схватки, Игорь расценивал собственные шансы как минимальные. — Или здесь принято так?

— Да не сердитесь вы, Игорь, — визитёр не торопясь осматривал комнату. — Я здесь тоже недавно, вот и решил познакомиться. Хотя, говоря честно, заочно я вас уже знаю.

— Даже так?

— Именно. Вы не представляете на каком уровне и в каких кабинетах с недавнего времени заинтересовались вашей персоной... Кстати, прошу прощения за невежество. Я ведь не представился. Здесь меня все называют Рат. Просто Рат.

— Иностранец, — хмыкнул Игорь, незнакомец раздражал, но с другой стороны одновременно и располагал к себе, даже вызывал что-то вроде доверия.

— А вы недалеко от истины, товарищ капитан. В каком-то смысле я иностранец. Так, я значит представился. О вас я наслышан, а вы, сударыня, — Рат повернулся к девушке, так и не закрывшей рот с тех пор, как незваный гость явился в дверном проёме. Хорошо, хоть не визжала, — если не ошибаюсь... Ммммм... Вера?

Девушка кивнула.

— Замечательно. Вы прекрасно позаботились о капитане, Вера. Благодарю вас. Я, в свою очередь, позабочусь, чтобы Каплик, этого не забыл.

Горничная вздрогнула:

— Не надо Каплика... Я же просто так... от чистого сердца.

— Вера, скромность, качество хорошее, особенно для девушки, но любой труд должен вознаграждаться. Вы же не только выполнили распоряжение профессора, но ещё и составили компанию капитану. А ему это сейчас поважнее любого обеда. Верно, Игорь?

Красильников, буквально кипел от злости. Однако, какая-то лёгкость в манере поведения визитёра, непринуждённая речь, завораживали капитана и мешали прорваться наружу, потоку ярости, который он уже мысленно обрушил на наглеца.

— Так что, — между тем продолжал Рат, — поберегите все возражения. Кстати, у вас по-моему, пересменок?

Кивок.

— То-то я смотрю, все в «Чайную» потянулись. По-моему, там свежая выпечка, или что-то в этом роде, — он довольно-таки выразительно посмотрел на девушку.

Вера быстро собрала посуду и направилась к двери.

— Секундочку, — Рат достал ручку, блокнот, что-то торопливо написал. — Будьте добры, — он протянул горничной вырванный листок, — передайте Кочуеву, если увидите. И ещё, — почти вышедшая девушка испуганно обернулась, — вы не составите вечером компанию мне и капитану в здешнем кафе? Введёте, так сказать в местное общество.

Вера удивлённо моргнула, потом улыбнулась:

— Конечно. Только в кафе никто с верхних этажей не бывает. У них свой бар.

— Вера, неужели вы думаете, нам с капитаном интересно смотреть, как нудные профессора тянут диетические коктейли и ведут заумные разговоры, а их престарелые жёны

обмениваются древними сплетнями? Увольте, сударыня!

— Тогда в восемь, у кафе?

— Замечательно. Больше не смею вас задерживать.

Девушка вышла.

* * *

— Осваиваешься, капитан? — если бы не ледышки серо-голубых глаз, Игорь, наверное расплакался бы от умиления — какая забота! — Рад знакомству.

Красильников и моргнуть не успел, а человек назвавшийся Ратом, уже пожимал ему руку. Взбешённый капитан шагнул в сторону, оборвав рукопожатие, и почувствовал, как незнакомец что-то положил ему в ладонь. Рат слегка улыбнулся и подмигнул:

— Я понимаю ваше раздражение, Игорь, — он прошёлся из угла в угол, застыл посреди комна-ты, в следующую секунду оказался у стены и зачем-то прижался к ней спиной. — Не поворачивайся и быстро читай! — произнёс он одними губами и уже вслух. — Я ведь в каком-то смысле тоже здесь не по своей воле. Служба...

Капитан смотрел на скомканную бумажку в ладони. Визитёр, оказывается, ещё тот фрукт. Посылая записку собаководу, он умудрился черкнуть что-то для Игоря. Вопрос в том, хочет ли Игорь читать это послание и тем самым, возможно, впутываться в очередную авантюру? Мало проблем обрушилось на его голову за последние сутки? С другой стороны, терять-то нечего.

— ... меня, конечно, не доставляли, на служебной машине, — незваный гость говорил беззаботно, с лёгкой долей иронии, что шло вразрез с выражением тревожного ожидания, застывшего на лице, — добирался я с меньшим комфортом, чем вы. Содом и Гоморра — пионерский лагерь, по сравнению с вашими поездами. Я уж не говорю про грязь...

А что если всё это провокация? Проклятие, дефицит информации заставляет действовать вслепую. Знать бы зачем его сюда притащили, можно бы просчитать для чего сюда явился этот тип. И какого чёрта он приклеился к стене? То совал нос в каждый угол, а сейчас застыл, как статуя. И имя какое-то дурацкое. Рат. Хотя, это наверняка не имя. Оперативный псевдоним, говоря официальным языком. Идиотский псевдоним! Похоже у деятелей в конторе с фантазией туговато. Надо такое придумать. Хм, Рат! Ладно, к дьяволу псевдонимы! Что с бумажкой делать? Выкинуть и ждать, как всё пойдёт дальше? Возможна проверка и как только он развернёт листок из блокнота, в комнате появится, скажем, Мишин, а то и сам Каплик и объявят... А что они собственно объявят? Хм, дурацкое положение! Всё-таки, зря не выпросил у девчонки горячего, пока мог. Хороший глоток чего-нибудь согревающего и приводящего в порядок мысли, сейчас пришёлся бы ох, как кстати! Всё, либо пан, либо пропал!

Красильников развернул бумажку. Чем-чем, а каллиграфическим почерком Рат не отличался. Игорь с трудом разбирал неровные каракули.

«За моей спиной камера. Три микрофона. Займусь ими. Встань на моё место. Без суеты Важные сведения».

Ну, прямо кино про шпионов! Спасибо, хоть не зашифровал послание! А бумажку теперь, наверное съесть надо?! Хм, без соли и майонеза... Ладно, судя по физиономии, парень не шутит. И как он до сих пор умудряется нести какую-то пургу про свою поездку?

Талант! Ему бы в депутаты!

Игорь кивнул. Рат облегчённо выдохнул и отклеился от стены.

— Я здесь два дня, — он прошёл к столу, налил в стакан сока, залпом выпил, — жуткая скука! Вы, конечно, знаете, что работы здесь проводятся по инициативе определённого ведомства.

Взгляд капитана миллиметр за миллиметром исследовал стену, минуту назад закрытую спиной визитёра. И где тот умудрился разглядеть камеру? Обычная фанера. Имитация под дерево. Никаких трещин, царапин и уж тем более отверстий. Шляпки шурупов, крепящих панель, укрыты декоратив-ными нащёлками. Всё как в лучших домах. Стоп! Шурупы! Неужели...

Словно угадав мысли Красильникова, Рат, не прекращая болтовни, едва заметно кивнул.

— Так я здесь вроде проверяющего. Конечно, и учёные, и наши сотрудники проверены много раз, им доверяют. Но знаете, на работы выделяются баснословные средства, а сейчас, во времена поголовного казнокрадства и нравственной атрофии, даже у самых честных и преданных людей может возникнуть соблазн. Ну вы меня понимаете. К тому же режим повышенной секретности...

— Ты вот что, дядя, — Игорь смял пачку, где ещё оставалась пара сигарет, — раз уж припёрся, и, я вижу от тебя не отделаешься, делись куревом. Иначе, никакого разговора у нас не получится. Да, я всякую иностранную гадость не курю. Имей в виду.

— Я, кстати, тоже, — Рат выложил на стол четыре непечатых пачки сигарет «Тройка». — Подойдёт?

— Ну, на безрыбье... А, вообще-то спасибо. Может теперь объяснишь, какого чёрта я здесь делаю? Мне тут наболтали... Такого при белой горячке не причудится.

— Может, присядете? — предложил Рат, при этом отрицательно покачивая головой.

Конспиратор, мать его! А то бы Игорь сам не догадался!

— Слушай, ты можешь девчонкой командовать, а я уж сам решу: сидеть мне, стоять или вообще в сортир уйти. Давай, не тяни резину.

— Кстати, о девчонке. Обслуживающий персонал понятия не имеет, кто основной работодатель. Руководство строжайше запретило обнаруживать себя. Исключены даже любые попытки вербовки. Вы меня понимаете?

А вот за это, парень, спасибо! Если не врётся, конечно. Значит и Вера, и «блатной» Виталик, и прочие аборигены опасности не представляют. Уже радуется.

— Не пальцем делан, — произнёс капитан вслух. — Язык держу за зубами. Да если я и разболтаю кому-то, что мне ваш полковник и придурковатый профессор наплели, это в лучшем случае за пьяный бред посчитают.

— Не все, капитан, к сожалению не все.

— Мне присягу принести? Или как там у вас это называется?

— Хм, — визитёр распечатал пачку, протянул её Игорю. — Угощайтесь.

— Я слышал здесь — не курят.

— А вас это волнует?

— Как ежа голая задница.

— Ну и замечательно. К тому же для вас предусмотрено много исключений.

— Спасибо и на этом.

Затягиваясь, Красильников сделал круг по комнате, встал напротив подозрительной панели, вопросительно глянул на Рата. Тот движением глаз попросил сдвинуться вправо.

— Хотя, плевать я хотел на ваши исключения! — Игорь качнулся в нужном направлении. — Плевать, понимаешь! Я не верю ни одному слову! Я не знаю, что вы здесь затеяли, но вы ещё пожалеете, что со мной связались! Знаешь, где я вашу контору видел?!

— Спокойнее, капитан, — Рат кивнул, в то же мгновение выскользнул из-за стола и оказался у панели возле двери. — Вы делаете поспешные выводы. Вас введут в курс работ. Объяснят вашу роль. Ключевую, можно сказать роль, — он действовал со скоростью атакующей змеи. Стремительность и не одного лишнего движения. — От вас зависит многое... Топорная работа, — Рат закрыл панель и снова оказался за столом. — Игорь, теперь можешь действительно присесть. Пусть ребята наслаждаются зрелищем нашей мирной беседы, а фонограмку мы им пустили соответствующую.

— То есть, — Красильников не торопился покинуть пост у панели, — они нас не слышат?

— Отнюдь, и видят, и слышат, всё записывают. Только слышат они то, что нам нужно.

— А что нам нужно?

— Как злой с похмелья капитан милиции, не понимающий, где он и зачем, ругается с хлыщом из центра. Мы же поговорим на более серьёзные темы. Предупреждаю, услышанное покажется тебе ещё большим бредом, чем рассказы Каплика, но уж постарайся поверить. У нас с тобой нет другого выхода.

— Не понимаю, говорим одно — слышат другое...

— Игорь, я засунул туда одну штучку... Как тебе сказать... Что-то вроде переводчика. За доли секунды просекает любой язык и начинает переводить... Если соответствующе настроить, отлично переводит с русского на русский. Главное программу задать нужную... Таких устройств здесь больше нет.

— А где есть? — к капитану вернулась мысль, что он всё-таки допился до чёртиков и оказался в психушке. Оборотни, генетические эксперименты, суперустройства... Сколько же это выпить надо!!!

— Красильников! Ты меня достал! Я тут перед тобой целый час комедию ломаю, а ты глазами хлопаешь, как филин на солнце. Нет у тебя белой горячки! С ума ты не сошёл! Это не психушка, а закрытый научный объект, занимающийся генетическими разработками. Эй, приём! Ты ещё с нами! Род всемогущий! Ну почему я не могу обойтись без помощи этого психа-акоголика?! Очнись, капитан!!!

Ничего себе, разорался! Наверное действительно, что-то сделал с микрофонами. Род! Кто такой Род? Род? А этот Рат. Род — Рат. Рат — Род. Умора!

Красильников хихикнул.

— Теперь ещё слюну пусти, и палец в рот засунь, — внутренний голосок-спаситель похоже злорадствовал, — опозорься по полной. Сам понимаешь, что всё реально. В руки себя возьми. Ну же, капитан!

— Выпить хочу, — выдавил наконец Игорь.

Рат ухмыльнулся. Капитан сделал вид, что ничего не заметил. Как же он устал!!! Как ему надоели все эти «тайны Мадридского двора», неизвестность, недосказанность, а особенно бредовые побасенки, которые нормальный человек и за шутку не посчитает.

— Насколько, я понимаю, речь идёт не об утолении жажды?

— Пошёл ты!

— Игорь, если ты обиделся, то извини. Не сдержался... Нервы...

— Сказано — отвали!

— С моим превеликим, но не могу. Здесь сложилась чрезвычайная ситуация. Чрезвычайная!!! Понимаешь?

— Мы уже второй десяток при чрезвычайной ситуации живём...

— Чрезвычайная не для страны и даже не для планеты. Для всей Вселенной! Понимаешь?! Вселенной!!! Ведущиеся здесь работы, под корень рушат основы и законы мироздания.

Да, чем дальше в лес, тем больше сосен! Вчера Игорь узнал, о каких-то фантастических работах, оказался родителем (не физическим, а каким-то ещё — без поллитры не разберёшься) оборотня-переростка, а сегодня его уже мобилизуют — ни много, ни мало — на спасение Вселенной. Хм... Что же будет завтра?

— Капитан, я не требую безоговорочной веры, я не прошу о сотрудничестве. Просто, выслушай меня и восприми, хотя бы треть из услышанного серьёзно.

— Сперва вопросик.

— Валяй.

— Если здесь всё так хреново и опасно, почему бы вашей конторе не закрыть проект?

— Под «конторой» ты, наверное, подразумеваешь ведомство господина Мишина? Хм... Там и понятия не имеют с чем играют. К тому же я на них не работаю.

— Всё-таки иностранец!

— Не совсем. Предвижу следующий вопрос. Я — не инопланетянин. Люди, нанявшие меня, обязаны поддерживать равновесие. Равновесие установленное Творцом. Но их принципы не допускают вмешательства. Потому я здесь.

— Значит, ты диверсант. К тому же наёмник. Правильно?

— Пусть будет так.

— А если я стукану?

— Глупейший поступок. Мои, абсолютно подлинные, документы, безупречная характеристика, против твоего слова. Попробуй. К тому же, ребята в аппаратной пишут всё, до последнего вздоха. Ты думаешь на плёнке будет что-то из сказанного нами?

— Чёрт, совершенно забыл про твою штуkenцию! Похоже, ты меня в сортир запер, как говорят мастера шашек.

— Ты играешь в шашки?

— Упаси бог! Но выражение подходящее. Ну, давай, трави «Байки из Склепа».

— А как насчёт выпить?

— У тебя серьёзно есть?

— Игорь, ты же назвал меня наёмником, а разве наёмник ни держит при себе предметы первой необходимости? Или ты алкоголь к таковым не относишь?

Нет, чёртов пижон даже не скрывает насмешки! Красильников живо представил, как охаживает этого ублюдка в чёрной одежде и собранными в хвост волосами резиновой дубинкой, а потом отправляет в «обезьянник», к бомжам. Физический ущерб запуганные «дети подземелий» ему вряд ли причинят, а вот, к примеру вшами, или какими-либо мерзкими болячками поделаются щедро. Захочется ли шутить «спасителю Вселенной», когда кожа покроется волдырями и начнёт зудеть от укусов?

— Мировая? — Рат первым приложился к серебристой фляжке.

— Там видно будет, — Красильников рассматривал изящный сосуд. Игрушка недешёвая. Гравировка занятная — скрещенные «Кольты» (копия оружия героев вестернов) на фоне полной луны. Только баловство это. Глотай ты отраву из обычной бутылки, либо из золотого

кубка с рубинами — похмелье-то замучает всё равно. К чему тогда пижонство?

Игорь поднёс горлышко к ноздрям — желанный, ставший родным аромат, почти затерялся среди незнакомых, но довольно-таки приятных запахов. Стены комнаты растаяли и на мгновение капитан оказался в чудесной стране. Он стоял посреди изумрудной поляны, усыпанной прекрасными цветами, по лазурному небу плыли белоснежные (такой белизны и прозрачности, не добьёшься никаким «Тайдом», как бы не тужился надоедливый пацан из рекламы) облака. Вдали темнел лес и, это невероятно, но Красильников отчётливо слышал весёлый перезвон кристально чистых родников, бьющих из-под корней вековых деревьев. Капитан вдохнул пьянящий, не загаженный гиперактивной деятельностью двуногих, псевдоразумных приматов, воздух, и ему захотелось взвыть. Взвыть от тоски и досады. Ему и подобным ему homo sapiens никогда не оказаться здесь в реальности, не ощутить прохлады тенистых ветвей, не зачерпнуть ладонями и не выпить ледяной воды... Но с другой стороны, никто не заключит шелковистый изумрудный ковёр в асфальтовый саркофаг, не оборвёт в угоду извращённому чувству прекрасного, дивные цветы, не срубит, хранящие память веков, деревья. И от этого чувства собственной опасности и губительности для всего окружающего становилось всё тоскливее и тоскливее...

Игорь потрянул головой. Видение пропало.

— В этом пойле дурь что ли какая-то намешана?

— С чего ты взял? — глаза Рата впервые за время разговора ожили — в них мелькнул интерес. — Абсолютно натуральный продукт. Я разве похож на клофелинщика или кого-то в этом роде?

— Ты похож на парня, которому хочется задать много вопросов. И убедить его, очень крепко убедить, отвечать честно...

— Игорь, меня не надо убеждать. Ты ключевая фигура, и я обязан либо получить твою под-держку, либо... Ладно. Клянусь Родом — ни слова лжи! Для начала — моё настоящее имя Ратибор, и сейчас я выполняю решение Большого Синклита. Ну, так мировая?

— Именно, большого? — капитан махнул на всё рукой. Чёрт с ним! Если невозможно избавиться от всего этого бреда, если приходится выслушивать всяких сумасшедших, то расслабляемся и получаем удовольствие. А там куда кривая выведет! Положимся на спасительный «авось» и верный «небось»! — Ни среднего, ни малого, а большого? Уважаю! Мировую, говоришь? Мы завсегда! Даже если ты туда и намешал чего-то... Ха! Самогонка с демедролом меня не прикончила, после БФ выживал... За Мир во всём Мире!

Красильников смачно выдохнул и поднёс фляжку к губам.

Вкус напитка ничуть не уступал аромату. На этот раз, правда, обошлось без видений, но на секунду, может даже на долю секунды, капитан всё-таки утратил связь с реальностью. Его кровь, плоть, нервные клетки слились, а потом растворились в чём-то приятно-тягучем, согревающее-мягком и сладко-горьковатом, скользнувшем по гортани и опустившимся в желудок. Игорь чувствовал себя бестелесной субстанцией, парящей среди белоснежных облаков того, недоступного мира.

— Ну, как тебе «Мёд Бурзума»? — Ратибор мягко высвободил фляжку из онемевших пальцев Красильникова.

Проклятие, уже второй раз Игорь возвращался из садов Эдема к долбаной повседневности, где, кроме всего прочего, к остальной головной боли прибавились странные люди с фантастическими байками и искусственно выведенный отпрыск с повадками то ли серийного убийцы, то ли взбесившегося волка. Может после всего, этот самодовольный

выскачка ожидает слов благодарности и восхищения. Чёрта с два!

— Потянет. Хотя, такого ни разу не пробовал. Это портвейн или ликёр?

— Мёд, капитан, хорошо выдержанный мёд с кое-какими добавками, секрет, которых известен лишь семьям пивоваров с Бурзума. При Варге Потрошителя этот напиток объявили национальным достоянием — любой покусившийся на тайну рецепта обречён на одну из самых мучительных казней — Кровавый Орёл...

— Звучит внушительно, — хмель окутывал мозги, согревал кровь, успокаивал желудок.

— Да, осуждённому рассекают кожу, а потом очень медленно разделяют грудную клетку.

— Ого! А такого орла нельзя применить к пронырам адвокатам или, например, к производителем чёртовой рекламы?

— Нет их скорее бы привязали к муравейнику или закопали бы по шею в песок на время прилива.

— Тоже неплохо. А, скажем...

— Игорь, времени мало. Поговорим о наших делах.

— Как скажешь, начальник. Кто похмеляет, тот и тосты заказывает.

— Капитан, а серьёзнее нельзя?! Ты забыл, что от нас зависит?

— Ратибор, чёрт ну и имечко, извиняй!

— Лучше зови меня Ратом.

— Без проблем. Действительно, извини. Я как выпью, либо паясничаю, либо злым, как чёрт становлюсь. А пью я постоянно.

Ратибор покачал головой:

— В ближайшее время придётся сдерживать себя... Иначе, нам всем крышка.

— Да брось ты! До поросычьего визга мне здесь никто нажраться не позволит. А пока я что-то соображаю — держу всё под контролем. На рожон больше из дури лезу. Скучно как-то живётся...

Ратибор закурил, пригладил волосы, грустно улыбнулся.

— В чём-то я тебя понимаю. Был у меня такой период, после частичной потери памяти. Знаешь, основное помню — куда шёл, зачем, что хотел сделать, кого преследовал — остальное в тумане. Всплывают какие-то лица, особенно одно — женское... Не лица даже. Тени... А подробности — изволь! Тогда я и затосковал. Только пить рано или поздно тоже надоедает...

— Так память вернулась?

— К чёрту память. Кое-что порой лучше сразу отсечь — пока гангрена целиком душу не сожрала... Ну, хватит лирики. Готов к первому инструктажу, капитан?

Игорь вздрогнул. Умеет же этот хлыщ заставить врасплох! Красильников только задумался об этой подлой и коварной сучке, под названием судьба человеческая. Как она отравляет жизнь щедрыми посулами, сиюминутными победами, мнимым благополучием, но рано или поздно, плотоядно смеясь, делает финт и оставляет с носом... И на тебе! Инструктаж!

— Готов я. Всегда готов, как пионер... Только дай-ка мне ещё глоточек.

— Понравилось? Смотри — мёд — штука коварная.

— Не учи учёного.

Капитан медленно свернул крышку, поднёс флягу к губам, затаил дыхание и... Мысленно сплюнул от досады. Опять обман! Аромат остался прежним, вкус, скорее всего

тоже никуда не подевался, а вот дивные видения пропали бесследно. Недаром говорят — второй раз всегда разочаровывает!

Игорь раздражённо, почти с отвращением, сделал внушительный глоток. Взял сигарету.
— Вот теперь я точно готов.

* * *

— ... сперва, кое-какое оснащение, — под чёрным жилетом Ратибора оказался широкий пояс, он принялся расстёгивать узорчатую пряжку. — Так, мелочь разная, но в определённый момент... Капитан, а что сейчас смешного происходит?

— Ремень у тебя, как у Будулая.

— У кого?

— Был один такой, — Игорь хмыкнул, хотел промолчать дальше, но хмельной кураж сделал своё, — до дому не мог дойти. Память отшибло.

Ратибор нахмурился. Красильников наконец усмирил выпущенного из щёгольской фляжки бурзумского джинна, проглотил смешок и выдавил:

— Извини, Рат. Эта твоя штука вроде легко пьётся, а по мозгам даёт круто.

— Я кое-кого предупреждал. Ладно. Проехали. Главное не начни блистать остроумием ещё где-нибудь. К тебе тут отношение гораздо серьёзнее, чем ты думаешь. Ну, продолжаем?

Капитан кивнул.

Ремень оказался с секретом — он раскладывался в ширину и был оснащён внутри кучей кармашков. Игорь удивился и вроде как протрезвел.

— Смотри капитан, — Ратибор встал, чтобы спиной заслонить стол от видеокамеры, достал из кармашка конвертик размером со спичечный коробок, который чудным образом (после нехитрых манипуляций) обратился в карту, размером со школьный атлас, — это план базы. Два нижних этажа — складские и подсобные помещения, — Красильников привстал со стула — чёрт возьми! Это действительно атлас!!! Атлас, сделанный из тончайшего, немнущегося и невероятно гибкого материала. — Над ними лаборатории. Вот здесь жилые помещения. И два наземных этажа — вотчина персонала лаборатории и комитетчиков. Квартиры, комнаты досуга и зал для проведения особо торжественных мероприятий. Последняя страница — карта прилегающей к объекту местности, — лёгкое движение и атлас обратился в спичечный коробок. — Я это тебе оставлю на пару дней — изучи досконально. В случае опасности не вздумай глотать, попытайся смыть в канализацию. Впрочем, я сделал всё зависящее от меня, чтобы подобных ситуаций не возникало. Бери не стесняйся.

Игорь опасливо потрогал прямоугольник, вмещавший — шутка сказать! — семь подробных карт.

— Сверхпрочный, сверхэластичный и сверхтонкий материал на основе бумаги, — предупредил Ратибор возможные расспросы. — Не вздумай изучать в открытую. Возьми в библиотеке журналы... Впрочем, что я тебя учу. Второе — зонд. Его ты просто глотаешь. Оболочка липнет стенке кишечника, растворяется в течение шести месяцев, после чего зонд выводится естественным путём. Абсолютно никакого вреда. У меня кстати такой же. Я должен время от времени проверять твоё местонахождение, кроме того ты всегда можешь по нему со мной связаться — достаточно щёлкнуть языком и каждое слово пойдёт на приёмник. Выключается повторным щелчком. И последнее — собственно приёмник.

Вставляется в ушную раковину и совершенно незаметен окружающим.

Игорь положил горошины на ладонь. Чёрт, а ведь это всё действительно не шутка и не бред. Такими штучками просто так никто разбрасываться не будет. Мало того, впервые после похищения, капитан почувствовал страх. Настоящий человеческий страх. Нет, за жизнь Красильников не боялся. Он уже давно бежал марафонскую дистанцию наперегонки с раком лёгких и циррозом печени. До финишной ленточки оставалось совсем немного. Но как ни странно, Игорь испугался. Испугался, увидев эти безобидные, на первый взгляд, технические диковинки. Он ступил на незнакомую территорию, играл, если хотите, на чужом поле, не зная правил и не имея представления о силе противника, а подобное вызовет мандраж даже у самого отъявленного фаталиста.

— Красную вовнутрь, жёлтую в ухо, — Рат деловито собрал пояс, глянул на капитана. — Капсула совершенно безвредна, даже вкуса не почувствуешь.

Красильников хотел съязвить насчёт того, что для такой пилюльки неплохо и записку соответствующую, однако пересохшее горло вряд ли смогло бы извлечь какой-либо звук, кроме короткого хрипа, в лучшем случае, жалкого козлиного бляения. Не хватало ещё совершенно опозориться перед этим хлыщом.

Игорь подошёл к столу, налил стакан сока, сделал глоток, тут же закинул в рот горошину, а следом выплеснул остатки сока. Будь что будет! Теперь уже, когда отступать было некуда, он, почти переставшей дрожать рукой, вставил жёлтую горошину в правое ухо.

— Передатчик начнёт действовать, как только нагреется до температуры тела, — Ратибор не замечал или делал вид, что не замечает волнения капитана. — Условимся о проверке?

— А? — желудок вроде не выворачивало, в глазах не темнело, похоже многострадальный организм Красильникова безболезненно принял чудо шпионской техники. — Как скажешь.

— Тогда, сделаем так. Я опаздываю на свидание...

— Какое свидание?

— Игорь, проснись! Сегодня в восемь мы — я и ты — идём в кафе. С Верой.

— Чёрт, совсем забыл.

— Так вот — я опаздываю и ты выходишь со мной на связь. Только чтобы всё выглядело естественно. Без всякого — «первый, первый — приём».

— Ну уж это будь спок!

— Тогда мне пора, — Рат протянул руку.

— Слышь, командир, — Игорь почесал щетину на подбородке, — а нельзя какое-нибудь оружие. Самое завалющееся.

— А вот про это забудь!

— А я и не надеялся — так для проверки спросил.

— Я так и понял. Ну, до встречи?

— А инструктаж?

— Игорь, я тут пока оборудование подбираю, следующее подумал. Не будет сейчас от этого инструктажа никакой пользы.

— Это почему?

— Ты сразу поверил Мишину или, скажем, Каплику? Вот именно! А я расскажу о вещах ещё более невероятных. Лучше будет, если ты всё увидишь сам, вникнешь кое во что, сделаешь выводы. Там уже вдвоём и план действия, вернее противодействия, составить

проще будет. Ты как думаешь?

— Хм, пойдти туда — не знаю куда, — Красильников разминал сигарету, пока половина табака не высыпалась на пол, — найди то — не знаю что... Хм... Впрочем, тебе виднее.

— Только без обид.

— Ё-моё! Да у меня никакой обижалки на вас всех не хватит! Ты только скажи мне, парень, что здесь вообще происходит? Версию одной стороны я уже слышал, теперь твоя очередь... Хотя бы в двух словах.

Ратибор, собравшийся было уходить, снова присел, потёр переносицу.

— Двумя словами, капитан, здесь не обойдёшься... Хотя, попробую. Есть у вас священная книга. В ней сказано, что Бог создал человека по образу и подобию своему...

— Книга — Библией называется.

Рат кивнул.

— Так вот в этой Библии сказано, что Бог создал человека по образу и подобию своему. Прошло время и уже человек начал перекраивать Бога под себя. Следишь за мыслью?

— Не пальцем делан.

— Замечательно. Переделав Бога и его заветы, подогнав их под себя, человек подумал, а почему бы не перекроить всё остальное. И мы с тобой здесь для того, чтобы предотвратить попытку создания человеком существа по образу и подобию своему. Понимаешь? Ведь если мы, божественные, так сказать, копии, натворили столько зла, представь, что выкинут наши дубликаты?

— Да, убойный отдел — отличное место для оценки.

— Ну, ты меня, как я вижу прекрасно понимаешь. Ты стал свидетелем походов одного лишь монстра, не самого совершенного, выросшего в неподходящих условиях, действующего стихийно... А теперь представь десятки, сотни подобных существ...

— А он действительно мой... эээ... родственник?

— Не бери в голову.

— Всё-таки.

— Это слишком сложно, Игорь. Впрочем, по человеческой линии его вполне можно считать твоим потомком. Волчьи гены взяты от подопытного Маугли. Ну а на роль матери вполне подходит выносившая их Платонова.

— Их?!

— Да мальчишек родилось двое. Один из них здесь. В лаборатории.

Красильникова не привели в себя ни глоток редкостного напитка, ни искуранные одна за другой пять сигарет, ни загадочные манипуляции агента Большого Синклита. Он погрузился в ту спасительную пустоту, где уже побывал недавно, когда его квартиру вдруг начали посещать призраки, а сам капитан, чуть было не пустил себе пулю в лоб.

* * *

Страх, давящий, выворачивающий суставы, сжимающий желудок, лишаящий воли, причинял невыносимую физическую боль. Месяц назад он не мог и подумать, что подобное возможно. Две недели назад, он мог бы сказать, что привык к боли. И вот теперь, он, поскуливая, скорчился в углу комнаты. Ещё не погрузившиеся в трясину ужаса остатки сознания молили об одном: пусть никогда не зажигается свет, пусть не возвращаются люди в

белых халатах и особенно тот, высокий, с жидкими волосёнками и рыбьими глазами. Они чего-то хотят, требуют. Чего?! Он уже не помнил. Не помнил, но где-то в самых защищённых и недоступных уголках памяти ещё осталось кое-что.

У него нет, «того», чего хотят они. Когда-то было, но теперь он от «этого» избавился. Кто-то. Кто? Нет он не помнил кто. Но этот кто-то, сперва ласково, потом строго говорил, что «то» чего они хотят — очень плохо. Да — «это» плохо. Он никогда не делал «этого».

Ещё кто-то другой, сильный и злой смеялся над ним, дразнил «щенком», обзывал первый голос «двуногой сукой», приглашал попробовать хотя бы один раз. Но он знал, что «это» плохо, терпел затрешины, насмешки, и всегда возвращался к родным, нежным рукам первого голоса.

А теперь... Теперь его заставляют сделать «это». Ему не верят. Ему причиняют боль. Но он не может. Он лучше умрёт, чем нарушит приказ, нет просьбу, мольбу ласкового голоса, никогда «этого» не делать. Умрёт. Но они не позволяют умереть. Они приходят и приносят с собой боль. Он привыкает к боли, но они придумывают что-то новое. Они — мастера, виртуозы боли. Но он всё равно не сделает «это».

Преодолев страх, он впивается зубами в запястье...

* * *

Огромный волк задрал морду к небу и хрипло взвыл. Какой-то двуногий идиот выдумал байку о волке воющем на Луну. Что возьмёшь с примитивных, самовлюблённых созданий с грубым слухом, не способных отличить и десятой доли оттенков в песне серых бродяг. Волчий вой — целая симфония, часть партитуры в нескончаемой песни природы. В зависимости от обстоятельств, искущённый слушатель различит любовный призыв и предупреждение сопернику, охотничий азарт и предсмертную скорбь. Да мало ли радостей и бед в нелёгкой лесной жизни, кои год от года вплетаются в ночную песнь серого племени. Нужно только уметь, а самое главное хотеть услышать.

Могучий самец на холме прощался с собратом. В его песни не было глубокой скорби, скорее лёгкое сожаление и даже снисходительность. Его брат сам выбрал этот путь. Он всю жизнь убивал в себе Зверя. Следуя желанию матери, он стремился войти в мир двуногих. Вошёл. И что же — двуногие прикончили его. Он умер не в бою, не в смертельной схватке, как полагается Зверю. Он грыз свою лапу, подобно перепуганной лисице, попавшей в капкан. А перед этим, двуногие искололи его мерзкими препаратами, изрезали скальпелем и самое главное, задушили в нём остатки Зверя.

Серый никогда не питал нежных чувств к брату. С рождения тот был слабаком. Он избегал игр, где испытывались мышцы и сила, пускай ещё молочных, но всё же звериных кльков. Он не любил обращения, предпочитая облик двуногого. Он безоговорочно принимал каждое слово двуногой самки, назвавшейся их матерью. И вот результат, он умирает в человеческом облики — униженный, сломленный, запертый в тесной комнатёнке.

Конечно из него никогда бы не вышло вожака. Он никогда бы не повёл стаю на охоту. Никогда бы не отвоевал себе охотничьей территории. Стройная красавица-волчица никогда бы не оскалилась в приветственной улыбке при его приближении. Он никогда бы не подошёл к логову, где его ждёт десяток поскуливающих бурых комочков — продолжателей рода. Но он не заслужил смерти. По крайней мере такой.

Серый отомстит за соплеменника. Сперва, той, что вероломно назвалась матерью. Раньше он мстил лишь за себя, за попытку усмирить в себе Зверя, отнять у него волю, приобщить к обществу двуногих. Она, прежде всего она, виновна во всём. Теперь она ответит вдвойне, за него и за брата. Каким бы тот не был слюнтяем.

Он почему-то не помнил её запаха. Миллионы оттенков и отеночков запахов различных предметов, животных, людей и даже событий хранилось в его памяти, но самого главного и ненавистного почему-то не было. Да она хитра. Ей как-то удалось стереть себя из её памяти. По хитрости она пожалуй не уступит волчице... Потому приходилось полагаться на зрение. Потому он уже несколько раз ошибся. Те самки чем-то на неё походили. Он замечал подмену в последний момент. Он выслеживал их. Подкрадывался. Он хотел всего лишь спросить — зачем она обращала их в двуногих и почему она их так вероломно бросила. Он видел свою ошибку, собирался уходить, но всегда появлялись двуногие. Всегда. Серый ускользал, а вслед ему крики страха, а потом боли. Самка звала на помощь. Похоже, двуногие тоже охотились.

Серый снова завыл, но сейчас в его песне звучала ни горечь потери, а злобное отчаяние и вызов...

* * *

«Чёрт вас всех бы побрал! Почему, я ни сурок, или, на крайний случай ни медведь?! Почему я должен просыпаться каждый день, особенно, когда какая-то сволочь нахально теревит плечо?!» — подобные мысли рождались в ещё не отошедшем ото сна мозгу Красильникова.

Ратибору, или как там его, всё же удалось привести капитана в чувство, то ли с помощью дополнительной порции мёда, то ли загадочного препарата почти силой влитого невменяемому оперу, то ли в совокупности того и другого. Так или иначе, но Игорь пришёл в себя и ещё раз потребовал повторения рассказа всадника (так странный человек назвался, когда Красильников упомянул о званиях). Услыхав повторно о собственном родстве и со свирепствующим в округе оборотнем, и с подопытным, капитан махнул рукой. То ли он смирялся с фактами и принимал всё как есть, то ли наоборот объявлял услышанное полной ерундой и умывал руки. Этого Рат так и не узнал, так как через секунду Игорь рухнул на кровать и крепко уснул. Алкоголь, успокоительное и нервное потрясение оказались лучшим снотворным. Всадник предпочёл удалиться.

Красильников забыл, когда спал так крепко на трезвую голову (несколько глотков из фляжки Рата ни в счёт, от подобной порции и воробья не развезёт). Сперва пришли кошмары. Капитану привиделось, что он находится то ли в тесной комнате, то ли в камере. Испуганный и забитый, он поскуливая от страха пытался перегрызть себе вены. Как бы наблюдая за собой со стороны (во сне и не такое бывает) Игорь подумал — не слишком ли много суицида за последнее время? То с табельным оружием чуть конфуз не вышел, теперь, вообще, какая-то мелодрама в багровых тонах.

Не успел Красильников-наблюдатель постичь тайный смысл и подсознательные мотивы пока-занной сцены, как уже очутился в другом месте. От страха и боли не осталось и следа. Он чувствовал себя сильным, гордым и свободным. Он шёл вдоль забора базы, не обращая внимания на утробный лай собак. Неужто эти выродки волчьего, племени, эти рабы

двуногих помешают ему?! Да, они угрожают, укрывшись за забором, но когда дело дойдёт до схватки, тогда...

Нет, урод, вцепившийся в плечо, кем бы он ни был, решил разбудить Игоря во что бы то ни стало. Красильников открыл глаза, зевнул, хмуро глянул в рыбы глаза Каплика.

— Чего надо?

— Прошу извинить за бесцеремонность. Вашему эээээ... организму, действительно необходим отдых, максимум сна. В целях эээээ... , так сказать, восстановления... Но поймите, дела не ждут... Мы ээээ... попробуем совместить работу, с вашим, так сказать, мммм... оздоровлением.

— Нечего меня оздоравливать. Вполне прилично себя чувствую. Уж лучше работать. Я тут скоро от скуки на стены начну прыгать. Делать нечего, пить только вечером, да и то, сколько разрешите. Телевизора нет, радио нет, курева нет! И чем прикажете заниматься?

Профессор закусил тонкие губы:

— Ваши претензии абсолютно законны. Я распоряжусь, чтобы в ваше жильё доставили всё необходимое. Сигареты же вы можете приобрести в «Чайной». Вечером — в кафе.

— На какие шиши? Ваши ребята обчистили меня до нитки.

— Ваши личные вещи в полной сохранности. Здесь они вам вряд ли эээээ... понадобятся. Расчеты же производятся с помощью идентификационной карты. Для персонала существуют система кредитов, открыто несколько ээээээ... магазинов, небольшой кинотеатр, ммммм... , думаю с этим вы разберётесь. А кто, позвольте спросить, снабдил вас ээээ... табачными изделиями?

— А то вы не знаете — проверяющий ваш, с дурацким именем.

При упоминании Ратибора, Каплик передёрнул плечами. По-видимому, профессор не испытывал особой симпатии к визитёру из центра.

— Вы правы, я эээээ... в курсе вашей встречи. Хочу дать, дружеский совет, ведите себя помягче, я прослушал запись разговора... По-моему вы ээээ... чересчур агрессивны и ммммм... откровенно грубы. От этого человека очень многое зависит...

Ха! От него зависит больше чем ты думаешь, треска учёная! Интересно, какой ахинеи навада-вал приборчик всадника укреплённый к микрофону?

— Плевать я хотел и на него, — это уже вслух, — и на то, что от него зависит.

— Ммммм... вам, так сказать, виднее. Я просто эээээ... предупредил. Насчёт здоровья же, батень-ка, скажу следующее. Может ээээ... вы себя и чувствуете замечательно, но это не значит, мммм... что вы абсолютно здоровы. Сегодня у вас визит к эээээ... одному специалисту, завтра полноценная медкомиссия.

Упоминание о специалисте особой радости не вызывало. Последний раз Игорь был у врача (если не считать участкового с липовыми больничными на два-три дня — время нужное для выхода из запоев), под напором жены и начальства. Хвалёной кодировки хватило месяцев на восемь. Кошмарное время, когда Красильников чувствовал себя инвалидом и едва сдерживал рвущуюся наружу ярость. Именно тогда он получил два выговора за превышение полномочий при допросах подозреваемых.

Если Каплик со товарищи решил задействовать очередного шарлатана — борца с зависимостью от зелёного змия — ситуация выглядела отнюдь не забавной. Одно дело тотальный контроль и дозированные порции выпивки. Потерпим. Другое — полный отказ! Тут придётся задействовать приятельские отношения с «проверяющим». Тем более, тот сам ни дурак глотнуть эксклюзивного мёда. Не пора ли проверить полученное оборудование,

пока ещё крепкие ребята из охраны не тащат на экзекуцию?!

Похоже мысли капитана отразились на лице. Профессор улыбнулся:

— Это отнюдь не тот специалист, о коем вы эээээ... подумали.

— И о ком же я подумал?

— Бросьте, Игорь Владимирович, и я, и вы, и многие из окружающих в курсе ваших, эээээ... проблем. Не скрою, я бы ни отказался их ммммм... разрешить. Однако, лечение от алкоголизма — дело сугубо добровольное. В случае с вами бесполезен будет и гипноз, и химические препараты, при учёте почти полного отсутствия у вас ээээээ... чувства самосохранения.

— Я, вообще-то, ээээээ... про стоматолога подумал, — как же велико желание разбить эту бледную самодовольную физиономию! — Терпеть их ммммм... не могу!

Грубое передразнивание подействовало на Каплика, как укол булавки на слона. Он даже не повёл белёсой бровью. Да, чтобы пронять профессора нужно нечто посерьёзнее.

— Ну, здесь я вам ничего гарантировать не могу. Состав медкомиссии утверждён ээээ... сверху. Для всех. Придётся смирить детские страхи, Игорь Владимирович. Однако, сегодня у вас встреча с другим эээээ... доктором. Можно сказать, не совсем даже мммм... доктором. Вы должны побеседовать с нашим ээээээ... психологом. Предвидя возражения, заявляю — процедура обязательная. Нам необходим ваш ээээээ... психологический портрет.

Нет, подвоха от этого трескоподобного уродца стоит ожидать в каждую секунду, но сейчас можно немного расслабиться. Нервы не железные, особенно, когда нет возможности подлечить их глотком чего-нибудь согревающее-расслабляющего. К тому же все эти психологи — дерьмологи — обычные шарлатаны, качающие деньги из богатых придурков. Почему бы не пообщаться с местным клоуном? К тому же на халяву. Может из него даже удастся кое-что вытянуть. Особенно про парня в лаборатории... Да, надо бы сообщить Рату.

— ... но сперва, — продолжал тем временем Каплик, — мне бы хотелось показать вам кое-что из ээээээ... рабочих помещений. В частности лабораторию. Там вчера произошло небольшое мммм... ЧП...

ЧП?! Хм! Велико искушение выколотить из профессора подробности, так называемого, не-большого мммм... ЧП, а заодно и способ смотаться отсюда. Но терпение. Всему своё время. К тому же и Ратибору помощь обещал...

— ... поэтому я буду крайне признателен, если вы ээээээ... поторопитесь.

— Профессор, а вы в курсе, что даже в Советской Армии, в самых уставных частях, после подъёма, бойцам давалось пять минут, чтобы оправиться.

Каплик захолопал бесцветными ресницами.

— В смысле?

— В сортир мне надо! Я уже полчаса вас слушаю и разве что на стуле ещё не запрыгал! Или прикажете по вашим лабораториям в мокрых штанах шляться?!

— Да ради бога! Что же вы раньше молчали?!

— Вежливый чересчур. Не могу собеседника перебить.

* * *

Воду Игорь включил на полную мощь. Неплохо бы отвернуть оба крана, но проклятая турецкая штамповка такую возможность исключала. Каплик, крысёныш, наверняка к двери

ухом прижался. Так, хрен вам в зубы, уважаемый профессор! Капитан глянул на неприлично сверкающий унитаз. В последнее время он почему-то возненавидел такой вот музейный порядок и показную чистоту. Наверное, профессиональное. Всегда казалось, что с помощью безукоризненной, отутюженной одежды, вылизанного жилища, пытаются отвлечь внимание, пустить пыль в глаза и скрыть что-то мерзкое и неприятное.

Хотя вот Паранов вроде тоже чистюля и пижон, а парень вроде ничего, старательный. Прокля-тие, он почти с симпатией вспомнил ненавистного напарника! Вот к чему ведёт сотрудничество с органами госбезопасности и трезвый образ жизни. Не хватало ещё заскучать о бывшей жене! Нет, господин Ратибор (или как там тебя) закругляйся со своими делишками и поскорее выводи отсюда.

Почти целиком выпустив в воздух баллончик с освежителем воздуха (на халяву чего бы не шикануть), Красильников опустил крышку и присел на вылизанный до блеска шедевр сантехники.

Игорь прижал язык к нёбу. Щелчок вышел смачным и неожиданно громким. Тут же в ухе раздался ответный и Красильников услышал знакомый голос.

— С ума сошёл, капитан? Я чуть не оглох!

Игорь злорадно улыбнулся.

— Извиняй, командир, не рассчитал маленько.

— Ладно, почему раньше времени на связь вышел? Случилось чего? Или дурью маешься?

— И дурью тоже. Надо бы мне фляжечку как у тебя завести и на бражку раскулачить. Глядишь всё веселее будет.

— Игорь, если ты собрался шутить, то сейчас время неподходящее. В лаборатории ЧП. Понима-ешь?

— Ну это мы уже слышали. Даже собираемся посетить место происшествия, с моим другом Капликом. Значит, бражкой не хочешь делиться?

— Каплик ведёт тебя в лабораторию?!

— Ага, потом ещё куда-то. А самое главное — конечный пункт нашего турне — кабинет психолога. Профессор прямо-таки жаждет узнать как можно больше о личности провинциального опера. Что скажешь на это, командир?

— Не бери в голову. Обычная формальность. Но к доктору присмотришь. Потом расскажешь. Меня больше лаборатория волнует. Дров не наломаешь?

— Обижаешь, командир!

— А что у тебя там шумит?

— Ниагарский водопад. Насчёт бражки-то как?

— Пошёл к чёрту!

— Служу Отечеству!

— Ладно до вечера. Если что, выходи на связь. Только не с таким грохотом.

— Как скажешь командир.

Жужжание в ухе прекратилось. Не, всё-таки классную аппаратуру они придумали в этом своём Синклите. Может, действительно завязать с бухлом и пойти к ним на службу? Если что, Рат (ну и имечко!) похлопочет. Хм! До чего дурные мысли лезут в трезвую голову!

В дверь настойчиво скреблись. Игорь закрыл кран.

— Иду уже!

Он ещё раз посмотрелся в зеркало. Чёрт, куда только подевалась привычная опухшая

рожа и красные глаза? А вот бриться всё равно не буду! Пошли к чёрту!

Красильников перекинул из ладони в ладонь пузырёк с лосьоном. Ещё раз обругал империалистов, которые изготавливают непригодную для внутреннего употребления парфюмерию и щедро обрызгался пахучей жидкостью. Раз уж харя получилась такая пижонская, то и эту вонючку жалеть нечего. Поиграем в плейбоя! До вечера. Интересно, какой лимит отравы для него предусмотрели?

* * *

— ... объект оказался крайне неустойчивым, — бубнил Каплик по пути в лабораторию, — психически, — Игорь слушал краем уха предпочитая запоминать дорогу. — Почти бесполезным. Но даже его исследование ммм... казалось, неслыханной удачей. И тут такое!

— А почему он бесполезен? И, что значит неустойчивый? Псих что ли?

— Вовсе нет. Но он, крайне подвержен ммм... постороннему влиянию. Кто-то, я почти уверен, что это Платонова, внушил ему стойкое неприятие ээээ... к обращению. Все наши попытки сломать барьер, оказались тщетны. Вот бы заполучить второго братца...

— Он думаете лучше?

— Несомненно. Вы когда-нибудь наблюдали детёнышей млекопитающих. Они крайне агрессивны и жестоки. Любая их игра, по сути своей, борьба ммм... за лидерство. Сперва у материнской груди, затем, во взрослой жизни. Несомненно, один из братьев ээээ... подавил другого. Несомненно. Учитывая, их ммм... человеческие ээээ... половинки... Согласитесь, так называемые подростки — жесточайшие существа. Слабые не просто ммм... подавляются. Они, проще говоря, ломаются ээээ... морально. Их заставляют чувствовать и ммм... признавать себя ээээ... существами второго, если ни третьего ммм... сорта. Будь наши братья обычными щенками — сильный вполне довольствовался бы главенствующей ролью. Если слабейший не предпринимал бы попытки ээээ... покинуть своего места, он бы не представлял бы для вожака никакого бы ммм... интереса. Но человеческое естество взяло своё, и, подхватив, так сказать пальму ммм... первенства, сильный продолжал унижать слабого, превращая его тем самым в обычного, среднестатистического ммм... человека. Коих большинство и кои нас совершенно не интересуют, по крайней мере, в данный ээээ... момент. Вот мы и на месте.

Попытка запомнить путь до лаборатории провалилась ни просто с треском, а с оглушительным грохотом. Во-первых, Каплик то и дело отвлекал болтовнёй, во-вторых, даже очень наблюдательному человеку трудно сориентироваться в месте, где двери, коридоры и этажи повторяют друг друга под копирку. Даже застывшие повсюду охранники, на первый взгляд казались, если не братьями близнецами, то по крайней мере очень близкими родственниками.

Профессор в очередной раз угадал мысли Красильникова:

— Вам, Игорь Владимирович, не стоит утруждать себя ммм... запоминанием. На первых порах, достаточно обратиться к ээээ... охраннику. Он сверит вашу степень допуска и ммм... укажет нужное место. Если, конечно, доступ туда вам ээээ... разрешён.

— Или по шее даст, — перспектива каждый раз спрашивать дорогу у шкафоподобного андроида (люди просто не могут быть настолько похожими и невозмутимыми) радужной не

казалось. Нужно в побыстрее зазубрить атлас Рата!

— Не понял?

— По шее, говорю, даст, если попрошусь, куда не следует.

— Ваши шутки, порой, ммм... несколько вульгарны.

— А я в Петросяны и не записывался.

Лаборатория, или, как там это называлось, особо не удивила. Обычная анатомичка. Двое идиотов в салатовой спецодежде попивают кофе над распотрошённым телом. Запах формалина, спирта и ещё какой-то медицинской гадости. Для опытного опера картина вполне привычная.

Игорь глянул на бледное тело с развороченным животом. Ожидал чего-то. Сын всё-таки! Но как ни странно ничего не почувствовал. Бледный худощавый паренёк, лет двадцати. Смазливый. Из тех, что свихнувшимся на музыкальных каналах девкам нравятся. Пальцы длинные, следовательно, к физическому труду отношения не имеет. Шрамы, татуировки и прочие особые приметы на теле отсутствуют. На запястье рваная рана (возможно причина смерти). Брюшная полость и грудина вскрыты, судя по малому количеству крови, уже после смерти.

Рядом на миниатюрном столе застыли кровавые сгустки — внутренние органы погибшего. Один из потрошителей, прихлёбывая из цветастой кружки, поигрывал ножовкой. Похоже, современные инквизиторы готовились к трепанации.

Игорь пытался вызвать скорбь, возмущение, неприязнь, в конце концов! Но чувства пропали. Он не испытывал никаких эмоций, глядя на бледное, изуродованное тело, которое, возможно, когда-то принадлежало его отпрыску. Эмоции объявили забастовку. И к тому же, дьявольски хотелось выпить.

— А ты чудовище, Красильников! — всё тот же мерзкий голосок. — Грязный, спившийся ублюдок! Комитетчики ни за что, ни про что замочили паренька. Возможно, твоего сына. А тебе, хоть бы хрен по деревне! Стоишь и думаешь, где бы ещё глоточек урвать?! Мало того, они и второго вычислят. И с твоей помощью его в такой же фарш превратят!

— Заткнись!!!

— Игорёк не любит правду?! Игорьку тяжело?! Отчего же?! Добрый дядя профессор скоро похмелит! Ты ему только помогай!

— Ну и дерьмо же ты!

— Такое же, как и ты!

А всё же голосок-то прав. Прав!!! Игорь пытался вызвать в душе бурю негодования, но кроме образа фляжки Ратибора ничего не возникало. Как нужен глоток чего-то успокаивающего! Тогда бы он начал воспринимать происходящее более-менее адекватно. А сейчас, кроме гудящей головы, подступающего к горлу желудка, и ватных конечностей ничего не интересует. Вот такой я! Будьте добры воспринимать, господа из Синклита! Ни я с вами связался!

— Игорь Владимирович, — мерзкий голосок Каплика, — не желаете ознакомиться с результатами вскрытия.

— А нужно? — запах растворимого кофе заполонил всё и беспощадно терзал без того измученный желудок.

— Мне кажется вы должны быть в курсе наших разработок.

— Профессор, выйти можно? — как же он мерзко себя чувствовал, сейчас придётся

разыгрывать спектакль перед этим трескообразным субъектом. Требовать, угрожать и клянчить, ради нескольких глотков отравы. Унижаться! Да, унижаться!!!! Чтобы вернуть себе какое-то подобие работоспособности! Как же ты противен, Красильников! Да, противен, но отравленный организм требует своего, и если этого не получит, то в отместку ответит, тремя, по крайней мере днями полной отключки, сковывающего бессилия и предрасположенностью к суициду. Опыт есть!!! Так что играй, Игорёк! Лицедействуй!!! Выпрашивай глоток Рая!!!!

— Мне нужно выпить! — хоть здесь-то он мог не ходить вокруг да около. — Срочно!

— Игорь Владимирович...

— Или я пью, или пошло всё к чёрту! — хотелось говорить грубо, но на глаза наворачивались слёзы. Господи! Как же хреново! Ещё и эта жуткая вонь!

— Вы уверены, что...

— В себе я уверен! Я сделаю всё, что вы придумали. Но мне нужен допинг!

Рыбьи глаза застыли. Профессор покусывал бледные губы.

— Я знал, что вы больны, но настолько ммммм...

— Хватит мычать! Либо я живу, как прежде, либо... А делайте, вы что хотите!

— Безусловно, вы подвержены глубочайшей форме алкоголизма, на фоне нервных расстройств, но... э-э-э-э-э...

— Пошёл к чёрту! — ещё немного и Игорь готов был перегрызть глотку этому уроду. — Или дай выпить, или веди меня обратно!

— Конечно, ммммм... вышестоящим руководством эээээ... предусмотрены... ммммм... , — с убивающей медлительность Каплик залез во внутренний карман и вытащил пластиковую бутылочку. — Медицинский спирт. Сто грамм. Ваша ммммм... порция до вечера. Однако же...

— Иди к чёрту! — Игорь вырвал пластик, свернул пробку, задержал выдох и глотнул. Наконец-то! — Теперь можно и поработать!

* * *

Пока гении в халатах цвета гусениц жонглировали внутренностями парня, Каплик пытался что-то втолковать Красильникову. Игорь не то, что слушал профессора вполуха, он просто перестал воспринимать его голос. Однако тот всё равно трепался и при этом успевал перекинуться словечком — другим со стервятниками. Работники же скальпеля с противным звуком принялись пилить череп.

Спирт уже не жёг внутренности и горло, он становился частью Красильникова — сперва его организма, а потом уже и сознания. Игорь почувствовал приступ сентиментальности — один из признаков подступающего опьянения. Как часто он ночи напролёт, сидя у телевизора (запой, как правило вызывали бессонницу) и, поправляя состояние из пластиковой бутылки пива, вдруг чувствовал, как едва сдерживает слёзы при очередной сцене из следующих один за другим фильмов. Состояние препоганейшее! С тоской вспоминались времена, когда он мог позволить себе быть циничным филантропом. Ностальгия вызывала ещё больший приступ плаксивости. Жуть! Правда, до сегодняшнего дня, капитан позволял такие приступы себе лишь в гордом одиночестве, оставаясь для окружающих прежним (изрядно потрёпанным, если уж не кривить душой) Красильниковым,

сейчас же ситуация выходила из-под контроля. Не хватало ещё зашмыгать носом перед этими мясниками.

И тут Игорь неожиданно (вот что значит привычка!) выкинул нечто, за что его не любили в отделе. Он жестом попросил Каплика замолчать, прокашлялся, подумал немного и закурил. Предупреждая протесты, капитан шагнул к столу.

— Ну и халтура, мать вашу! — Красильников выпустил струю дыма прямо в лицо опалевшим патологоанатомам. — Вас, козлов, и на пушечный выстрел нельзя подпускать сюда!

— Игорь Владимирович... , — проблеял Каплик.

— Я тридцать с лишним лет Игорь Владимирович! Что с этого? Почему не ведётся запись о порядке вскрытия?! Диктофон купить жаба душит?! Возьмите амбарную книгу! Заведите специального человека! Для записей! Профессор я удивлён! Возмущён! К тому же кто сказал, что произошло самоубийство?! На суицид любой глухарь списать можно! Где протокол осмотра места происшествия?!

С минуту Игорь наслаждался заключительной сценой из «Ревизора». Не знавшие об особенно-стях его характера потрошители окаменели. Да и Каплик мало чем отличался от идола острова Пасхи. Позже грянула буря, но капитан плевать на неё хотел. Он полностью рассчитался за то, что его сюда притащили.

— Игорь Владимирович! — разгневанный Каплик не орал, а громко, очень громко шипел. Игорь очень удивился подобному таланту профессора и тут же дал себе слово почаще доводить оного.

— Избавьте нас от пьяных выходок! И прекратите курить!

Он схватил Красильникова за локоть и вытолкал за дверь.

— Ждите здесь! И не вздумайте уйти! Охрана стреляет без предупреждения!

Игорь, при всём его презрении к собственному брэнному существованию, пока не собирався, кидаться под поезд, пить мышьяк или совать пальцы в розетку. Профессор мог бы и не напоминать об опасности самостоятельных прогулок по коридорам. Одного взгляда на терминаторов было достаточно, чтобы понять — эти ребята мыслительными процессами неотягощены. Пальнут за милую душу. Без всякой дстоевщины.

Предаваясь злорадству, Красильников затушил сигарету о стену, бросил окурок посреди коридора.

— Чёрт, надо было кошку на стене нарисовать. Как в кино. Да, наш человек задним умом крепок. Ладно, в следующий раз.

То насвистывая, то напевая что-то маловразумительное собственного сочинения, капитан прошёлся туда-сюда. Впрочем далеко не отходил. Не столько много выпил, чтобы под пулю лезть. Руки чесались сделать какую-нибудь гадость. Как назло абсолютно пустые стены сводили эту затею на нет.

Возникла идея покататься на движущейся дорожке, однако отсутствие карты (забыл в комнате) и всё те же охранники похоронили и это развлечение.

К счастью, через минуту из лаборатории выскочил Каплик. Игорь приготовился получить эстетическое наслаждение, слушая вторую часть концерта для шипящего профессора без скрипки и был жестоко разочарован. Каплик совершил невозможное — раздвинул губы-ниточки в широкой и, что самое удивительное, искренней улыбке. Даже в глубине водянистых глаз что-то радостно трепыхалось. Сей факт настораживал и даже пугал. Вещи радующие типов, навроде профессора, обычно не сулят ничего хорошего прочим.

Какой-то особой шаркающее-вихляющей походкой (наверное, тоже признак радости и чувства глубокого удовлетворения) Каплик приблизился к Игорю. И... Господи, только этого не хватало, по-приятельски похлопал по плечу.

— Ваше родство установлено мmmm... на 93 %! Ээээээ... с первенцем вас! Ммммм... жаль, что ээээээ... мертворожденным.

Красильников оцепенел.

— Вы зачислены в штат мmmm... окончательно. На ставку ээээээ... младшего научного сотрудни-ка. Но ваши задачи, конечно мmmm... будут...

Ступор проходил. Кровь закипала, подступала к голове, стучала в висках, падала багровой пеленой перед глазами. Руки сами легли на плечи гения науки, тряханули так, что раздался лязг зубов, а жидкие волосёнки, нарушив проборчик упали на уши. Игорь прижал Каплика к стене.

— Крысёныш, — прорычал капитан. — Жаба! Я тебе сейчас глотку перегрызу!

Каплик зажмурился и жалобно поскуливал. Взвыла сирена. Сквозь стук в ушах Игорь услышал шаги охраны. Укол в шею, знакомый по давней встрече у ларька. Темнота...

* * *

— Капитан, ты — цунами! Чёртово пьяное цунами! — как же не хотелось приходить в себя, но знакомый голос не оставлял альтернатив.

— Почему цунами? — просипел Игорь, не разжимая век.

— Очухался? — у этого человека какое-то странное имя... Минутку. Рат? Точно Рат. — Потому что, невозможно предсказать, как ты поведёшь себя через секунду! Какой фокус выкинешь!

— Я такой, — в голове полный туман. Что он натворил? Опять напился? В памяти какие-то смутные образы и события. Точно напился. И крепко, судя по состоянию организма и гневу говорящего.

— Род Всемогущий! Он шутит! Он ещё и шутит! Какого дьявола ты напал на Каплика?

— Я? На Каплика? — туман сгинул, как от хорошего порыва ветра. Красильников резко поднялся, глаза открылись сами собой.

Он находился в своей комнате. У стола сидел Ратибор. Голова кружилась. Подташнивало. Но это отнюдь не похмелье. Ублюдки в коридоре засадили в него лошадиную дозу какой-то гадости.

Игорь откинул одеяло. Опустил ноги с кровати. Встать пока не решился. Чёрные мухи и без того устроили перед глазами какой-то невообразимый балет, а желудок прочно засел в горле.

— Ты знаешь, капитан, — Ратибор прикурил новую сигарету от только что выкуренной, — ещё одна доза этого «витаминчика» и ты превратишься в живой овощ. Существо без воли и сознания. Ты этого добиваешься?

Красильников смотрел на всадника исподлобья.

— Ну, и что ты зыркаешь, капитан? Что зыркаешь? Ты, вообще, понимаешь куда попал? Какие игры здесь ведутся? Курить будешь?

— Это не игры, — слова царапали иссушенное горло. Капитан попытался сползти на пол.

— Сиди, — Рат принёс зажжённую сигарету. Красильников взял, но затягиваться не спешил.

— Пить дай.

— Что же придётся сиделкой поработать, коли Боги такого напарника подкинули, — от стола всадник вернулся с большим пакетом сока. — Пей, дебошир.

Хороший глоток из пакета позволил сделать затяжку. Голова закружилась ещё сильнее. Сколько же он не курил?

Ратибор присел рядом.

— Игорь, что на тебя нашло? Каплик вне себя. От злости, а ещё больше от страха. Они до сих пор не решат, как теперь с тобой поступить.

Красильников молча курил. Он и сам не понимал, что на него нашло. Всё происходившее, даже лаборатория, казались, нет, не выдумкой и не бредом, в реальности-то он давно убедился, но всё это, как бы не имело отношения лично к нему, к капитану Красильникову. Ну, брали у него лет пятнадцать назад какие-то образцы. Ну, использовали для непонятных экспериментов. Ну, довели до самоубийства какого-то парня. Ну, распотрошили труп. Противно, мерзко, но ему-то, Игорю Красильникову какое дело? Его вырвали из привычной жизни и втянули непонятную игру. Только умойтесь, господа! Играть с вами никто не собирается. Он со стороны посмотрит. Урвёт, когда получится глоточек-другой. Подденет кого-нибудь позаковыристей. Он и Рату-то согласился помогать не из-за заботы о судьбах мира или даже целой Вселенной. Хотелось досадить похитителям. И тут...

Поначалу слова Каплика о дурацких процентах и его плоские шутки Игорь пропустил мимо ушей. И только, когда профессор начал болтать о должностях и задачах, до Красильникова дошло — там на столе лежит ребёнок! Да необычный и по виду, и по рождению. Но всего лишь ребёнок! Мало того этот ребёнок — часть его, Игоря Красильникова. Мало ли как он появился на свет, мало ли какая, невидимая, наверное и в микроскоп, частичка Красильникова способствовала его появлению. Но возможно, если бы не он, Красильников, этому парню не суждено было бы родиться...

Игорь представил, как доведённый до отчаяния изуверскими экспериментами, перепуганный мальчишка грызёт собственные вены. Как потом два ублюдка со скальпелями, прихлёбывая кофе (на кружках у них, наверное имена выведены, такие ублюдки стремятся везде своё имечко нацарапать!) глумятся над телом. А сколько парнишка пережил до этого! А ужас парня, когда Мишин с амбалом, хватают его посреди улицы и везут неизвестно куда!

И всё это время он, Красильников вместо того, чтобы защищать и поддерживать пил горькую и доводил напарника!

Игорь уже не отдавал себе отчёт в том, что не мог быть рядом по простой причине — он ничего не знал ни о давнем эксперименте, ни о его последствиях.

Тогда в мозгу капитана что-то щёлкнуло. Остального он не помнил.

— Это не игра, — Игорь смотрел в пол. — Это преступление. Парень был моим... Имел ко мне отношение.

— Род всемогущий! — Ратибор подскочил, снова сел. — Ты с ума сошёл капитан?! Этот парень был, вообще, ничем. Понимаешь? Ничем. Его собрали из пяти-шести доноров. В том числе и из волков. Он мозаика! Понимаешь? Искусственное существо, которых в природе, вообще, быть не должно!

Очень хотелось разозлиться, но где взять силы. Усталость, невероятна усталость.

— Но он же был.

— Вот мы с тобой и должны... Род всемогущий, вы посмотрите на него! Скорбящий отец! Игорь, это не человек, и даже не оборотень. Это недоразумение.

— Интересно, Платонова так же думала бы.

— По крайней мере не наломала бы дров, как ты... Подожди, кто-то на связь вышел.

Ратибор застыл посреди комнаты, кивая в такт словам невидимого собеседника.

— Ждём, — он повернулся к Красильникову. — У нас проблемы, капитан очень большие пробле-мы.

* * *

— Так, Игорь, мы в заднице — Рат прошёлся из угла в угол, взял пластмассовый стул, поставил напротив Красильникова, ещё раз прошёлся, сел. — Капитан, ты на минуту можешь успокоить внезапно проснувшиеся отцовские чувства, и выслушать меня? Всего лишь минуту.

Игорь посмотрел ему в глаза. Кивнул.

— Уже радуется, — всадник приложился к фляжке с редким мёдом. — Будешь? — Красильников машинально глотнул. Не почувствовал ни запаха, ни вкуса, ни, что странно — хмеля. — Капитан, не хотел тебя огорчать — но ты всего лишь донор, а по сему, наши знакомые, в виду твоей агрессивности, решили ввести тебе ещё одну дозу.

Игорь криво усмехнулся.

— Проклятие! — Ратибор откинулся на спинку стула и чуть было не рухнул на пол вместе с чересчур лёгким предметом мебели. — Ты что не понял — они лишат тебя и воли, и сознания!

— У меня уже давно нет ни того, ни другого.

— Нашёл время самоедством заниматься. Пойми, они наплодят десятки, сотни таких вот парни-шек, а потом будут кромсать их в лабораториях. И виной тому станешь ты! Только ты этого понимать уже не будешь! Ты, вообще, перестанешь что-либо понимать — кусок плоти поставляющий образцы! И всё потому, что тебе в неподходящий момент приспичило жалеть себя и убиваться по поводу собственного бесполезного существования. Ты слышишь меня или нет?

— Откуда ты знаешь?

— Уж знаю. Поверь.

— И...

— Что «И»?

— Предложения какие?

— Мы будем выводить тебя отсюда.

— Мы?

— Да сейчас сюда придёт человек, якобы для твоего осмотра. На самом деле, она работает на меня.

Красильников не успел задать очередной вопрос, когда в дверь постучали.

Игорь, начавший приходить в себя, после глотка мёда, а главное обрисованных всадником перспектив, вопросительно глянул на оного. Ратибор кивнул и, по-кошачьи, скользнул к двери, набрал комбинацию цифр на коробочке. В комнату вошла женщина. Брюнетка, чуть выше среднего роста и с потрясающей фигурой. Красильников ни за чтобы

ни взялся определить её возраст. Ей могло быть как и двадцать пять, так и все пятьдесят. Впрочем, если её двадцать с хвостиком, то ей впору быть коллегой Веры, а не... Что «не», капитан? Ты знаешь, кто она такая?

— Навьина Марина, местный психиатр, — внёс ясность Рат, — а это, наш знаменитый капитан Красильников.

— Очень приятно, — буркнул Игорь.

— Слишком уж знаменитый, — Навьина даже не посмотрела в его сторону. — Из-за него наверху целая война. — Шкаев и Кочуев за работу с нормальным материалом, Каплик и Мишин кричат, что безопасность прежде всего. Теперь слово за мной и за вами, господин проверяющий.

— Я решил вывести Игоря отсюда.

Марина смотрела на всадника, как на внезапно спятившего. Казалось, её палец, вот-вот подни-мется к виску, чтобы жестом показать состояние Ратибора. Красильников ей посочувствовал — оказаться в одной комнате с двумя сумасшедшими... Чересчур, даже для психиатра. И ещё одно, капитан не мог отделаться от мысли, что лицо Навьиной ему знакомо. Эдакое портретное дежавю.

— Успокойся, Марина, — Рат указал ей на стул, — Игорь наш человек.

— Наш человек! — психиатр присела, скорее машинально, а вовсе не потому, что ей это предложили. — Ты с ума сошёл! Это же хронический алкоголик! Я ещё удивляюсь, как он тебя не выдал спяну. Хотя, ему более важное дело подвернулось. Профессора придушить. Рат, я тебя не понимаю. Если бы ты знал ещё и последние новости... Я ничего не понимаю.

— Какие новости?

— Эй, — подал голос Красильников, — вы, по-моему, в моей комнате. Или мне выйти?

Ратибор пропустил реплику мимо ушей. Конечно, какое дело спасителю Вселенной до обиды какого-то там капитана. Зато психиатр Марина посмотрела на Игоря, как на внезапно, а главное несвоевременно оживший предмет мебели. Красильникова осенило. Человек может полностью изменить лицо. Сделать новый нос, губы, подбородок. Изменить цвет глаз и волос, но взгляд... От него никуда не денешься!

— Не нравлюсь я вам, товарищ Платонова? — ухмыльнулся капитан. — Жаль, очень жаль. У нас ведь, вроде как общие дети.

Если Рат и удивился, то он очень умело скрыл это чувство, разоблачённая Платонова прореа-гировала иначе. Несколько секунд она сверлила Игоря тем самым, запомнившимся ему по фото взглядом, а затем обратилась к всаднику:

— Я с самого начала утверждала, что он опасен. Нам не остаётся вариантов.

— Я и говорю — капитана надо выводить.

— А я отдаю предпочтение другому варианту.

— Откуда такая кровожадность у женщины?

— Женщина защищает своего ребёнка и не намерена тратить время на спасение алкаша.

Лишь более менее трезвое состояние помешало Красильникову вклиниться в разговор и выдать замаскированной майорше всё, что о ней думает. А может быть и больше.

— Товарищ Платонова, я не просил вовлекать меня в ваши чёртовы эксперименты ни тогда, ни сейчас. Это, во-первых. В вашей помощи я нуждаюсь ни больше, чем в троне китайского императора. А он, поверьте, мне абсолютно не нужен. Это, во-вторых. А в-третьих...

— В-третьих, я бы на вашем месте помолчала.

— Помалкивайте на своём, — Игорь даже почувствовал какое-то извращённое удовольствие. Со времён развода он не участвовал в подобных перепалках. Оказывается в них есть особая прелесть.

— Аут! — хлопнул в ладоши Ратибор. — Варианты не обсуждаются. Кстати, Игорь, как ты узнал Людмилу?

— Я сыскарь, а не спаситель Вселенной, — буркнул Красильников. — К тому же стерве какую маску не нацепи, она стервой так и останется.

Платонова открыла рот для достойного ответа, но всадник оказался проворнее.

— Хватит ругани! Нужно составить план.

— Не нужно никакого плана. Этот, — она кивнула в сторону Красильникова, — теперь на вторых ролях. Они вышли на след Фреки и кажется, нашли способ поймать его.

— Не может быть! — Ратибор даже подскочил на стуле.

Людмила вздохнула.

— Кочуев — мастер своего дела.

— Но его прошлый план не сработал.

— Теперь он уверен на все сто.

— Подробности.

— Инструктаж начнётся за час до начала операции.

— Господа-товарищи, — Игорь уже не обижался и не сердился — он просто скучал, — мне, конечно, приятно, что в моей комнате устроен штаб заговорщиков, но всё-таки за нами следят. Вы не забыли?

— Микрофон выдаёт, то что нам надо, — отмахнулся Рат, — а на мониторах они видят запись нашего с тобой вчерашнего разговора. У меня свой человек в системе видеонаблюдения.

Красильников, не находя повода для продолжения разговора, уселся на койку и закурил.

Ещё три или четыре сигареты отправились в пепельницу прежде чем совещание в верхах (Игорь так окрестил про себя развернувшуюся у стола дискуссию) закончилось.

— Итак, капитан, — Ратибор если и не сиял от счастья, то весьма напоминал кота, добравшегося до хозяйских запасов сметаны, — одним выстрелом мы убиваем двух зайцев...

Игорь с трудом поборол искушение напомнить всаднику известную пословицу всё про тех же зайцев.

— ... мы выводим отсюда тебя, — продолжал всадник, — все вместе выручаем волчонка и уходим в безопасное место.

— Всего-то! — Красильников широко улыбнулся. — А полковник Мишин со своими полканами, тем временем засунет руки в карманы и, почёсывая кое-что, мирно за нами наблюдает. Или он тоже твой человек?

— Капитан, а вы не могли бы попридержать свой идиотский сарказм? — Платонова либо дейст-вительно возненавидела Игоря с первого взгляда, либо тоже получала удовольствие от перепалок.

— Я совершенно серьёзен, — Красильников понимал цену каждой секунды, а потому воздержался от продолжения конфликта. — Просто я хочу знать три вещи. Первое — как я отсюда выберусь? Второе — как мы спасём оборотня? Третье — почему я должен его спасать, а не уничтожать? Он — убийца.

— Убийца? — Людмила и Ратибор переглянулись.

— Ну, если для вас шесть распотрошённых девушек детская забава, то он редкий шалун.

Или вы ничего не знали про убийства?

— Подожди, капитан, — Рат тёр виски. — Почему ты решил, что девушки — работа оборотня?

— Ваши приятели подсказали.

— Подонки! — взорвалась Людмила. — Грязные подонки!

— Послушай, Игорь, — всадник продолжал тереть висок, словно его мучила головная боль. — Это, конечно моё упущение, но лучше поздно, чем никогда. Ты плохо знаешь ребят из конторы. Они не врут, но очень умело жонглируют фактами. Оборотень выслеживал девушек, следовал за ними, но ни одну не убил. Он разорял курятники, драл собак, но напасть на человека никогда бы не решился. Он просто-напросто искал Людмилу, а те девушки в его глазах имели с ней какое-то сходство. Как только он убеждался в ошибке, сразу же прекращал преследование.

— А откуда же трупы брались? — Красильников уже ничего не понимал. — С неба падали? Или сами себя потрошили? Из-за неразделённой любви и тяжкой женской доли? Чего-то ты, братец мудришь!

— То, что я сейчас скажу звучит дико, но это правда. Произошедшее часть плана Кочуева.

— Что?!

— В конторе сперва решили, что оборотень охотится на Людмилу и на схожих с ней женщин. Кочуев предложил вторгнуться на охотничью территорию зверя и спровоцировать его.

Капитана прошиб холодный пот.

— Ты хочешь сказать...

— В конторе есть небольшие отряды человека три-четыре, приспособленные для подобного рода заданий.

— А почему так жестоко? Зачем потрошить?

— Специфика личного состава. Ты знаешь, капитан, не все серийные убийцы отбывают пожизненные сроки. Кое-кто, из наиболее вменяемых, работает на контору. Их строжайше контролируют, содержат под охраной, но на подобного рода заданиях они отрываются по полной. Всё это, конечно, неофициально и в это посвящён очень узкий круг людей.

Игорь смотрел то на Платонову, то на Рата и глупо улыбался. Проклятие! Сперва его убеждают в существовании оборотней, далее он узнаёт о кровном родстве с монстрами — один из которых, кстати, главный подозреваемый. Теперь же ему так, между делом, сообщают, что зверочеловек ни при чём, а серию жестоких убийств провёл отряд службы безопасности страны. С очень даже благой целью — поймать оборотня и затащить в лабораторию для научных исследований. И всё это за каких-то два дня. Да тут человек с психикой и покрепче запросто окажется в комнатке, где стены и пол обиты подушками.

Взгляд Красильникова, наконец, ухватился за точку посередине противоположенной стены, и капитан разразился истерическим смехом.

Он не знал сколько пощёчин ему отвесил Ратибор, не помнил, как Людмила вгоняла шприц с успокоительным в его дёргающуюся от смеха руку.

Игорь очнулся на койке. За столом сидела Платонова. Всадник куда-то ушёл. Глаза слезились. Болело всё: челюсти, грудная клетка, мышцы живота.

— Что со мной было?

— Тяжёлая форма истерики, — будничным тоном сообщила Людмила. — Проще говоря, вы чуть не задохнулись от смеха. Слабые у вас нервишки, капитан.

— Какие есть, — буркнул Красильников. — Глотнуть бы чего.

— Соку хотите?

— К чёрту сок! Мне в норму прийти надо.

— Капитан, неужели вы совершенно не можете обходиться без спиртного.

— Могу, но не хочу.

— Тогда терпите — у меня ничего такого нет.

— Что же это за врач, у которого спирта при себе нет, — ворчал Игорь, сползая с койки. — А курево-то хоть осталось.

Платонова подошла к тумбочке и достала две пачки сигарет.

— Травитесь.

Игорь закурил. Дым царапнул по горлу. Да, похохотал от души.

— А что, доктор, от смеха действительно загнуться можно?

Людмила кивнула. Агрессивность почему-то пропала, она выглядела уставшей. Красильников даже заробел.

— А где спаситель Вселенной? — неловко сострил он.

— Готовит ваш побег.

— Всё что он говорил, правда?

Платонова пожала плечами.

— Хотите, верьте ему. Хотите — Каплику и Мишину. Вас никто ни к чему не принуждает.

Экс-майорша похоже впала в состояние лёгкой летаргии. Игорю это не особо понравилось.

— А с вами что случилось?

Платонова вопросительно глянула на Игоря.

— Какая-то вы не живая, — пояснил Красильников, — даже не верится, что недавно с вами ругался.

— А вам так нравится ругаться?

Капитан пожал плечами.

— Устала я просто, — пояснила Людмила. — Сперва десять лет ребят на себе тащила... Помните, каково было после развала Союза? Потом превращения начались, к тому же этот проклятый проект заново открыли, будь он неладен. Постоянные переезды, конспирация, перемена внешности. Хорошо ещё Рат помогал.

— Он тоже из конторы?

— Понятия не имею. По-моему нет.

— Думаете он в самом деле работает на какой-то Синклит. Верится с трудом.

— Я бывала там пару раз. Вместе с ним.

— Опа! И где это находится? На что похоже?

— Это сложно объяснить. Всё как-то нереально. Длиннобородые старцы, причудливые одежды, споры о магии, Мирах составляющих Вселенную. Прямо «Властелин Колец» какой-то. Вы меня понимаете, капитан?

Игорь кивнул. Он пару раз брал в видеопрокате экранизацию знаменитой эпопеи, но ни разу не досмотрел до конца. Как правило, верх брало пиво и последняя часть фильма оставалась в памяти Красильникова чередой бессвязных картинок.

— Кстати, — добавила Людмила, — вы, наверное, тоже скоро попадёте на Синклит. Вас нельзя оставлять в этом мире.

— Чёрт! Если бы мне пару дней назад кто-то сказал, что я попаду в секретный проект, потом окажусь родителем оборотней и, наконец, отправлюсь на тусовку чародеев, чтобы подыскать себе подходящий мирок для политического убежища... Я бы того кренделя отправил в психушку. Под усиленной охраной.

— Вы зря смеётесь, капитан. В жизни и не такое случается. Кое-что вы себе и представить не можете.

— Какой тут к чёрту смех! Меня, кстати, Игорь зовут, если не помните. И может, перейдём на «ты»?

Платонова улыбнулась.

— Это попытка завязать отношения... , Игорь?

Красильников поперхнулся дымом. Людмила не походила на тех, кого выставляют за дверь утром, а потом забывают навсегда. К тому же он чувствовал к ней симпатию и преподносить «подарочек», вроде себя — любимого, казалось настоящим свинством.

— Какие к чёрту отношения, — от неожиданного предположения экс-майорши даже накатило какое-то подростковое смущение. Мне просто та удобнее.

— Ясно. А я уж подумала — сейчас предложишь выпить сока на брудершафт, поцелуи и всё такое.

— Я похож на коварного соблазнителя?

— Ты похож сам на себя. На непредсказуемого, импульсивного человека. Поверь мне, как психиатру — подобные тебе сами не знают, что сделают в следующую секунду. В этом Фреки чем-то похож на тебя.

На несколько секунд воцарилась тишина. Красильников искал выход из тупика, куда его подтолкнул неожиданный вопрос Платоновой. Экс-майорша похоже снова погрузилась в собственные, невесёлые мысли.

— Люд, это самое, — выдавил наконец Игорь, — а какие они?

— Кто?

— Ну, ... ребята.

— Фреки и Гери?

Игорь покачал головой. Проклятие — здесь собрались не только любители сомнительных экспериментов, но и мастера по придумыванию дурацких имён.

— Так звали волков Одина, — пояснила Платонова. — Я увлекаюсь скандинавской мифологией.

— Самые подходящие имена для маскировки, — усмехнулся Красильников. — Ну, никто на них не обратит внимания.

— Ты зря сеёшься. Друзья по отделу сделали мне документы вдовы офицера Рижского ОМОНа, и необычные имена мальчиков уже ни у кого не вызывали вопросов.

— Хм, мудрёно. А зачем ты вообще в проект влезла? Из идейных соображений?

— Приключений захотелось. Мне же тогда только двадцать три было. Да и кто знал, что Союз развалится.

— Сколько тебе было?! — Игорь подумал, что ослышался. — Сколько?!

— Сколько слышал. Ты из-за звания напрягся? Просто в конторе у меня был очень влиятельный покровитель. Просто голову от меня потерял. Ну, сам понимаешь — семью он бросить не мог, поэтому всячески помогал в карьере.

— Всегда говорил, что бабам легче живётся! — капитан даже сплюнул от досады. — Тут каждый день грозятся звёздочку снять, а она глазёнками стрельнула, и майор в двадцать три года. Красота!

— Какой же ты идиот! — вспыхнула Людмила. — Ты знаешь кем я была, пока меня не заметили?! Стукачкой в «Интуристе»! А знаешь каково десять лет с двумя детьми по всей стране мотаться?! Прятаться! Ждать каждую секунду, что придут и отберут их! А ты представляешь, сколько я натерпелась, когда начались превращения?! Звёздочки у него снимают! Пить надо меньше! Идиот!

Платонова глотнула сока и отвернулась. Игорь проклинал себя за дурацкую привычку сперва ляпнуть что-нибудь, а потом уже думать. Скольких он уже так обидел. Со сколькими поругался. Хочешь, не хочешь, но Красильникову предстояло сделать то, что он ненавидел больше всего — сперва признать себя неправым, а потом извиниться. Чёрт, хотя бы один глоточек чего-либо бодрящего! Всё легче будет.

За отсутствием спиртного, капитан прикончил остатки сока. Закурил. Встал со стула. Снова сел. Опять встал. Потоптался у края стола. Почесал щетину. Прокашлялся.

— Люд, ты, это самое, — наверное, чемпион мира по тяжёлой атлетике прилагал меньше сил, чем, тратил сейчас Игорь, — извини. Ляпнул не подумавши...

— Пошёл к чёрту! — Платонова даже не глянула на него.

Нет, с кем-нибудь другим, Красильников бы без труда замял инцидент и обратил всё в шутку. Перед Людмилой же, он отчего-то испытывал непонятную робость. Капитан переступил с ноги на ногу. В голову ничего не приходило. Он опустил на стул. Минут на пять воцарилась тишина.

Платонова всё-таки соизволила глянуть на капитана и неожиданно рассмеялась.

— Видел бы ты себя сейчас! — осторожно, чтобы не размазать тушь, она вытерла проступившие слёзы. — Прямо наказанный ребёнок! Того и гляди — разревёшься.

Игорь виновато улыбнулся. Кажется, гроза миновала.

— Ладно, капитан, — Людмила убедилась в невредимости макияжа и спрятала в аптечку миниа-тюрное зеркальце, — сейчас не до обид. Но учти ещё одна пошлая шутка, и пеняй на себя.

— Клянусь — в мыслях Игорь облегчённо выдохнул. — Я только слушаю и вопросы задаю по существу.

* * *

В принципе, если забыть, что пятнадцатилетние подростки выглядели вполне сформировавшимися (по крайней мере физически) мужчинами и обладали способностью обращаться в волков, рассказ Людмилы мало отличался от историй миллионов любящих мамаш. Игорь узнал и о первых шагах, первых словах, детских болезнях, синяках и шишках, о начале учёбы. Вообще, за тот период возникали проблемы лишь бытового характера, впрочем, как и у большинства россиян, закинутых в лоно «демократии» кучкой проходимцев.

По настоящему стало трудно, когда после десяти лет у мальчиков начались превращения. Они стремительно выросли и к одиннадцати годам значительно перегнали сверстников и в росте, и в телосложении. Мало того, ликантропия изменила их характер. Гери, побаивался обретенного дара, старался сдерживать себя и беспрекословно выполнял требования матери. Фреки вёл себя иначе. Он почувствовал силу. Он ни кому не спускал не то что обидного слова, но и вызывающего (по его мнению) взгляда. Жалобы от учителей и родителей сыпались одна за другой. Он то и дело отпрашивался в лес, и Людмила догадывалась, что там её сын не просто любит природу. Подозрения имели под собой почву, потому как, в городке всё чаще поговаривали сперва о крупной собаке, а потом и о волке (коих здесь перебили ещё позапрошлом веке), нападавшем на городских шавок. Платонова наложила запрет на лесные прогулки. Фреки с удивительной лёгкостью согласился. Но однажды Людмила увидела, как он посреди ночи выпрыгивает из окна (квартира на четвёртом этаже!) и не, разгибаясь, помогая себе руками, с бешеной скоростью несётся в сторону леса. Пора было думать о переезде.

Она уже подыскивала покупателей для квартиры и вычисляла новое место жительства (глухую заброшенную деревеньку), когда объявился Рат.

— И ты ему вот так, с хода поверила?

— Но ты ведь тоже поверил.

— А у меня был выход?

— А у меня? К тому же, в нём есть что-то такое... не знаю... Что-то, что заставляет верить.

— Да ладно, он тебе просто понравился.

— Капитан!!!!

— Молчу, молчу.

— К тому же, как в плохой мелодраме он принёс две вести. Хорошую и плохую. Хорошая заключалась в том, что представляемая им независимая организация берётся всячески помогать нашей семье. Плохой же новостью было, что проект возобновлён и нас разыскивает не только контора, но и иностранные разведки. Я была в панике.

Рат укрыв мальчиков где-то у своих людей. Мне сделали пластическую операцию, и когда я вышла из клиники он дал билеты до места, где мы должны были остановиться. Кроме того я получила порошки замедляющие развитие ликантропии. Он назвал дату следующей встречи и исчез так же, как и появился. Если бы я знала, что Фреки каждый раз высыпает лекарство в раковину!

Да, Ратибор в полной мере владел искусством укрываться и прятаться. Семья Платоновой оказалась в посёлке, который крайне придирчивый сыщик смог бы отыскать лишь на самой подробной карте района. Средств оставленных всадником вполне хватало на безбедное существование. Впрочем и тратить деньги здесь особо и не приходилось. В начале двадцать первого века этот небольшой населённый пункт перешел на натуральное хозяйство.

Чтобы не привлекать внимания, Людмила устроилась в ещё агонизирующую с советских времён библиотеку и получила неплохую зарплату — ведро картошки на месяц. Мальчики записались в ещё открытую в соседнем селе школу.

Фреки поклялся не затевать конфликтов. Впрочем, клятва была формальностью. Пьяная лихость местных парубков (тех, кому не повезло зацепиться в городе) при встрече со странным подростком куда-то улетучивалась и они, поругиваясь шёпотом, опустив глаза, обходили парня стороной.

Тихий Гери беспокоил мать не меньше. Очень уж странно складывались взаимоотношения между братьями. Они почти не общались, но при неизбежных встречах, Гери весь как-то сжимался и разве что не поскуливал заискивающе, помахивая воображаемым (в человеческом облике) хвостом. Похоже, он полностью признал авторитет вожака. Нормальная доселе семья всё больше походила на волчью стаю.

Они вполне бы дотянули до указанного Ратом срока, если бы Фреки не игнорировал (естественно тайком от матери) приём порошка. Зов волчьей крови звучал всё громче и громче. Иногда парень исчезал из дома на несколько дней. Он быстро покончил с главным волчьим врагом — бродячими псами. Пытался охотиться в окрестных лесах, однако для него выросшего пусть и в небольшом, но всё же городе, это оказалось непростой задачей. Тогда пришёл черёд домашней живности в окрестных деревнях. Проснувшийся и набирающий силу зверь требовал охоты, преследования и крови жертв.

После очередного разорённого курятника, местные «следопыты» и «зверобои» на время отставили в сторону бутылки с самогоном, пару дней отпаивались рассолом, а потом расчехлили допотопные берданки. Серому убийце кур, кроликов, собак и коз объявили джихад.

Несколько месяцев они до неприличия трезвые, а потому злые, бродили по лесам, устраивали облавы и сидели в засадах. Зверь словно смеялся над ними. Он был неуловим.

Тысячелетний опыт серых предков научил Фреки бояться людей и держаться от них как можно дальше. Здравомыслящий волк никогда не явится перед человеком, а тем более не нападёт первым. Двухногие подобного не прощают. Звериная хитрость и опыт жизни среди людей позволяли парню легко уходить от горе-охотников и, шутя водить их за нос. Порой он на почтительном расстоянии часами следовал за группой, якобы идущей по его следу и удивлялся — почему Гери так дорожит связью с этим никчемными, суетливыми и трусливыми двухногими существами?

Людмила понимала — подобная игра когда-нибудь закончится плачевно, но ничего не могла поделать. Фреки, молча выслушивал упрёки, не реагировал на просьбы и слёзы, с улыбкой принимал угрозы, а потом исчезал на несколько дней. Если мальчик ещё и нуждался в её заботе и опеке, то живущий в нём зверь стал почти взрослым и мечтал о свободе.

Каждый новый день приносил новые неприятности. В соседнем селе (местном очаге цивилизации) появились дорогие машины. Из них выходили люди, говорили с прохожими, задавали вопросы. Людмила без труда узнала бывших коллег. Сплести все ниточки воедино, добраться до посёлка, а значит и до её семьи для них было делом времени. Очень недолгого времени.

Женщина запаниковала. Нет ничего ужаснее видеть опасность и знать, что ты ничего не можешь сделать.

Рат, как и в прошлый раз, появился вовремя. Он знаком оборвал Платонову, заговорившую о своих опасениях.

— Я всё знаю. Тебя ждут на Синклите.

* * *

Людмила вздохнула и потянулась к пакету с соком. Встряхнула. Красильников виновато

улыб-нулся.

— Игорь, ты никогда на сахар не проверялся? — пустой пакет вернулся на стол.

— Чего?

— Жидкости много потребляешь — признак диабета.

Капитан отмахнулся:

— Один чёрт два раза не сдохну. Может водички?

— Из-под крана?

— Естественно.

— Спасибо, я не самоубийца. Лучше потерплю.

* * *

Платонова продолжила рассказ:

— Я и охнуть не успела, а он уже выложил план действий. Мы отправляемся на Синклит, а мальчиков он рассылет в разные концы страны. В сопровождении своих людей. Возражения, как ты понимаешь не принимались. Нет, я пыталась что-то сказать, но Рат в двух словах изложил сложившуюся ситуацию, и я сдалась.

Синклит помню смутно. Единственное чёткое воспоминание — мальчиков надо срочно вытаски-вать из нашего Мира. Остальное — как во сне. Мы с Ратом вернулись, чтобы выполнить решение Синклита и тут нас ждали ужасные известия...

Конечно, Ратибор был хорошим стратегом, но в конторе тоже работали не дураки. Гери в сопровождении агента Синклита перехватили у самого Владивостока. Всё случилось настолько неожиданно, что сопровождающий даже не сопротивлялся.

В Калининграде же встречающих комитетчиков ожидало пустое купе. Фреки умудрился сбежать по дороге, и человеку Ратибора не оставалось ничего другого, как последовать за юным оборотнем.

— Рат приложил все усилия, чтобы попасть сюда. К сожалению мы опоздали, — закончила Людми-ла.

— Что ты почувствовала, когда... ну, узнала...

— О смерти Гери? Я прежде всего мать, Игорь. Кем бы они не были, что бы о них не говори-ли — они прежде всего мои дети. И станут ими навсегда...

Людмила всхлипнула. Достала носовой платок и промокнула глаза. Улыбнулась сквозь слёзы. Только теперь Красильников понял — из какого же по прочности материала создана эта женщина. Пошли всего сутки, как она пережила величайшую для любой матери трагедию, однако держит себя в руках и не теряет головы. Сам капитан в подобной ситуации скорее всего ушёл бы в длительный запой.

— С другой стороны — я уверена, что ему сейчас намного лучше. Ни он, ни его брат не должны были появляться на свет. Этот эксперимент — чистой воды авантюра! Нет — преступление! Страшное преступление! Настоящие оборотни не выжили здесь, в Европе, а значит, нам — людям не дано вернуть, тех, кого отторгла сама природа. Поверь, капитан, она жестоко мстит за насилие над собой. Я, к сожалению, поняла это слишком поздно...

Игорь хотел было напомнить, что Россия не целиком, европейская держава, однако, глянув на Платонову решил блеснуть знаниями географии в следующий раз. Да и какое ему, собственно, дело до всех этих игр. Главное сейчас слинять отсюда, добраться до

ближайшего ларька и покончить с нездоровой трезвостью. Проклятье! В кармане ни копейки! Ладно, это проблема второстепенная. Главное — убежать с переоборудованной фабрики, где творится чёрт знает что!

Сегодня — грёбаные мичуринцы угробили парня, завтра — примутся за второго (если поймают). А потом? Нет, он, Красильников, очередь, конечно, не занимал, но разве полоумные «покорители природы» его спросят.

А ведь чуть было не втянулся в эту авантюру. Чувства какие-то проснулись, сентиментальность. К чёрту! Всех к чёрту! И Ратибора, и Каплика! И Синклит, и контору! И все Миры вместе взятые! Он, Красильников, в герои не записывался. Пусть создают вампиров, оборотней, Дед Морозов и стариков Хоттабычей. Пусть всё рушат, рубят под корень! Пусть всё летит в Преисподнюю! Может хоть тогда исчезнет потребность каждое утро лечить похмелье?!

Конечно Платонова не одобрила бы подобных мыслей, а потому, Игорь приложил все усилия, чтобы внутренний монолог не отразился на лице. Судя по всему, преуспел не особо.

— Что-то случилось, капитан? — Людмила смотрела с интересом. — У тебя странное выражение лица.

— Обычное, — буркнул Красильников.

— А, по-моему, — неизвестно чем бы закончилось дознание бывшей комитетчицы, но тут дверь распахнулась и в комнату шагнул Ратибор.

— Готовы? Выдвигаемся немедленно.

* * *

— Слушай, Рат, — поинтересовался Игорь, протискиваясь в очередной изгиб вентиляционной трубы, — а Сусанин часом на твой Синклит не работал?

— Нет. А что?

— Методы у вас схожие.

Ратибор хмыкнул:

— Успокойся. Всё под контролем...

— Сказала монашка на шестом месяце беременности, — проклятая пыль набилась везде, где только можно. Даже чихать уже не хотелось.

Всадник не выдержал и рассмеялся.

— Тише вы, — прошипела, замыкавшая цепочку Людмила, — не на прогулке.

У Игоря тут же созрел достойный ответ, но он (не без усилий) промолчал. Лучше не создавать конфронтации и не привлекать излишнего внимания, если, конечно, хочешь осуществить задуманное. А в том, что нужно умыть руки и сматываться, Красильников убеждался с каждым шагом. Ситуация всё больше походила на нелепую игру и выглядела бы забавной, если на кон не поставили твою жизнь. Да и чёрт с ней с жизнью! Два раза всё равно умирать не заставят! Однако перспектива превратиться в зомби, стать безмозглым хранилищем реактивов и образцов ткани, объектом для лабораторных исследований, оптимизма, отнюдь, не прибавляла. Ратибор, с его мутным Синклитом и суперменовскими миссиями (спасение Вселенной, например) тоже не вызывал особого восторга. Нет, будь капитан помоложе, не страдай зависимостью от различного рода «бодрящих» напитков, он бы без колебаний присоединился к всаднику, а там, будь, что будет. Сейчас же: жизнь

прошла — остался только пепел. Да и тот развеян на ветру.

Игорь мысленно покачал головой. Приехали! Не хватало ещё и рифмами заговорить.

Ратибор не переставал удивлять, сразу после того, как беглецы покинули комнату Красильникова. Неизвестно, посулами ли, угрозами ли, или и тем, и другим, но всаднику удалось завербовать кучу народа из обслуживающего персонала и нескольких охранников с подземных этажей. До номинального первого этажа, естественно, проявляя осторожность, они добрались, можно сказать, легко.

Потом, Рат втолкнул Игоря и Людмилу в тёмную, тесную комнатёнку и исчез.

— Куда это он?

По движению женщины (комнатка своими размерами бессовестно игнорировала понятие личного пространства и заставляла себя чувствовать пассажирами городского транспорта в час пик), Игорь понял, что та пожимает плечами. Это самое, обычное движение, а также тонкий аромат духов заставил капитана волноваться. Он представил, как обнимает Людмилу, касается её губ своими. Внизу живота появилась томительная слабость, а по спине пробежали мурашки.

«Чёртова трезвость! — Красильников скрипнул зубами — Всего пару глотков и она либо была мне, вообще, по барабану, либо уже помогала найти нужные застёжки на своей амуниции. А тут стоишь, как подросток на первом свидании!»

Платонова напряглась. Видимо, что-то почувствовала.

— Всё в порядке, капитан?

Игорь не ответил.

— Как ему удалось заарканить столько народа? — шепнул он через минуту, сглаживая возникшую неловкость.

— Я же говорила — Рат умеет убеждать.

— Да уж, — Игорь вжался в стену, создавая призрачный зазор между собой и сводящим с ума телом бывшей комитетчицы. Чувствовал он себя, по-дурацки.

Дверь открылась без скрипа.

— Всё в порядке?

Ратибор появился вовремя. Возбуждение капитана сменилось злостью неизвестно на кого, а потом шальной мыслью выйти в коридор и найти выход самостоятельно. А там уж будь, что будет.

— Я спрашиваю — всё в порядке? — всадник смотрел то на пылающие щёки Красильникова, то на опустившую глаза Платонову. — Вы чего привидение увидели или воды в рот набрали?

— Да пошёл ты! — капитан чуть было не сорвался на крик. — Джеймс Бонд хренов! Ведёт неиз-вестно куда! Исчезает! Запирает в какой-то конуре!

Ратибор смерил Игоря взглядом, посмотрел на Людмилу. В его глазах заискрился интерес.

— Таааааак.

— Действительно, Рат, — голос женщины звучал как-то непривычно тихо и с оттенком той мягкости, что Красильников смог уловить лишь в рассказе о сыновьях, — ты бы ставил в извест-ность. Предупреждал как-то...

— Groш тебе цена, если предпочитаешь работать со «слепыми» напарниками! — подытожил Игорь, радуясь, что если и всадник о чём-то и догадался, то не подал вида.

Да и собственно и догадываться было не о чем. Два взрослых человека — спившийся

мужик и получающая один за другим удары судьбы женщина — несколько минут провели в тесной комнате. И всё! Дальше — фантазии, фантазии, фантазии...

— Ну хорошо, я постараюсь вас держать в курсе дела. Только учтите — чёткого плана нет и у меня... Сейчас я, к примеру, договорился кое с кем о похищении тела Гери из морозильника.

Людмила вздрогнула:

— Я смогу похоронить мальчика?

— Труп будет уничтожен. Ты же понимаешь.

— Я понимаю, — с длинной ресницы сорвалась слеза.

— А сейчас, господа напарники, — всадник улыбнулся Игорю. — Нам предстоит ползти и очень долго. Надеюсь, никто не страдает клаустрофобией?

— Кое-кто страдает хронической трезвостью, — буркнул Игорь. — Только на это всем наплевать.

— Тогда в путь.

Путешествие по пыльной утробе воздуховода, к тому же в позе земляного червя, доставляло всё меньше и меньше удовольствия. Сказывались годы, нервные клетки да и вообще здоровье разбазаренные за время «дружбы» с Бахусом. Раньше капитан мог бы радоваться такому приключению. В армии он просто обожал всякие полевые выходы, симуляторы и тренажёры. Сейчас бы без колебаний променял остаток жизни на возможность утонуть в недрах продавленного дивана, не торопясь опустошить «чекушку», закусывая килькой в томатном соусе и, наконец, остаток вечера полироваться пивом.

Правы знающие люди — уйти в завязку несложно. Сложнее заставить себя перестать думать об алкоголе. Со временем память стирает и муки жестокого похмелья, и неловкость дурацких ситуаций, и смешанную с отвращением жалость окружающих. Зато остаётся чувство неповторимой эйфории, ложного всеисия и способности решить все проблемы. Да, «Зелёный Змей» ни какой-то там питон или анаконда — его объятия смертельны и кольца мощного тела не отпускают жертву до последнего вздоха. А может, и после... Об этом хорошо знал Джек Торранс и тем более его литературный родитель маэстро Кинг.

Философские мысли о собственной пагубной страсти помогли отвлечься. Игорь даже чихнул — чисто автоматически. За что получил немедленный выговор от Людмилы. Упустил он и момент, когда Ратибор выдернул какую-то решётку и нырнул в открывшееся за ней помещение.

Через секунду его голова возникла в квадратном проёме.

— Всё в порядке. Пересменок. Действуем быстро. Ещё немного и мы во дворе.

Беглецы оказались в небольшой комнатке. Её обстановка даже с натяжкой не претендовала на звание шикарной. Древний холодильник в углу, три пятнистых плащ-палатки на загнанных в стену гвоздях, колченогие стулья и венец интерьера — длинный стол (позаимствованный, видимо, из «Красного уголка» бывшей фабрики) и четыре монитора на нём. Последние не оставляли сомнений, что воздуховод привёл Ратибора со спутниками к одному из постов охраны. Но почему комната пустовала? Недопустимое разгильдяйство даже для многострадального постсоветского пространства!

— Почти все готовятся к облаве, — пояснил всадник, — а потому охраны оставили минимум. При смене они вынуждены оставлять посты наблюдения без присмотра. У нас три, от силы четыре минуты. Красильников, ты свихнулся?!

Поздно, капитан уже реквизирует оставленные на столе пачку сигарет и дорогую

зажигалку и сейчас с весьма решительным видом направлялся к холодильнику. Прежде чем Рат или Платонова успели что-либо предпринять, он уже исследовал недра морозильного агрегата.

Сердце часто забилося при виде четырёх стеклянных близнецов. Пивные бутылки! Игорь схватил одну и чуть не взвыл от досады. Безалкогольное! Да, пить эту гадость — извращение почище, чем скажем обработанный с помощью электродрели «БФ». Фортуна умеет посмеяться! Будь она неладна!

Дрожащими руками Красильников перебрал тару. О чудо! На две бутылки с безалкогольной бурдой приходились две с этикеткой «Tuborg»! Конечно, потребление буржуйского пойла, тем более экспортного — полная безвкусица и даже жлобство, но с другой стороны — утопающему не приходится выбирать, за какую верёвку схватиться.

С видом обманувшего судьбу кладоискателя, капитан повернулся к спутникам и гордо показал трофеи.

— Это отвратительно, — скривилась Людмила.

Всадник покачал головой, сунул руку под куртку и протянул Игорю допотопный револьвер — точную копию изображённого на фляжке с волшебным мёдом.

— Капитан, я не могу зависеть от твоих нелепых выходов. Ты непредсказуем. Лучше пусти себе пулю в лоб и позволь спастись тем, кому ещё охота пожить, и кто ещё не забыл о возложенной на них ответственности.

— Ну и пушу, — криво усмехнулся Красильников. Он понимал, что творит глупости, но кто-то, сидящий внутри и заставляющий время от времени сходить с ума, уже полностью завладел волей и сознанием. Капитану оставалась лишь роль наблюдателя. — Только выпью сначала... , — он покачал бутылкой. — Иииии... и покурю.

Вздых Людмилы походил на тихий стон. Ратибор хлопал глазами. Похоже в подобную ситуацию спаситель Вселенных попадал впервые.

Немую сцену оборвал писк коробочки, возвещавший об открывающейся двери. Рат метнулся к стене. В его руках мелькнул второй револьвер. Людмила укрылась за столом. Подлый, внутренний пакостник, как и всегда предпочёл на время спрятаться, оставив капитана у открытого холодильника.

Смеющиеся над чем-то четверо охранников, ввалились в комнату и застыли, уставившись на Игоря.

— Привет! — улыбнулся тот с видом дебила.

— Ты чего... — начал один и тут же схлопотал по затылку рукоятью револьвера, его товарищ получил свою порцию мгновением позже.

Красильников, вдруг ощутивший прежнюю ловкость и уверенность в собственных силах, выхватил из холодильника бутылку с безалкогольным пивом и с поразительной точностью запустил в лоб третьему охраннику. Последнему, Людмила профессиональным движением свернула шею.

— Чисто сработано, — Ратибор прощупал пульс у каждого и теперь обыскивал карманы. — Заодно в их штотки переоденемся. Минут через пятнадцать они должны послать сигнал на главный пульт. Так что, братья и сёстры, быстро — в ритме рок-н-ролла, — он глянул на Игоря. — Ловко, капитан. Не ожидал. Только ещё одна выходка... Тебе самому не надоели такие закидоны. Мне они уже в печёнках сидят.

— Всё мне надоело, — буркнул Красильников.

— А зачем тогда дурака включаешь?

— Откуда я знаю!!!!

— Да, Игорь Владимирович, выберемся отсюда — поедешь на остров Дневных Грёз. Там либо вернут тебе человеческий облик, либо обеспечат пожизненное комфортное лечение. Тебя опасно оставлять без присмотра в подобном состоянии.

Красильников предпочёл не распространяться о собственных планах на будущее, вытащил из-за пазухи один из «Tuborg» ов, зубами сорвал пробку и влил содержимое в себя.

* * *

Двор пересекли без проблем. Охранники на вышках уделяли основное внимание и свет прожек-торов внешнему пространству и лишь изредка бросали внутрь беглые взгляды. В нападения со спины здесь не верили. А зря. Вдоль колючки крались три тени. Одна из них время от времени задирала голову и что-то подносила к губам. За что получала от третьей — по-женски изящной — лёгкий тычок в спину.

— Красильников, — шепнула, наконец, самая первая из теней, — жду минуту. Доглатывай это чёртово пиво и, чтоб дальше слушался меня, как родную мамочку.

— А кто сказал, что я её слушался?

— Оно и заметно, — шёпот третьей тени походил на шипение рассерженной кошки.

— Только не царапаться, дорогуша, — сверкнул зубами Игорь, в один глоток уничтожил пиво и отставил бутылку. — Я готов. Только не вразумлю я, господин Сусанин и, товарищ Космодемьянская, как мы сквозь это сито с колючками просочимся. А если просочимся, как от собачек убежим. Видели, наверное, хорошие такие, собачки. Зубастые.

— Лаз в колючке уже готов, — Ратибор глянул на часы. — Большинство собак задействованы в облаве. Остальных, сейчас кормят и через пять минут они уснут до утра. Под забором придётся протискиваться. Ни для чего, кроме подкопа, у меня времени не хватило.

— Нда, — капитан потёр щетину, — ловкий ты парень, всадник. Надо бы за твоё здоровье глот-нуть. Из фляжечки. А?

— Двигаем, — Рат пропустил мимо ушей и комплимент, и неуклюжий намёк.

Следующий отрезок пути состоял из череды, перебежек, протискиваний и переползаний. Знак к короткой передышке Ратибор подал на небольшой поляне и тут же растворился в темноте. Усталый и перепачкавшийся Красильников тут же опустился на поваленный ствол дерева. Закурив сигарету из отвоёванной у охраны пачки, он равнодушно наблюдал, как Людмила пытается почистить камуфляж.

— Да не парься ты, — бросил он вяло, — сейчас тебя всё равно никто не видит, а подсохнет — само отвалится.

— Не все могут в грязной одежде ходить, капитан, — процедила женщина. — Некоторые иногда и моются.

— Ну, и майся дурью, — пожал плечами Красильников. — Чем бы дитя не тешилось.

Едва Игорь докурил, как из леса явился Ратибор. С собой он тащил сумку, типа той, с которыми-ми отечественные «челноки» совершают рейды по турецким и китайским рынкам.

— Здесь сухая одежда, — всадник расстегнул молнию и достал два комплекта, сам он уже пере-оделся, — очки ночного видения, баллончики с нервно-паралитическим газом, обувь...

Всё вышеперечисленное он выложил перед Людмилой и Красильниковым. Игорь хихикнул и тут же получил в ответ испепеляющий взгляд.

— Я чего-то пропустил, — Рат глянул на товарищей. — Над чем смеёмся?

— Тут просто кое-кто решил стирку и помывку устроить, — ни без злорадства сообщил капитан. — Ты бы хоть предупредил девушку, что по бутикам пробежаться решил. А то она так старалась, так старалась.

Людмила ещё раз стрельнула глазами, взяла свой комплект и скрылась за ближайшими куста-ми.

— На всё про всё не больше двух минут, — бросил ей в след Ратибор. — Надо торопиться, и уже вполголоса. — А у вас я вижу светлое чувство зарождается, капитан. Рад за обоих. Ладно, ладно. Потом спорить будешь. Сейчас секунда на вес золота поторопись.

И вновь кросс по ночному, пропитанному сыростью лесу. Одежда и обувь, предложенные всадни-ком, оказались на редкость удобными. Они совершенно не мешали двигаться и, самое главное не пропускали воду. В таком обмундировании можно всю ночь по болотам шараться.

Можно, если бы ни тупая боль в груди и острая нехватка дыхания (получите результат от трёх пачек сигарет в день), тёмная пелена перед глазами и бешено колотящееся сердце. К тому же ткань, не пропуская влагу снаружи, удерживала её и внутри. Игорю казалось, что ещё немного и он выскользнет из одежды, чтобы продолжить путь в первоначальном виде. Назад к природе, так сказать. Да, всё это забавно, если бы ещё не раздражающий лёгкие, непрекращающийся кашель и душащая тошнота. И дёрнул чёрт выпить это проклятое пиво!

— Капитан, ты в порядке. Может темп сбавить? — проклятие, у этого хранителя Вселенной даже дыхание не сбилось!

— Про... Про... Продержусь, — выдавил, наконец, Игорь жадно глотая воздух между приступами кашля.

— Я подстрахую, если что, — судя по голосу Людмила всё же чувствовала себя не так хорошо, как Ратибор, но, конечно же, не так погано, как Красильников.

Ни о каком побеге, естественно, не приходилось и думать. Да, честно говоря, Игорь уже и сам давно отказался от идеи дезертирства. И виной тому было не только отвратительное самочувствие. Какая-то частица сознания (отнюдь не мелкий пакостник, втравливающий в неприятности. Стервец не давал о себе знать после стычки с охраной) подсказывала, что его, Красильникова, место здесь и сейчас. Именно в эту минуту и именно с этими людьми. Сверни он на дюйм, умой руки, поверни назад — и всё! Не помогут ни самые жестокие попойки, ни объятия шлюшек, ни напускной цинизм, ни даже смерть. Та часть настоящего Игоря Красильникова, которая явилась на свет тридцать лет назад, которая отказывалась брать взятки, которая ещё различала добро и зло и которую, наверное, невозможно вытравить ничем, которую некоторые называют душой, а некоторые совестью будет корчиться в вечных муках, с коими не сравниться никакое похмелье (уж в этом недуге капитан разбирался) и никакие пытки. К чёрту ад, хитрожопых попов и скользких проповедников! Они сами не понимают о чём твердят! К тому же, Игорь никогда не был религиозным. Однако сейчас понимал, что упёрся в ту самую черту, которую многие (иногда, сами того не замечая) уже переступили и отказались от той самой частицы, предпочтя спокойное и сытое прозябание духовных зомби. Красильников не хотел пополнять их ряды, а потому задыхался, терпел головную боль, сдерживал тошноту, но тащился вслед за Ратибором по ночному лесу.

— Вот здесь мы, пожалуй, и подождём, — Ратибор скинул рюкзачок и осмотрелся.

— А чем здесь лучше, чем там? — давясь кашлем поинтересовался Игорь.

— Здесь... Эй, капитан, всё в порядке?

Красильников упал. Его выворачивало. Пустой желудок смог вытолкнуть лишь сгусток желчи. Кашель Игоря походил на предсмертные хрипы. Он собрал силы и махнул рукой, что, видимо, означало сейчас всё будет в порядке. Минуты через три он поднял голову. Людмила и Рат отшатнулись. Щёки капитана впали, бледная, прозрачная кожа обтянула скулы, из красных, обрамлённых чёрными кругами глаз, катились слёзы. Посиневшие губы тронула улыбка.

— Отвык я бегать, — шепнул он и снова зашёлся в приступе кашля.

— Игорь, держи. Легче станет, — Ратибор протянул фляжку.

Неожиданно Людмила перехватила руку всадника.

— Ну, мужики! Хуже детей! Все проблемы через бутылку решают. Он же сейчас сдохнет! Не видишь?! Ну-ка пусти!

Смущённый Рат отошёл в сторону.

— Игорь, сидеть можешь? — Красильников кивнул и с четверенек перекинулся на пятую точку. — Хорошо. Теперь запрокинь голову. Открой рот, — Платонова достала какой-то баллончик. — Я сейчас брызну, а ты постарайся вдохнуть как можно глубже.

Красильников замотал головой.

— Лучше фляжку, — промычал он.

— Господи! Ты совсем с ума сошёл! Это же самоубийство! Ладно, — она взяла протянутую Ратом флягу, — будет тебе фляжка. Вот она. Но сначала аэрозоль. Договорились?

Капитан открыл рот.

Хвалёный аэрозоль отдавал каким-то лекарством и мятой. Наверное, это было неплохое средство, но Игорь всё-таки больше надеялся на хороший глоток бурзумского мёда. Женщины, вообще, склонны больше доверять всяким аптечным штучкам, напрочь забывая о проверенных, дедовских способах.

— Это место подходит по всем параметрам, — объяснял между тем Ратибор, убирая флягу. — Удалось собрать катастрофически мало сведений. Даже от меня, с моей легендой, у них нашлись вполне законные основания хранить операцию в секрете. Но кое-что я выяснил. Им удалось синтезировать запах Гери ещё до того, как тело похитили. Препарат распылили именно в этом районе, полагая, что Фреки обязательно бросится к брату...

— Но мальчики чувствуют друг друга, — возразила Людмила. — Он наверняка знает, что Гери уже нет в живых.

— Хм, он всё больше и больше проводит времени в обличии зверя, а зверю смерть неведома. Рациональное человеческое мышление отступает на задний план. Он всё больше и больше подчиняется чувствам и порывам. А следовательно, не раздумывая бросится на помощь собрату. Здесь-то, Кочуев и приготовил какой-то подвох. В чём он заключается, я толком не узнал, но думаю ничего такого, с чем нельзя бы было справиться. В идеале — мы перехватываем Фреки, я открываю портал, и мы все благополучно уходим.

— Что открываешь? — переспросил Игорь. — И куда уходим?

— Портал — нечто вроде перехода. Увидишь — поймёшь. А укроемся мы на первое время в одном из малонаселённых Миров. Потом отправимся на Синклит.

— Слышь, командир, а может я останусь?

— Нельзя, Игорь, ты носитель экспериментального материала. Если всё пройдет, как я описал, то им придется начинать всю работу заново.

— Носитель, так носитель. А ты уверен, что всё пройдет гладко?

— Нет. Придется действовать по обстановке.

— Вот это мне уже совсем нравится.

— Тогда ждем и дежури́м по очереди.

* * *

В сыром лесу запахи особо сильны, манящи и пугающи. Пугающи?! Нет! Серому воину не престо́ло пугаться двуногих тварей. Они глупы, трусливы и слабы. Они — мясо, он — охотник. Да, раньше он избегал встреч с соплеменниками матери. Но хватит! Не он отнял у них семью и заставили убежать на край страны. Не он устроил это бесконечное преследование. Он всего лишь хотел найти мать и брата. Он не объявлял войны, ему объявили. Они пришли к нему в лес и привели своих лающих рабов. Трусливых, как и они сами. Он принимает вызов. В этом лесу уже поселилась смерть преследователей.

Но сначала стоит немного поиграть. Заставить вас вязнуть в грязи, продираться сквозь заросли, увёртываться от упругих ветвей и проваливаться в овраги. Лишить вас сил и выпить те крохи отваги, что мелькнули в ваших душах, благодаря превосходству в числе. А потом, рвать ваши плотки, ломать хребты, терзать плоть и оставлять пропитанные страхом и болью тела на съедение лисам, воронам и вашим же, некогда верным, тьявкающим слугам. Хозяин леса устроит сегодня пир.

Смердящая вонь — железо и пламя — отовсюду. Он никогда не видел столько двуногих. Никогда не видел таких огромных псов. Но сила не в росте сила в духе, а дух этих, пока ещё рвущихся в бой исполинов, сломлен тысячелетия назад. Когда их предок согласился служить двуногим за жалкие подачки. Он уже третий раз провёл их по кругу и вывел к месту, где начиналась облава. Он презирал их, он наслаждался своей неуязвимости, своему единению с лесом. Самая мелкая травинка была сейчас его союзником. Но хватит игр! Пришло время жертв.

Он зашёл в спину преследователям и хриплым воем возвестил своё присутствие. Погоня сменила направление. Он не торопился, позволяя им чувствовать себя охотниками. Пока ещё. Он вёл их в заболоченный березняк с густым подлеском. Там, лишённых зрения, слуха и тем более обоняния, он по одиночке принесёт в жертву серым предкам.

Некогда голубые глаза, сейчас отдавали желтизной, светлая шерсть на загривке встала дыбом. Он втянул воздух, ловя кислотоватый запах болота. И вдруг...

Он споткнулся и снова принохался. Невероятно! Здесь был Гери. Его запах уводил в сторону от болота и был необычайно силён. А где-то там, ещё дальше, едва уловимый, знакомый с рождения витал аромат единственного дорогого ему двуногого существа. Аромат матери!!! Они его ждали!!!

Он не раздумывал ни секунды. Он забыл о преследователях. Он мчался к своей семье. Он забыл об осторожности. Он отлично знал свои владения. Он пробежал бы здесь и с заткнутыми ноздрями. Он...

Щелчок. Что-то ударило в грудь. Потом в бока вонзились жала. Петля сдавила горло. Двуногие всё же оказались хитрее.

— Игорь! Игорь! Просыпайся!

Красильников разомкнул веки. Он только что сдал дежурство Ратибору (они договорились не будить Людмилу и поделили ночь пополам. Наверняка, завтра комитетчица устроит скандал. Да и чёрт с ней!), и следующей смены ожидал ближе к рассвету. По всем признакам рассвет задержи-вался.

— Тебе чего, супермен, скучно одному? Или флягу решил допить? Я — за.

— Подожди с шутками. Что-то странное происходит. Глянь.

Кстати, рюкзачок всадника заслуживал особого внимания. Игорь в жизни не видел столько стран-ных приспособлений в одном месте. Честно говоря, он и по отдельности ни одной из этих вещей не видел. Что там какие-то очки ночного видения и герметичный костюм — тоже, к слову та ещё штучка. В воротник ушлые портняжки вмонтировали особое колечко (Игорь сразу же окрестил его КК — кольцо камикадзе) — лёгкое движение пальца и хозяин костюма превращался в бесполезный набор атомов и молекул. Идеальная одежда для самоубийц и не желающих попадать в лапы врага героев. Впрочем полезное (в определённых случаях) приспособление меркло перед содержимым рюкзачка. Тут был и баллончик, содержимое коего способно всего за двадцать минут обратить что угодно в прах, и миниатюрная копия «Калашникова», одним выстрелом, по словам Рата, уклады-вающая пресловутого тираннозавра, и универсальный переводчик на солнечных батареях, способный распознать, проанализировать и сделать доступным любой язык, и нечто похожее на пейджер по экрану, коего можно отслеживать местность в радиусе полусотни километров. Да, много занятных и полезных штучек оказалось в рюкзачке Ратибора.

Сейчас, он совал под нос Красильникову «пейджер».

— Видишь? — всадник ткнул пальцем в красную точку. — Это волчонок. А это, — он указал на скопление таких же точек в углу экрана, — облава. Видишь, они движутся?

— Ну и что?

— А Фреки застыл на месте. Ещё секунду назад, он на всех парах нёсся в нашу сторону. Я уже Люду хотел будить.

— Может он отдохнуть захотел. Или нужду справить. Увидел подходящее дерево и побежал лапу задрать, как у них это полагается.

— Красильников! Брось зубоскалить! Видишь, как точка дёргается?! Наверняка, пресловутый сюрприз от этого бритоголового дерьма. Надо было нейтрализовать Кочуева в первый же день! Парень в ловушке. Буди Людмилу! Выступаем!

— Нет уж, эту мегеру ты сам буди. Я лучше шнурки перезавяжу. А то наступлю в темноте... Упаду...

— Чёрт с тобой!

Игорь в очередной раз похвалил себя за благоразумие, услышав, как Платонова отчитывает Рата за «махинацию» с дежурствами. Тот и слова не успеваешь вставить. Ругаться с женщиной это тебе не Вселенную спасать — тут либо помалкивай, либо мешок на голову и дубиной — глядишь очухается и забудет из-за чего весь сыр-бор. Причёску начнёт поправлять, тени подводить...

Пока Красильников предавался женоненавистническим мыслям, перешнуровывал ботинки и проверял блокировку занятого колечка, Ратибор всё же втолковывал комитетчице

положение вещей. За что сразу же получил очередной нагоняй.

— Какого чёрта вы здесь прохлаждаетесь?! — возмущалась Людмила. — Там мой мальчик один! Что же ты сразу не сказал?! — на глаза ей попался улыбающийся капитан. — А ты что скалишься?! Быстро вперёд!

Бежать в этот раз оказалось легче, но Игорь всё равно, то и дело сбивал дыхание. На этот раз не от кашля, а от смеха. Нет, женщины прирождённые диктаторы. Может не все, но через одну точно. Им не нужно ни высоких постов, ни заработанного авторитета. Они и без того, в любом месте, где бы не появились, постепенно, измором, исподтишка устанавливают собственные своды ритуалов и правил, нарушение коих считают смертельным оскорблением. Если даже такой ухарь, как Ратибор попал под раздачу... Да.

Всадник знаком приказал остановиться. Скользнул за дерево. Условным свистом позвал к себе.

Игорь вышел на крохотную полянку и всё его веселье как рукой сняло.

— Нееееет!!!! — Красильников и не подозревал, что выпускница Лубянки способна на обычный истерический бабий вопль.

— Не пускай её!!!! — капитан и без приказа Рата, успел схватить рванувшую к середине поляны Людмилу.

После короткого, но яростного сопротивления, та уткнулась в грудь Игорю. Её тело сотрясали рыдания и била дрожь.

— Там могут быть ещё ловушки, — пояснил Ратибор и двинулся вдоль кромки леса.

Красильников хотел отвернуться, зажмуриться, но не мог. Его мутило. Он чувствовал влагу на щеках. Дождь? Слезы? Какая, к дьяволу, разница! Он хотел вытереться, но лишь убрал руку с плеча Людмилы, та тихонько заскулила и задрожала ещё сильнее. Капитан быстро положил ладонь обратно.

Открывшееся зрелище наводило ужас. Пробирало до костей, лишало воли. А если учесть, что тот, посреди поляны имел отношение к Людмиле и в меньшей степени к нему самому... Жутко!!!

Фреки не умер. Он хрипел, и дёргался. Скорее уже по инерции, а не в тщетных попытках обрести свободу. Кочуев придумал изуверскую по хитрости и жестокости ловушку. Подобным методом можно было бы завалить и слона, не то что волка, пускай и очень крупного. То что в этом теле ещё сохранились крупницы жизни, казалось настоящим чудом.

— Эй, Ратибор, — вышел из ступора Игорь, — ему ещё можно помочь?

— Не знаю, — отмахнулся всадник, — подожди...

Впрочем ответ лежал на поверхности — после таких ран не выживают даже оборотни. В грудь огромного волка упиралось древко, а между лопаток выступал зазубренный, как у рыбацкого гарпуна, наконечник. По-видимому, знаток псовых использовал хитрую систему противовесов, позаимствованную у какого-нибудь туземного племени. Красильников живо представил, как несущийся по ночному лесу волк, наступает на скрытый рычаг (замаскированный скорее всего под корешок или обычную ветку) и тут же получает в грудь гарпун, сверху, круша позвоночник, падает набитый чем-то тяжёлым куль (он валялся неподалёку), а на шее захлёстывается петля. Шансы к спасению нулевые. Но чтобы уж бить наверняка, бритоголовый «любитель природы» не побрезговал самостре-лами на растяжках. Неизвестно, чем пользовался Кочуев — средневековыми арбалетами или чем-то разработанным в лабораториях конторы, но пробитые бока зверя говорили сами за себя.

— Всё чисто, — Ратибор направился к Фреки и в шаге от него, вдруг отскочил назад. —

На месте, — крикнул он двинувшемуся было капитану. — Вот гады!

Оказывается фантазия Кочуева не ограничилась растяжками и противовесами. К стрелам неугомонный последователь первобытных охотников привязал едва различимые нити, вернее струны из какого-то неведомого, но, по-видимому, чертовски прочного материал. Фреки удерживали не только гарпун и повреждённый позвоночник. Стрелы пробив тело вонзились в стволы деревьев, и оборотень оказался подвешенным над поляной.

Согнувшись в три погибели, Ратибор пролез под видимыми ему одному струнами, застыл в шаге от окровавленной пасти зверя. Знаком подозвал Красильникова.

— Иди прямо на меня, капитан, — предупредил он, — неизвестно чего они здесь ещё понатыкали. И за Людой следи. Наверняка все растяжки какой-нибудь гадостью намазаны. Не дай Род оцарапается.

Впрочем, насчёт Платоновой мог бы и не предупреждать. Женщина послушно шла за Игорем, что-то бормоча под нос. Похоже, сознание, щадя рассудок, отключило её от реальности.

Игорь смотрел на существо, о коем столько слышал за последние дни. Существо, в коем была и его, Красильникова, частица. Даже сейчас, беспомощный и умирающий, оборотень поражал мощью и величием. Волк довольно крупное животное, но Фреки размерами превосходил любого, самого значительного представителя серого племени. Раза в полтора. Его темно-серая шерсть, несмотря на дождь и кровь всё ещё сохраняла пышность и величелие. Окровавленные клыки, размером с мизинец, внушали одновременно и страх, и уважение.

Зверь судорожно дышал, по-видимому гарпун или одна из стрел задела лёгкое. При каждом вздохе раздавался свистящий хрип, и из глотки вырывались кровавые пузыри.

— Всё-таки опоздали, — покачал головой Рат. — Ладно будем уходить вместе с телом. Игорь, — он протянул баллончик с растворяющим всё и вся веществом, — просто брызни на древко. Только осторожнее. Я займусь чёртовой паутиной. С Люды глаз не спускай.

Платонова, услышав своё имя, подняла голову, вытерла слёзы и застыла, глядя на оборотня. Потом она шагнула к зверю, опустилась на колени и заключила в объятия широкую клыкастую голову.

— Вот и всё, сынок, — шепнула она ему на ухо.

Зверь заскулил, открыл глаза. Игорь перестал дышать — глаза оказались что ни на есть человеческие — голубые с чёрной точкой зрачка. Фреки втянул воздух ноздрями и, наверное из последних сил лизнул щёку Людмилы, оставляя кровавую полосу. Женщина зарылась лицом в тёмно-серую шкуру и снова заплакала. Веки зверя сомкнулись, и он задышал ещё чаще.

— Игорь, работаем, — всадник сунул под нос Красильникову «пейджер», — они совсем близко. В кольцо берут. У нас времени полчаса. Не больше.

Капитан брызнул на древко (оно оказалось металлическим) из баллончика. Струя, попав на металл, зашипела и запузырилась. Похоже она действовала, как кислота. Игорь приготовился наблюдать разрушительное действие препарата, чтобы, улучив момент ускорить процесс. Шибанув, скажем, по теряющему прочность металлу каблуком. Хвалёный «разрушитель» обманул все ожидания. Он впитался, оставив всё ту же гладкую поверхность.

— Эй, командир, — позвал он Рата, — похоже облом.

— Что такое? — всадник был уже рядом. — Ты обрызгал?

— Естественно.

— Ну и...

— И ничего! Сам что ли не видишь? У тебя в рюкзаке, часом «болгарки» не завалялось или ножовки по металлу?

— Спокойно, капитан. Жидкость впиталась?

— Ну, наверное, если не испарилась.

— Тогда всё в порядке. Она воздействует изнутри, на уровне молекул. Конечно дольше, чем обычная кислота, но зато надёжно. Мы же не знаем из какого материала это копьё ковали. Может его ни кислота, ни твоя «болгарка» не возьмут. Подожди минут двадцать. Я со струнами пойду разберусь.

— Командир, — нарочито громко произнёс Красильников и кивнул на всё ещё обнимающую зверя Людмилу, — если выберемся, может и парня сможем подлатать? Раз до сих пор держится? — он даже подмигнул всаднику, призывая поддержать игру.

— Конечно, — всадник понял намёк, — если только выберемся. Люда, я же тебе рассказывал, какие на Синклите целители попадаются.

Женщина, не разжимая объятий, оторвала лицо от серой шерсти.

— Спасибо, Игорь, — она смотрела прямо в глаза, — я всегда знала, что ты лучше, чем хочешь казаться. Только не надо меня обманывать и ломать комедию. Я всё понимаю. Я не натворю глупостей. Делайте своё дело. Мы должны унести его.

Игорь ещё раз подивился воле этой женщины. Другая бы билась в истерике, причитала в полный голос, а этой не понадобилось и десяти минут, чтобы обуздать своё горе и не стать обузой для спутников. Да, умели в комитете кадры подбирать.

Потрявоженный то ли движением, то ли звуком голосов зверь заскулил. Игорь занёс руку над его головой.

— Можно? — одними губами спросил он.

Людмила кивнула. Красильников погладил мягкую слегка влажную шерсть. Зверь открыл глаза и долго смотрел на капитана. Сведённые судорогой губы, тронула типичная собачья улыбка. Он попытался одобрительно рыкнуть, но чуть не захлебнулся кровью.

— Спокойно, мальчик, спокойно, — по щекам Людмилы бежали слёзы, она готова была отдать всё, что угодно, лишь бы облегчить страдания сына.

Фреки посмотрел на неё потом снова перевёл взгляд на капитана. В его глазах светилось нечто известное ему, его серым сородичам и давно потерянное человеком. Он снова улыбнулся и лизнул ладонь капитана.

Игорь зажмурился и затряс головой. Что-то зверски щипало глаза и проклятым комом стояло в горле.

— Всё кончено, Игорь, — прозвучал где-то далеко голос Платоновой. — Скоро ты увидишь его в человеческом облики.

* * *

Известие о смерти Фреки не на шутку расстроила всадника.

— Проклятие! Портал для мёртвой материи, пусть даже и белковой, установить довольно сложно. Да и удерживать долго нельзя.

Игорь сперва хотел осадить Рата. Потом память подкинула пару-тройку эпизодов из собственной биографии. Капитан прикусил язык. Всадник вёл себя, как обычный опер на

задании и осуждать его за отсутствие слёз и скорбных речей было просто глупо.

— Трансформация уже началась? — между тем продолжал Ратибор.

— Людмила говорит, что это порой занимало больше часа.

— Кстати, как она?

— Держится.

— Хорошо. Больше часа говоришь? Хм... Даже не знаю, как лучше. Ладно, разберёмся.

Игорь, нужна твоя помощь. Похоже, эти чёртовы струны ещё попортят нам нервы.

— А что с ними?

— Сейчас сам увидишь. Только осторожнее, ради предков. Попролам тебя, конечно не разрежет, но мне кажется их чем-то смазали. А теперь смотри внимательно.

Чуть не «сломав» глаза, Игорь всё же умудрился разглядеть нечто, толщиной с верхнюю струну бас-гитары, пробившую тело оборотня и затерявшуюся где-то среди леса.

— Я не знаю, что происходит, — бубнил Рат, — похоже в конторе ведутся разработки, о которых Синклит ни сном, ни духом. Очень похоже, что мы сейчас все в глубокой заднице. Глянь сюда.

Всадник показал очередную штуkenцию — едва заметное движение большого пальца и у него в руках нечто похоже на меч джедаев из знаменитого фильма. Эдакий перочинный ножик Скайвоке-ра.

— Лазерный резак, — пояснил Рат, — режет любой материал, за редким исключением, как масло. Однако...

Он несколько минут водил лезвием по струне. Убрал резак и повернулся к Красильникову.

— Сними очки, посвети фонариком и скажи, что ты про это думаешь.

Капитан всё сделал, как сказали и увидел следующее — резак оставил на струне крошечную ризку.

— Он действительно режет всё подряд?

— За редким исключением. Именно такое исключение ты и видишь... Но подобного сплава не может быть в этом Мире и в этом Времени! По данным Синклита!

— Облажался твой Синклит.

— По полной программе, — согласился Ратибор. — И мы вместе с ним.

— Может стрелы в лесу поискать?

— А ты уверен, что вокруг больше нет ловушек?

— А если из баллончика?

— Попробуй. Вот что, их шесть штук. Обрызгай каждую. Потом начинай резать. Справишься?

Игорь пожал плечами.

— Если покажешь, как эта штука включается.

— Покажу. А сам я пока займусь подготовкой портала. Может нам сегодня и повезёт.

Отыскивать в темноте едва заметные струны, на каждом шагу ожидая ловушки, занятие не слишком приятное и не особо лёгкое. Однако Игорь не жаловался. Впервые, за многие годы, он не думал о выпивке. Он ощущал значимость и полезность собственных действий. Никто не вмешивался и не поучал. Не растолковывал, кого можно задерживать, а перед кем лучше извиниться и, закрыв глаза на факты, отпустить на все четыре стороны. Он был уверен, что какая-нибудь мерзость, вроде болтливого прохиндея-адвоката, не отправит коту под хвост всю проделанную работу. Что бы не случилось дальше — сегодняшний день стал

лучшим в жизни капитана за последние лет десять.

Ратибор скрылся за деревьями. Время от времени оттуда доносились странные звуки. Интересно глянуть, что за штука такая этот портал. Людмила добровольно следила за древком гарпуна. Уже сейчас наблюдалось действие препарата — в месте, куда попала жидкость древко немного искривилось. Красильников надеялся, что когда оно сломается, струны, не выдержав веса оборотня, просто-напросто разрежут тело. Тогда бы стало намного легче. Мысль, конечно, циничная и даже кощунственная. В обычных условиях. Сейчас же, Игорь вздрагивал, представляя, что сотворит с трупом бригада мясников во главе с Капликом. Нет, пусть уж лучше струны, чем скальпель учёных-маньяков.

Всё произошло как-то само собой — чересчур обыденно и неотвратимо быстро. Так бывает, когда в горах выскользнувший из-под ноги камешек, летит вниз и обращается сметающей всё на своём пути лавиной, или задетая кем-то костяшка домино падает, увлекая за собой соседнюю и руша, тщательно выстроенную конструкцию. Проще говоря, события сорвались с цепи и понеслись по извилистой, известной лишь норнам, колее. Ни беглецы, ни преследователи не могли уже ни на что повлиять. Им оставалось доигрывать принятые на себя роли и, по возможности стараться выжить. Такова цена за участие в этой пьесе, день ото дня идущей сумасшедшем театре, называемом жизнью.

Игорь терзал лазерным лезвием проклятую струну, когда раздался характерный рокочущий звук.

«Вертушку выслали, — отметил про себя капитан, не прекращая попыток справиться с неподдающимся сплавом, — хм... Уважают».

Из-за деревьев вынырнул Ратибор. С минуту вглядывался в чернильное небо, потом замахал руками.

— Быстро! Сюда! Быстрее, во имя предков!

Людмила и Красильников не заставили повторять дважды. Они подбежали к всаднику и все вместе отступили в лес.

— Возможно разведчик, — предположил Ратибор, но всё же достал один револьвер. — Пятьдесят на пятьдесят, что о нашем побеге не сообщили. Возможно, что с вертушки просто корректируют маршрут. По любому они не должны получить ни нас, ни оборотня.

— Ха! Всего-то! — Игорь тоскливо поглядывал на резак — с таким оружием против «Калашникова» не попрёшь. — А если это не разведчик? Если побег уже не новость? Если сейчас с вертушки посыплются ребята в касках, в пуленепробиваемых жилетах и с «Калашами»? Если на нас, попросту, натравят ту милую кампанию потрошителей, о которой вы мне рассказали? Если...

— Если, если, если! — вспыхнул Ратибор.

— ... один дурак задаст столько вопросов, что и сотня мудрецов не разберётся, — не дал ему закончить Игорь цитату из классика марксизма. — Это мы знаем, товарищ спаситель Вселенной. Базар сейчас ни о том. Я к тому веду, что мне неплохо бы ствол какой-нибудь. Или ты собрался с двумя пугачами сперва вертушку сбить, а потом отряд спецназа перещёлкать?

— Мне тоже необходимо оружие, — подала голос Людмила.

— Нет, красавица, — развёл руками Красильников, — при всём моём уважении, восхищении и врождённой галантности, это как раз тот самый случай, когда я ни в коем случае не пропущу даму вперёд. Могу отдать только вот эту штуку, — он протянул ей резак. — И попросить укрыть наши тылы. Ну чего надумал, всадник?

Женщина сперва хотела возразить, потом молча взяла предложенное оружие, проверила работу рычажка и отошла в сторону.

Ратибор между тем, покусывая губы, полез в рюкзак.

— Всё это неправильно, — бормотал он. — Нарушение всех пунктов.

— Не парься, командир, — надвигающаяся опасность пьянила не хуже самого забористого «ерша», — где ты видал, чтобы все пункты всегда исполнялись?!

— Ты резвость-то попридержи, — Рат протянул Красильникову миниавтомат. — Стреляй по возможности прицельно и только одиночными. Вот ещё два рожка. Больше нет, так что экономь.

— Кого учишь? — отмахнулся Игорь. — Как — никак два года в Советской Армии отслужил.

— Вот этого я и боюсь, — вздохнул всадник.

* * *

Ратибор (должно же им всё-таки повезти) не ошибся. Вертушка зависла над лесом, прощупала лучом прожектора полянку, высветила труп и удалилась восвояси. Оборотень, попав в полосу света, начал трансформироваться буквально на глазах. Если бы Игорь и смог бы, он навряд ли описал кому-либо произошедшее на его глазах превращение. В современном человеческом языке просто не было слов и эпитетов передачи жуткой картины. От происходящего веяло чем-то древним — пугающим и запретным.

Впрочем, Красильников и не такое видывал в пьяных кошмарах, а в последний день прежней жизни (как давно это было) ещё и пережил встречу с призраками (на самом деле или всё же во сне?), а потому отнёсся к леденящему кровь зрелищу более-менее спокойно. К тому же отвлекала мысль, что с вертушки в каждую секунду упадут верёвки и по ним заскользят ребята, привыкшие все проблемы решать свинцом и порохом.

— Слава Роду! — выдохнул всадник вслед удаляющемуся рокоту. — Ещё одна отсрочка. Люда в кустах портал. Проследи. Мы за Фреки.

Так и не проронив ни слова, женщина ушла.

— Слушай, командир, а что если тело, того, из баллончика брызнуть?

— Я уже думал, про это. Не успеем. Глянь, — Ратибор достал пейджер — красные точки окружили поляну и приближались с каждым мгновением.

— Тогда ломаем древко к чёртовой матери. На одних струнах труп вряд ли удержится. Берём парня и сматываемся.

Всадник покачал головой.

— Что опять не так? — возмутился Игорь. — Думаешь не сломается?

— Что? А древко... Древко сломается. Наверное... Не в том дело.

— Что тогда? Ну! Не тяни кота! Того и гляди гости нагрянут!

— Я не смог открыть портал, — вздохнул Рат. — Видимо что-то напутал в спешке.

— Чего?!

— Нет, Игорь, обычный портал действует, но вот тело... В общем, пока есть время, снимаем труп, брызгаем, вы с Людой уходите, я вас прикрываю, пока труп не исчезнет. Потом догоняю.

— Какой шустрый! А если вместо тебя туда эта саранча хлынет. Портал действует, пока

я в сознании, а пока я в сознании, я туда никого не пушу.

— Варианты обсуждаются?

— Какие?

— Например, остаюсь я, а...

— Даже не рассматривается.

— Ладно, — неожиданно согласился Игорь, — идём тело забирать. Как ты любишь говорить — быстрее, ради предков.

* * *

Древко, как ни странно случилось быстро, то ли адреналин прибавил им сил, то ли подействовал чудесный препарат. Тело юноши повисло на струнах, а через минуту, подчиняясь закону всемирного тяготения и собственному весу начало оседать. Игорь отвернулся, но ему всё равно казалось, что он слышит, как сверхпрочный сплав царапает по костям и разрывает плоть.

— Капитан, обработай сплав, — услышал он и заставил себя повернуться. Тело лежало на земле. Стараясь не смотреть в лицо покойника, Красильников брызнул на окровавленные нити.

— Надеюсь, к утру они исчезнут, а пока никто не додумается взять образцы крови, — пояснил Рат. — Ну что, пора!

Игорь попытался убедить себя, что несёт ни тело генетического сына, а нечто абстрактное, не имеющее к нему никакого отношения. К тому же, капитан был занят тем, что старался ни жестом, ни словом, ни выражением лица не выдать выдавшему виды всаднику свой замысел.

— Значит так, — уже в третий раз повторял Ратибор, — сперва уходит Люда. Мы с тобой покрываем тело препаратом. Ты уходишь. Время разложения белка — чуть более пятнадцати минут. Ожидаете меня в течении этого времени. Если я не появляюсь, или портал закрывается — ничего не предпринимаете, никуда не выходите. Резиденты Синклита вас обязательно разыщут. Всё ясно, капитан?

— Как на духу.

— Не напортачишь?

— Будь спок.

— Спасибо, Игорь.

— Потом поблагодаришь. А где же хвалёный портал?

— Прямо перед тобой.

Ратибор жестом предупредил попытку Людмилы подойти к телу.

— Некогда. Извини, ради Рода. Но действительно некогда. Готова к переходу?

Платонова кивнула.

— Тогда до встречи на той стороне.

Женщина подошла к неразличимому на первый взгляд тёмному пространству между кустов, шагнула и исчезла.

— Объясни ей, когда встретитесь, что по-другому было нельзя, — Ратибор обрызгал тело и выкинул баллончик. — Она, конечно, имеет право проститься с сыном. Но время...

— Сам и объяснишь, — Игорь саданул рукоятью миниавтомата по затылку всадника.

Подхватив обмякшее тело, Красильников нащупал пульс. Жив. Вот и отлично. Сквозь одежду нащупал что-то твёрдое. Фляжка!!!! Извини, всадник. Пойми и, как говорится, прости.

— Теперь можешь и благодарить, командир. Что? А, пожалуйста. И прощай, — он с силой втолкнул Рата в исчезающий портал.

* * *

— Ну, а теперь повоюем, сынок, — Игорь присел перед телом и глянул на пока ещё не обезображенное «разрушителем» лицо. Невольно поискал сходство с собственной физиономией. Хлебнул из прихваченной фляги. — Ты уж прости, что опоздал. Я о твоём существовании-то недавно узнал... Разве же я позволил бы этим крысам... Тебя... Брата твоего... А мать у вас ничего... Боевая...

Он ещё раз глянул на Фреки. Парень, как парень. Даже есть полоска осветлённых волос (вот откуда светлая шерсть на загривке зверя) через всю голову. Стиль! Нет даже и намёка на прежнего на прежнего властелина леса. Просто чересчур физически развитый для своих лет юноша. И всё.

— Ну, я им сейчас устрою, — пробормотал Красильников. — За всё посчитаемся.

Кожа Фреки покрылась морщинами и расползлась. Препарат вершил своё дело. Игорь не в силах наблюдать дальнейшее разрушение отполз к краю поляны. Собачий лай приближался. Между деревьев замелькали фонари.

* * *

— Где?! Где они?! — Людмила хлестала всадника по щекам.

Рат с трудом разомкнул веки, приподнялся на локте, потрянул головой — в шее что-то хрустнуло, внутри черепа заработал кузнечный молот. Ратибор сжал виски.

— Он меня кинул!

— Кто кинул?! Когда?! Да отвечай же!!!

— Чёртов Красильников!!! — язык ворочался с трудом, каждое слово отзывалось болью.

— Он — предал?!

— Если бы! Он вообразил себя героем!

— Каким героем?! Что происходит?! Почему исчез портал?!

— Не кричи, во имя предков, — всадник, наконец, занял сидячее положение, хлопнул себя по карману. — Флягу он, конечно себе оставил. Ну и фрукт!

— Объясни, что случилось?!

— Да ничего! Я, сдуру, рассказал, что портал не примет мертвеца. Мы решили уничтожить его там с помощью аэрозоля. Я должен был остаться там, поддерживать портал и оборонять тело до полного разложения. Этот придурок вроде согласился, потом саданул меня по башке и решил всё взять на себя. Самоубийца!

— Мы должны его вытащить!

— Кого?

— Игоря!!!!

— Сейчас попробую.

Ратибор напрягся, его некогда завязанные в хвост волосы растрепались и упали на лицо. Через мгновение он со стоном завалился на землю.

— Не могу, — простонал он. — Не могу портал удержать. Слишком много сил потратил там. Да и саданул он меня от души.

— И что теперь?

— А ты плохо узнала нашего нового знакомого? Будет сражаться, пока не допьёт флягу...

— Прекрати!

— Ну и живым, наверняка, не сдастся. Неплохой бы из него всадник вышел.

— Я... , — Людмила закрыла лицо ладонями. — Я потеряла всех...

* * *

Огромные псы, неудержимые в стремлении настичь и растерзать преследуемого выскочили на поляну. Принюхались... И внезапно, поджав хвосты, поскуливая попятились назад, уступая место хозяевам. Они уже поняли, что дичь не по зубам. Да, конечно, повсюду стоит одуряющий запах крови. Но кто знает — возможно, хозяин леса всего лишь ранен, а значит будет биться. К чему лезть под острые клыки, когда уже на подходе хозяева с плюющими огнём палками.

Игорь ничуть не удивился поведению собак. Когда-то он читал у Сетон-Томпсона об охоте на волков. В своре должен быть заводила, ведущий вперёд всех этих могучих, породистых гигантов, иначе, срабатывает врождённый собачий страх перед серыми собратьями. Здесь, судя по всему, подобный «солист» отсутствовал. Да, в чём-то Кочуев всё же просчитался.

Первые же людские тени, Красильников встретил затяжной очередью (кое-кто из нападавших упал) и сразу откатился в сторону. Вовремя. То место, где он ещё секунду назад лежал, накрыли огнём. Игорь глянул на тело. Препарат действовал, но слишком медленно. Ещё оставался почти не тронутый скелет и клочки плоти. Снова явились тени. Красильников нажал курок. Облом. Увлёкшись, он выпустил весь рожок. Чертыхаясь, меняя на ходу магазин, Красильников откатился поближе к телу. Опять повезло. Похоже на той стороне, ребята были не пальцем деланы и стреляли на звук. Место его прежней дислокации накрыл свинцовый дождь. Он огрызнулся двумя короткими очередями. Мгновенно откуда-то из-за спины хлопнул выстрел и левое бедро сперва обожгло, а потом нога онемела.

Обложили!

Игорь дёрнулся к намеченной заранее куче валежника и задел останки. Скелет рассыпался.

— Ну вот и всё, — не обращая внимания на пальбу и мелькающие тени, Игорь поднёс к губам фляжку, допил волшебный напиток из чудесной страны, где он уже никогда не побывает и рванул колечко на воротнике...

Больше книг на сайте - Knigoed.net